ISSN 2311-6412

Институт стран СНГ

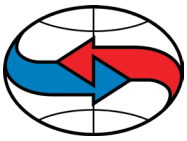
НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 2 (46)

Москва

2025



Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№2 (46)

Москва

2025

Председатель Совета учредителей – К.Ф. Затулин

Издатель – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)

Редакционная коллегия:

В.Г. Егоров – главный редактор, доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор.

С.Я. Лавренов – шеф-редактор, доктор политических наук, профессор.

О.В. Савина – редактор. **А.А. Львова** – корректор.

А.А. Горбунов – дизайн-верстка.

Журнал «Постсоветский материк» рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Редакционный совет:

А.В. Манойло – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.В. Штоль – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала «Обозреватель-Observer».

А.А. Маркаров – доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета.

М.В. Конотопов – доктор экономических наук, профессор, зам. заведующего кафедры экономической теории ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

О.Д. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

С.А. Байбаков – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

М.А. Олимов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета.

Г. Майтдинова – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) Университета.

М.А. Рахимов – доктор исторических наук, профессор Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан.

А.В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, главный редактор Российского социально-гуманитарного журнала.

© Постсоветский материк, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ 4

С. Я. ЛАВРЕНОВ. *МОЛДОВА НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО ВЫБОРА: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ–2025* 4

С. Н. БОЛЬШАКОВ. *ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ, АМБИЦИИ И ПРАГМАТИЗМ* 18

Ю. В. БАРАНЧИК. *БЕЛОРУССКАЯ ОППОЗИЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ* 39

А. В. ГРОЗИН. *ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК. ЧАСТЬ II* 56

А. Р. ЕРМАНАЛИЕВА. *ПОЛИТИКА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ* 68

С. А. КУДРЯВЦЕВ. *К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ* 80

ЭКОНОМИКА 93

Н. В. ВЛАСОВА, В. А. ОЛЕНЦЕВИЧ. *НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕС ХОЛДИНГА «РЖД» И КЛЮЧЕВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ* 93

Д. Р. БИКБУЛАТОВ. *ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ЧАСТЬ II* 109

ИСТОРИЯ 124

М. А. АВИМСКАЯ, Я. В. ШРАМКО. *РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И КИТАЯ* 124

М. В. ПАЛЕОЛОГ, О. А. СУХОРУКОВА. *УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ* 136

М. М. РЯБОВА. *ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФУТБОЛА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТРАЖЕНИИ СПОРТИВНОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА XX ВЕКА* 148

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК». 162

ИНФОРМАЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 165

ПОЛИТОЛОГИЯ

Сергей ЛАВРЕНОВ

МОЛДОВА НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО ВЫБОРА: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ–2025

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции внутриполитической и экономической ситуации в Молдове накануне парламентских выборов, анализируются политико-правовые и экономические условия, в которых будут проходить выборы, роль и место евроструктур в поддержке проевропейских политических сил, включая неправительственные организации. Рассматривается также роль Румынии в происходящих событиях, в том числе в связи с противоречивой ситуацией, которая сложилась в стране по итогам дважды проведенных президентских выборов.

Введение

Парламентские выборы в Молдове должны состояться 28 сентября 2025 г. Речь идет не просто об очередной избирательной процедуре, каких в новейшей истории Молдовы было немало, а о выборах, которые могут носить судьбоносный характер, привести к разрушению традиционной, веками складывавшейся системе геополитических и ценностных координат, в которых развивалась республика.

ЛАВРЕНОВ Сергей Яковлевич – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела Молдовы и Приднестровья Института стран СНГ, Россия, Москва, email: lavrs2009@yandex.ru, SPIN-код: 1439-5583.

Ключевые слова: парламентские выборы, перерождение режима М. Санду, политическая оппозиция, репрессивная политика, русофобия, румынизация общественного сознания в Румынии, молдово-приднестровские отношения.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_4

Предвыборные баталии

Несмотря на то, что официально избирательная кампания еще не вступила в действие, реально молдавские власти и оппозиция уже вовлечены в предвыборное противостояние. Молдавские власти в преддверии парламентских выборов стремятся укрепить политический режим (фактически диктатуру) М. Санду, опираясь на безусловную поддержку Запада. Платой за это является проведение молдавским политикумом активной антироссийской политики. Только за последнее время Кишинёв допустил ряд новых недружественных заявлений и действий.

14 февраля премьер-министр Дорин Речан, сославшись на положения принятой в декабре 2023 г. Стратегии национальной безопасности, где РФ объявлена одной из главных угроз для Молдовы, заявил о возможной денонсации Договора о дружбе и сотрудничестве с Российской Федерацией [1].

В течение четырех месяцев Санду демонстративно откладывает вручение верительных грамот российским послом О. Б. Озеровым. 4 апреля по надуманному предлогу было объявлено о высылке из Молдовы еще трех российских дипломатов, в том числе А. Андреева, сопредседателя Объединенной контрольной комиссии от России, что привело не только к дипломатическому скандалу, но и стало очередным ударом по Объединенной контрольной комиссии и миротворческой миссии в целом [2].

В знак «благодарности» евроструктуры, накануне парламентских выборов в Молдове, приняли решение об оказании команде Санду беспрецедентной по размеру финансовой помощи. Так, 20 февраля Европарламент согласовал план поддержки Молдовы в размере почти 2 млрд евро: 520 млн евро в виде гранта и 1,5 млрд евро в виде кредита с низкой процентной ставкой [3].

Внутриполитическая ситуация в Молдове усугубляется постепенным перерождением политического режима М. Санду по украинской кальке. Об этом свидетельствуют ряд фактов:

Во-первых, власти Республики Молдова (далее – РМ) в последнее время все более откровенно реанимируют идейное «наследие» фашистской диктатуры маршала Иона Антонеску, союзника нацистской Германии. В частности, «наследие» режима Анто-

[1] Молдова готовится денонсировать договор о дружбе и сотрудничестве с Россией // http://www.evedomosti.md/news/moldova-gotovitsya-denonsirovat-dogovor-o-druzhbe-i-sotrudni (дата обращения: 23.04.2025).

[2] Москва и Кишинев на грани разрыва дипотношений: Молдова атаковала миротворческий механизм в ПМР // https://www.politnavigator.net/moskva-i-kishinev-na-grani-razryva-dipotnosheniji-moldova-atakovala-mirotvorcheskijj-mekhanizm-v-pmr.html (дата обращения: 23.04.2025).

[3] Совет ЕС и Европарламент договорились о поддержке реформ в Молдове на сумму почти 2 млрд евро // https://belta.by/world/view/sovet-es-i-evroparlament-dogovorilis-o-podderzhke-reform-v-moldove-na-summu-pochti-2-mlrd-evro-697204-2025/ (дата обращения: 24.04.2025).

неску инкорпорировано в новый школьный учебник для 11-го класса средних школ Молдовы[4]. Несмотря на политический скандал, вызванный этим решением, клика Майи Санду не собирается отказываться от внедрения в образовательный процесс данного проекта.

Во-вторых, внутриполитический курс правящего режима Молдовы в значительной степени основывается на антироссийской доминанте.

В-третьих, отрицание совместного с Россией исторического прошлого. В частности, молдавские власти уже не в первый раз отказываются от празднования Дня Великой Победы (9 мая они предпочитают отмечать День Европы), препятствуют проведению соответствующих мероприятий и не признают сам термин «Великая Отечественная война». Зато румынская оккупация 1941–1944 годов трактуется режимом М. Санду в русле современной румынской историографии, не как захват чужих земель, а как «воссоединение разделенной румынской нации».

В-четвертых, в молдавской системе образования планируется ликвидация преподавания на русском языке с учетом «позитивного» опыта прибалтийских республик на этом направлении.

В-пятых, продолжается последовательный запрет российских, местных оппозиционных и белорусских СМИ и интернет-ресурсов в информационном поле Молдовы.

Дело дошло до того, что в конце марта 2025 г. молдавское правительство проанонсировало разработку распоряжения о приостановке доступа к веб-сайтам под предлогом того, что они могут содержать информацию, используемую для подготовки или совершения уголовных преступлений[5]. Фактически данное распоряжение направлено на цензурирование информационного пространства, несмотря на то, что это противоречит статье 34 п. (5) Конституции Республики Молдова и статье 5 Закона № 64/2010 о свободе выражения мнения.

Одновременно молдавские власти намерены запустить в республиканское информационное пространство русскоязычный эрзац-телеканал «Молдова 3». По заявлению Санду, задача нового телеканала – предоставлять объективную информацию гражданам, не понимающим румынский язык и «вынужденным» обращаться к источникам информации из Российской Федерации[6]. В действительности, подлинной целью властей является воспрепят-

[4] Скандальный учебник истории для молдавских школьников // https://history.gospmr.org/skandalnyj-uchebnik-istorii-dlya-moldavskih-shkolnikov/ (дата обращения: 23.04.2025).

[5] Правительство готовит документ о закрытии веб-сайтов: эксперты обеспокоены // https://noi.md/ru/obshhestvo/pravitelistvo-gotovit-dokument-o-zakrytii-veb-sajtov-jeksperty-obespokoeny (дата обращения: 24.04.2025).

[6] Майя Санду о запуске Moldova 3: Большая часть контента на русском языке поступает из Москвы, а это проблема // https://enewsmd.online/publicatsia/majya-sandu-o-zapuske-moldova-3-bolshaya-chast-kontenta-na-russkom-yazyke-postupaet-iz-moskvy-a-eto-problema/ (дата обращения: 24.04.2025).

ствование доступа к объективной информации русскоязычному сегменту населения.

В-шестых, усиливается репрессивная кампания против политической оппозиции. Под уголовное преследование уже попали некоторые оппозиционные депутаты – в частности, Александр Нестеровский и Ирина Лозован, члены политбюро партии «Renaştere – Возрождение» (входит в Блок «Победа»). Третий парламентарий – Марина Таубер – ожидает приговора.

В кампании по преследованию и дискредитации оппозиции, по-прежнему, значимую роль играют неправительственные организации (НПО). Временное блокирование их финансирования со стороны США ситуацию принципиально не меняет. ЕС уже заявил о планах выделить молдавским НПО компенсирующие гранты.

В ходе избирательной кампании преследование оппозиции, скорее всего, не завершится разгромом одного только Блока «Победа», на очереди – предвыборный оппозиционный Блок «Альтернатива», возглавляемый Александром Стояногло. В настоящее время – это единственная реальная политическая сила в Молдове, наряду с Блоком коммунистов и социалистов, которая выступает за проведение разновекторной внешней политики, предполагающей восстановление взаимовыгодных отношений с Россией. В настоящее время ЦИК Молдовы в качестве контрмеры рассматривает правомочность создания политических блоков как формы объединения политических партий в избирательный период.

Для пресечения «уличной» поддержки оппозиции молдавские власти в начале апреля инициировали законопроект, запрещающий проведение протестных и иных мероприятий, «если они направлены на призыв к военной агрессии, подрыв национальной безопасности и территориальной целостности Республики Молдова, пропаганду «клеветы страны».

Молдавскими властями рассматриваются и другие беспрецедентные меры, в частности, принятие законопроекта, разрешающего 15-летним подросткам участвовать в выборах[7].

Столь масштабная подготовка к парламентским выборам говорит о том, что клика М. Санду не уверена в их исходе. По одному из последних опросов общественного мнения, 57% опрошенных высказали мнение, что партия PAS не сможет набрать парламентского большинства[8]. Об этом свидетельствует также поспешно организованная властями приватизация ряда крупных государственных предприятий республики, имеющая коррупционную направленность.

[7] «Альтернатива»: 15-летним детям разрешат участвовать в кампании выборов // http://www.evedomosti.md/news/blok-alternativa-osuzhdaet-popytki-ogranichit-ego-deyatelnos (дата обращения: 25.04.2025).

[8] Президенту Молдавии придется искать ответы на опросы // https://www.kommersant.ru/doc/6593230 (дата обращения: 24.04.2025).

Деструктивные тенденции проявляются и в других сферах жизнедеятельности Молдовы.

Во-первых, в настоящее время, при активном участии западных структур, продолжается активная милитаризация Молдовы. Кроме НАТО, с 2023 г. к этому процессу подключился ЕС, уже выделивший на программу по модернизации молдавской армии десятки миллионов евро. Особое внимание НАТО и ЕС уделяют включению территории республики в общеевропейскую зону ПВО, а также совершенствованию военно-логистических возможностей Молдовы с тем, чтобы использовать их для материально-технического снабжения и поставок вооружения ВСУ.

Конечной целью военного «освоения» территории Молдовы западными партнерами является интеграция республики (при пока еще формальном сохранении нейтрального статуса) в структуры НАТО, с постепенным встраиванием ее в юго-восточный фланг Североатлантического альянса. Это создает угрозу прямого вовлечения Молдовы в конфликт на Украине.

В марте молдавские власти приняли решение об увеличении численности Национальной армии РМ до 8 тыс. чел. (прежде всего, за счет контрактников), не считая других силовых структур Молдовы[9].

Подобные меры предпринимаются, в том числе, и для подготовки возможной агрессивной акции против ПМР с целью ликвидации ее государственности с последующим присоединением всей бывшей Молдавской ССР к Румынии.

Из заявления руководителя департамента эффективности в администрации Д. Трампа Илона Маска, прозвучавшего 3 февраля 2025 г., на территории Молдовы велись (и наверняка, продолжают вестись) разработки биологического оружия (ранее осуществлявшиеся при финансировании USAID)[10]. В последнее время СБУ стало вербовать молдавских граждан для ведения диверсионной деятельности на территории России.

Во-вторых, продолжается дальнейшая румынизация общественного сознания в Молдове. Последние опросы общественного мнения в Молдове (не исключено, что ангажированные) показывают, что число граждан РМ, выступающих за интеграцию Румынии и Молдовы, последовательно растет. Если еще несколько лет назад таких насчитывалось в пределах 10–12%, то в настоящее время за интеграцию готовы высказаться около 37% респондентов (примерно 10% затруднились высказаться определенно). Таким образом, поддержка воссоединения с Румынией подбирается к 50% – игнори-

[9] Власть намерена тратить больше бюджетных средств на армию Молдовы: Военнослужащих будет на несколько тысяч больше – таким видит ПАС развитие страны // https://www.md.kp.media/online/news/6303379/ (дата обращения: 24.04.2025).

[10] Маск заподозрил USAID в финансировании исследований в области биооружия // https://smotrim.ru/article/4340015 (дата обращения: 25.04.2025).

ровать этот фактор в ближайшее время будет играть все более значимую роль в политических процессах в республике[11].

При этом необходимо учитывать, что значительная часть правящего класса Молдовы давно уже имеет румынское гражданство; продолжается назначение румынских специалистов в молдавские госучреждения; румынский бизнес активно внедряется в банковскую, энергетическую и иные сферы молдавской экономики; Румыния контролирует значительный сегмент инфосферы; продолжается активная кампания по предоставлению молдавским гражданам румынских паспортов и др.

Интеграция может произойти не только на основе прямого вхождения Молдовы в состав Румынии, но, что, вероятнее всего, через интеграцию РМ в Евросоюз (на основе внесенного в Конституцию положения в 2024 г. по итогам прошлогоднего референдума о стратегическом приоритете интеграции в ЕС).

В-третьих, продолжается масштабное наступление молдавских властей на Молдавскую православную церковь (самоуправляемая часть Русской православной церкви) в интересах Бессарабской (Румынской) митрополии. Здесь также повторяется украинский сценарий. Атаки на Молдавскую православную церковь будут усиливаться, поскольку процессы переформатирования сознания граждан бывших союзных республик СССР включают в себя не только переписывание истории, продвижение либеральных «ценностей», ЛГБТ-пропаганду, но и борьбу с теми общественными институтами, которые еще сохраняют приверженность традиционным ценностям.

Обстановка вокруг Приднестровской Молдавской Республики

Кишинёв, несмотря на публичную «миролюбивую» риторику в отношении урегулирования приднестровского конфликта, проводит фактически враждебную политику в отношении Приднестровья.

С 1 января 2024 г. Кишинёв ввел таможенные пошлины на экспорт приднестровской продукции, которые ранее направлялись в приднестровский бюджет. Двойные таможенные платежи привели к росту цен в Приднестровье. Дополнительные затраты экономических агентов Приднестровья связаны также с банковской блокадой, введенной Кишинёвом. Из-за блокирования Кишинёвом экспорта приднестровской продукции, необоснованно отнесенной к категории «двойного» назначения, внешнеторговый оборот в 2024 г.

[11] Опрос: больше половины молдаван выступают против присоединения к Румынии // https://ria.ru/20241017/moldavija-1978575764.html (дата обращения: 24.04.2025).

снизился на 21%[12]. В целом, потери экономики ПМР из-за различных ограничений со стороны РМ в последние годы превысили 10% от ВВП Приднестровья.

Продолжается блокирование Кишинёвом импорта в ПМР лекарств и другой продукции первой необходимости из России, Украины и Белоруссии. Подобные действия молдавских властей связаны как с экономическими интересами (стремлением переориентировать приднестровский импорт на молдавских поставщиков), но, прежде всего, с политическими мотивами (стремлением добиться еще большего падения товарооборота ПМР с Россией).

Со всей очевидностью враждебность молдавских властей в отношении Приднестровья проявилась в ходе энергокризиса в первом квартале 2025 г.

Несмотря на неоднократные обращения Тирасполя к Кишинёву с предложением согласовать меры по преодолению кризисной ситуации в газовой сфере, молдавские власти уклонялись от взаимодействия, обвиняя во всех бедах Россию, которая якобы спровоцировала энергокризис в регионе [1, с. 63].

В связи с острым дефицитом газа в ПМР были отключены 150 газовых котельных, остановлены все промышленные предприятия, за исключением тех, кто производил продовольственную продукции. Продолжили работу также те, у кого в распоряжении оказались мобильные генераторные установки. Тем не менее, и эти предприятия были вынуждены перейти на ночной режим работы. С серьезными проблемами столкнулись сфера здравоохранения республики (нехватка тепла в больницах) и транспорт (часть которого работала на метане). К середине января от газоснабжения были отключены 122 населенных пункта Приднестровья.

Прекратили работу свыше 40 промышленных предприятий Приднестровья, в том числе такие индустриальные гиганты как Молдавский металлургический завод, «Тиротекс», Рыбницкий цементный комбинат и др. На этих предприятиях трудилось более 20% занятого в экономике республики населения, обеспечивая около 40% налоговых поступлений.

В условиях надвигавшейся гуманитарной катастрофы в приднестровском регионе молдавские власти, пользуясь ситуацией, выдвинули ряд условий Тирасполю для получения финансовой помощи ЕС и «пропуска» природного газа от венгерских и иных поставщиков на территорию непризнанной республики. В их числе: свободное вещание ряда молдавских СМИ на территории ПМР; беспрепятственная работа школ, где ведется преподавание на румынском языке, упразднение контрольно-пропускных постов на границе ПМР и Молдовы и

[12] Блокирование Молдовой экспорта продукции, необоснованно отнесенной к категории «двойного назначения», привело к срыву контрактов и потере рынков сбыта // https://tiraspolnews.ru/society/2025/02/19/167400.html (дата обращения: 22.04.2025).

ряд других действий, направленных на размывание суверенитета ПМР.

Кроме того, Санду неоднократно заявляла, что финансовая помощь Левобережью взаимоувязывается с выводом российского контингента и замены миротворческой миссии на мирогражданскую под эгидой ООН или ЕС (ОБСЕ)[13].

Вследствие энергокризиса, объем производства в ПМР в начале 2025 г. сократился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 56%: в машиностроении и металлообработке – на 65%, в легкой промышленности –на 73,5%, в черной металлургии – на 87%, в химической промышленности – на 91%. Удержать на прежнем уровне удалось лишь пищевую промышленность, где спад производства составил 5%[14]. Как следствие, резко сократился внешнеторговый оборот ПМР (без учета энергоносителей) республики, вследствие чего бюджет республики не досчитался значительных средств.

Общий товарооборот со странами Евразийского экономического союза, по итогам 2024 г., снизился в первом квартале 2025 г. на 45%. В частности, экспорт в РФ сократился на 53% и составил всего 3% от общего показателя. При этом экспорт из Приднестровья в государства-члены ЕС в 2024 г. достиг рекордного уровня в 83%[15]. В этом и заключалась одна из целей искусственного созданного Кишинёвом энергокризиса в ПМР.

Продолжается фактически принудительная регистрация экономических агентов ПМР в соответствующих органах Молдовы (в настоящее время зарегистрировано свыше 2 400 субъектов хозяйствования)[16].

Кишинёв ориентирован и в последующем создавать дополнительные трудности для Приднестровья. В частности, молдавские власти уже озвучили намерение ввести дополнительные налоги для работающих на газе предприятий Приднестровья. В настоящее время действует договоренность, согласно которой газ для региона поставляется в объемах, необходимых только для бытовых потребителей и небольших предприятий.

В условиях резко ухудшившейся социально-экономической ситуации в ПМР Кишинёв предлагает приднестровцам встать на учет в Национальное агентство занятости населения, чтобы получить работу или выплаты по безработице. По

[13] Санду: «Финансовая помощь левобережью возможна только после вывода российских войск» // https://noi.md/ru/politika/sandu-finansovaya-pomoshhi-levoberezhiyu-vozmozhna-toliko-posle-vyvoda-rossijskih-vojsk (дата обращения: 24.04.2025).

[14] В Приднестровье подсчитали убытки от энергокризиса: объем производства сократился на 56% // https://news.mail.ru/politics/64982643/ (дата обращения: 22.04.2025).

[15] Коллегия ГТК по итогам 2024 года // https://vspmr.org/news/supreme-council/kollegiya-gtk-po-itogam-2024-goda.html (дата обращения: 24.04.2025).

[16] В Молдове зарегистрированы 2406 экономических агентов из Приднестровья // http://www.evedomosti.md/news/v-moldove-zaregistrirovany-2406-ekonomicheskih-agentov-iz-pr (дата обращения: 24.04.2025).

данным Агентства госуслуг РМ, на 31 декабря 2024 г. загранпаспорт РМ оформили 342,4 тыс. жителей ПМР, а внутренний паспорт есть у 307,7 тыс. жителей региона [17].

Ситуация с поставками газа может еще более ухудшиться в связи с намерением молдавских властей с 31 июля 2025 г. лишить «Молдовагаз» лицензии оператора по поставкам и транспортировке газа, передав эти правомочия румынской по происхождению компании Vestmoldtransgaz, а также Energocom, что позволит использовать эту ситуацию в качестве мощного рычага давления на приднестровские власти.

По справедливому заявлению Президента ПМР В. Н. Красносельского, против Приднестровья фактически развязана политика геноцида, которая выражается в попытках экономического удушения, физическом уничтожении части народа, отказе приднестровским гражданам в правовой защите, насильственном насаждении румынского языка [18].

В настоящее время фактически блокирован международный переговорный процесс в формате «5+2». Кишинёв де-факто вышел из переговорного процесса по молдо-приднестровскому урегулированию. В настоящее время Кишинёв настаивает на том, что урегулирование должно осуществляться на основе принятых молдавскими органами власти Молдовы законов и решений. Одновременно Кишинёв настаивает на переформатировании переговорного процесса с обязательным включением в него Румынии в качестве посредника (и, возможно, гаранта).

Параллельно Кишинёв проводит политику искусственного снижения эффективности действующей миротворческой операции: препятствует продуктивной работе ОКК, пытается использовать молдавских миротворцев в одностороннем порядке и др.

Одновременно Кишинёв нагнетает напряженность с еще одним «строптивым» регионом – Гагаузией.

Преднамеренная эскалация напряженности с Гагаузией

Действия Кишинёва по обострению напряженности с Гагаузией выражаются, во-первых, в наращивании репрессивной кампании против представителей гагаузской власти (обыски, полицейское запугивание и др.), завершившееся беспрецедентным задержанием

[17] Правда Гагаузии // https://t.me/PravdaGagauzia/26468 (дата обращения: 25.04.2025).

[18] Президент ПМР Красносельский: Против Приднестровья применяется политика геноцида // https://dzen.ru/a/Zd8vV4fX7DjrzWhi (дата обращения: 21.04.2025).

башкана Гагаузии Евгении Гуцул 25 марта[19]. Подобной акцией молдавские власти перешли своего рода «красную» линию, продемонстрировав, что их целью является принуждение Народного собрания Гагаузии к лишению Гуцул полномочий башкана и проведению досрочных выборов.

Для молдавских властей неприемлемы тесная связь Гуцул с Блоком «Победа», а также ее заявления о целесообразности взаимодействия с Россией в различных сферах жизнедеятельности. Благодаря своей прагматичной общественно-политической позиции, Гуцул приобрела популярность не только в Гагаузии, но и на территории всей Молдовы.

Стремясь реализовать совместно с РФ ряд проектов в банковской, культурной и сельскохозяйственных сферах, Гуцул была близка к тому, чтобы получить конкретные результаты, доказав тем самым молдавскому населению, что взаимодействовать с Россией – выгодно.

Кроме того, в ходе одного из визитов в Москву в 2024 г. Е. Гуцул сделала ряд политических заявлений: в частности о том, что в случае объединения Молдовы с Румынией, Комрат объявит о независимости республики, опираясь на результаты референдума 2014 года (последний определил право Гагаузии на самоопределение в том случае, если Республика Молдова утратит свою государственность)[20].

Подобные декларации абсолютно неприемлемы для правящего режима – тем более, что, согласно одному из последних опросов общественного мнения, проведенного Институтом маркетинга и социологических опросов (*IMAS*), связанного с аналогичными румынскими учреждениями, 62% опрошенных высказались за внешнеполитическую ориентацию на Россию, либо одновременно на РФ и страны ЕС[21].

Что касается Кишинёва, то ему предложить Комрату в экономическом плане практически нечего. В этой связи М. Санду увидела в Е. Гуцул реальную угрозу для своей власти.

Во-вторых, продолжается последовательное урезание полномочий автономии с целью подготовить почву для придания им формального, декоративного характера. Одним из последних акций подобного рода стало решение Конституционного суда о лишении Гагаузской автономии права назначать собственного прокурора.

В-третьих, продолжается усиление экономического давления на автономию. До этого в отношении Гагаузии действовала госпрограм-

[19] К чему приведет задержание в Молдавии главы Гагаузии // https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/26/1100361-zaderzhanie-glavi-gagauzii (дата обращения: 24.04.2025).

[20] Гуцул пригрозила независимостью Гагаузии при объединении Молдавии и Румынии // https://ria.ru/20240405/gagauziya-1938133587.html (дата обращения: 24.04.2025).

[21] Почти 60% населения Молдавии недовольны курсом развития страны // https://iz.ru/1669158/2024-03-21/pochti-60-naseleniia-moldavii-nedovolny-kursom-razvitiia-strany (дата обращения: 24.04.2025).

ма возмещения НДС на проданный за рубежом товар из госбюджета. В соответствии с принятыми поправками, возмещение НДС в Гагаузии теперь компенсируется из бюджета автономии. В результате, по предварительной оценке, бюджет Гагаузии ежегодно теряет до 25%[22].

Одновременно молдавские власти всячески препятствует реализации договоренностей, достигнутых Е. Гуцул с Россией, а именно: открытии специальных счетов для жителей автономии; предоставлении гуманитарной поддержки гражданам Гагаузии, проживающих в России; скидке цены на газ для жителей автономии; преференциальном режиме (по акцизу и пошлинам) для импорта на рынки РФ сельхозпродукции из автономии.

Заключение

В целом, можно констатировать, что в настоящее время российско-молдавские отношения переживают наихудшие времена за весь постсоветский период. Это, в первую очередь, выражается: во-первых, в свертывании торгово-экономических отношений, в том числе в газовой сфере. В настоящее время взаимодействие Молдовы и России свелось к крайне узкому сегменту торгово-экономических и формальному поддержанию дипломатических отношений. Фактически молдавские власти своими действиями примкнули к стану недружественных России государств.

Наряду с демонтажом российско-молдавских отношений, Молдова взяла курс на разрыв отношений с СНГ. Кишинёв, под давлением Запада (в частности, Еврокомиссии) уже денонсировал десятки соответствующих договоренностей и уклоняется от уплаты взносов в фонды СНГ.

До последнего времени Молдова пользовалась безвизовым режимом с большинством стран СНГ на основе двусторонних отношений, в том числе с Российской Федерацией. В настоящее время в парламентской комиссии по внешней политике РМ рассматривается консультативное заключение о денонсации соглашения о безвизовом режиме с государствами, входящими в СНГ. Тем самым, могут быть оборваны последние преференциальные отношения между Молдовой и Россией.

Во-вторых, в присоединении к большей части введенных Западом антироссийских акций, в том числе против российских физических лиц.

В-третьих, вытеснении русскоязычных СМИ, предоставлявших относительно объективную информацию молдавскому населению. В на-

[22] Автономии Гагаузия хотят сократить финансирование // https://www.gazeta.ru/business/news/2024/03/05/22485085.shtml (дата обращения: 25.04.2025).

стоящее время речь идет о попытке ввести цензуру в Интернет-пространстве и монополизировать информационное пространство.

В-четвертых, в радикальном сокращении численности российских загранучреждений в республике, а также отказе во въезде в Молдову российским гражданам (политикам, артистам, экспертам, общественным деятелям, журналистам и др.). В начале года под надуманным предлогом была предпринята попытка закрыть Российский центр науки и культуры в Кишинёве.

В результате в современной Молдове русские (и русскоязычные) чувствуют себя все более неуютно [2].

Сокращается количество русскоязычных садов и школ, нарушаются права русских – в частности, под вымышленными предлогами их лишают права избираться в органы власти. В случае сохранения у власти режима М. Санду, можно ожидать дальнейших попыток по дерусификации Молдовы.

В преддверии парламентских выборов-2025 Кишинёв под диктовку западных кураторов взял курс на усиление репрессивной политики как в отношении политической оппозиции, так и неугодных регионов (ПМР, Гагаузия). Особую тревогу при этом вызывает то, что в Молдове фактически завершается оформление полицейского, авторитарного государства, уже ориентированного на проведение превентивной, тотальной цензуры информационного пространства. Подобная политика будет преподноситься как необходимое средство для противодействия «российскому вмешательству» в выборы.

Репрессивные меры предпринимаются в отношении «неугодных» политиков. С демонстративного задержания главы Гагаузии режим Санду фактически начал «охоту на ведьм». Своими действиями правящая в Молдове партия PAS подталкивает гагаузов к акциям неповиновения, чтобы получить повод для упразднения автономии. Следует ожидать, что в дальнейшем Кишинёв продолжит свою политику с целью поэтапного отсечения полномочий Гагаузии. Следующим шагом может стать изменение процедуры проведения выборов в Гагаузии с целью избрания политически лояльных башкана и Народного собрания. В последующем не исключена окончательная деконструкция Гагаузской автономии, низведения ее до статуса обычного района Молдовы.

В этой связи особое значение для будущего Молдовы приобретают сентябрьские выборы в парламент. Очевидно, что власти пойдут на крайние меры с тем, чтобы лишить политических оппонентов каких-либо шансов на победу, которая могла бы лишить «президентскую» партию «Действие и солидарность» парламентского большинства. О том, как могут развиваться события в ходе избирательной кампании, можно судить по президентским выборам в Румынии, первый раунд которых, когда победил независимо мыслящий политик К. Джорджеску, был аннулирован решением Конституционного суда. При этом он демонстративно проигнорировал выводы

Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), констатировавшей неправомочность решения Конституционного суда.

В Молдове снятие кандидатов, партий или политических блоков будут объяснять «антиевропейской» позицией кандидатов, ссылаясь на внесенного в 2024 г. в Конституцию положение об европейской интеграции как стратегическом приоритете внешней политики; незаконном финансировании их избирательной кампании и под другими предлогами.

Будут предприниматься и другие действия. В частности, члены и активисты PAS уже разъезжают по селам и городам, угрожая их жителям тем, что если они не проголосуют за кандидатов партии власти, то примэрии не получат денег из европейских кредитов на реализацию инфраструктурных проектов (подобная кампания была уже апробирована накануне местных выборов в 2023 г.). В этих условиях единственно возможным средством противостояния безоглядному произволу нынешних властей является консолидация, несмотря на существующие разногласия, политической оппозиции, которая должна развернуть повседневную разъяснительную работу в борьбе за каждый голос избирателя. При этом основной проблемой для оппозиции является контроль за голосованием зарубежной диаспоры, где допускались многочисленные нарушения, и, которая, в известной степени, оказала решающее влияние на итоги предыдущих избирательных кампаний.

Список литературы:

1. Лавренов С. Я. Энергокризис в Молдово-приднестровском регионе: скрытые мотивы и возможные последствия // Геоэкономика энергетики. 2025. №1. С. 57–74.

2. Докучаева А. В., Ганин К. С. Медиаанализ нарушений прав российских соотечественников в странах СНГ // Постсоветский материк. 2025. №1 (45). С. 4–20.

3. Лавренов С. Я. Молдавию встраивают в восточноевропейский «пояс обороны» НАТО // Обозреватель. 2022. №3–4. С. 23–38.

4. Лавренов С. Я. Развитие системного кризиса в Молдове: причины и возможные последствия // Постсоветский материк. 2022. №4. С. 28–42.

5. Лавренов С. Я. Основные тенденции и проблемы новейшей истории Республики Молдова // Постсоветское пространство в политической динамике. СПб.: «Алетейя». 2025. С. 384–421.

LAVRENOV Sergey Ya. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Moldova and Transnistria Department at the Institute of CIS Countries, Moscow, Russia, email: lavrs2009@yandex.ru.

Keywords: parliamentary elections, rebirth of M. Sandu's regime, political opposition, repressive policy, Russophobia, Romanianization of public consciousness in Romania, Moldovan-Pridnestrovian relations.

MOLDOVA ON THE EVE OF A DECISIVE CHOICE: PARLIAMENTARY ELECTIONS–2025

Annotation

The article examines the main trends of the internal political and economic situation in Moldova on the eve of the parliamentary elections, analyzes the political, legal and economic conditions in which the elections will be held, the role and place of European structures in supporting pro-European political forces, including non-governmental organizations. Romania's role in the current events is also being considered, including in connection with the controversial situation that has developed in the country following the results of the twice-held presidential elections.

References

1. Lavrenov S. Ya. Energy crisis in the Moldova-Transnistria region: hidden motives and possible consequences // Geoeconomics of energy. 2025. No. 1. pp. 57–74.

2. Dokuchaeva A.V., Ganin K. S. Media analysis of violations of the rights of Russian compatriots in the CIS countries // Post-Soviet continent. 2025. No. 1 (45). pp. 4–20.

3. Lavrenov S. Ya. Moldova is being integrated into the Eastern European "defense belt" of NATO // Observer. 2022. No.3–4. pp. 23–38.

4. Lavrenov S. Ya. Development of the systemic crisis in Moldova: causes and possible consequences // The post-Soviet continent. 2022. No. 4. pp. 28–42.

5. Lavrenov S. Ya. The main trends and problems of the modern history of the Republic of Moldova // The post-Soviet space in political dynamics. St. Petersburg: "Alethea". 2025. pp. 384–421.

Сергей БОЛЬШАКОВ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ, АМБИЦИИ И ПРАГМАТИЗМ

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия внешней политики России в общественном мнении, акцентируя внимание на динамике амбиций, прагматизма и трансформации взглядов в условиях геополитической нестабильности. Автор рассматривает эволюцию современных гибридных конфликтов, подчеркивая ограниченную эффективность силовых методов и необходимость сочетания военной мощи с экономическими, энергетическими и информационными инструментами влияния. Отмечается, что даже успешные военные операции не обеспечивают долгосрочных политических результатов, а международная изоляция усиливает риски для экономики.

Особое внимание уделяется роли гибридного противостояния, где ключевыми становятся пропаганда, кибератаки и информационные войны, направленные на консолидацию внутренней поддержки и дестабилизацию противников. Подчеркивается контраст между «виртуальными победами» (например, формирование образа успеха) и реальными экономическими и демографическими потерями.

На основе социологических данных выявлены поколенческие различия: старшее поколение, ностальгирующее по советскому периоду, чаще поддерживает независимую политику, тогда как молодежь демонстрирует амбициозность в целях, но прагматизм в методах. При этом значительная часть общества (18%) выступает за жесткую линию, несмотря на общий тренд в пользу баланса силы и дипломатии.

БОЛЬШАКОВ Сергей Николаевич – доктор политических наук, профессор Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: snbolshakov@mail.ru, SPIN-код: 69585403, ORCID: 0000-0002-4858-8216.

Ключевые слова: общественное мнение, внешняя политика, конфликт, демократия, модернизация.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_18

Исследование фиксирует рост поддержки внешнеполитического курса России за последние 15 лет, особенно среди женщин и респондентов старших возрастных групп, что связано с усилением уверенности в способности страны отстаивать свои интересы. Автор указывает на влияние государственной пропаганды в формировании патриотических установок и консервативных взглядов, а также анализирует связь между восприятием успехов/неудач политики и предпочтениями граждан.

Статья вносит вклад в понимание трансформации общественного мнения в условиях эскалации конфликтов, подчеркивая сложное взаимодействие исторического опыта, прагматизма и геополитических амбиций в контексте современной российской внешней политики.

Анализ современных конфликтов и их эволюции отражает ключевые тенденции геополитики XXI века. Эти идеи можно структурировать в нескольких тезисах, связанных с внешней политикой России и глобальными процессами. Военная сила в контексте гибридных конфликтов приобретает ограниченную эффективность «силового решения». Даже успешные военные операции не гарантируют долгосрочных политических результатов. Россия сталкивается с необходимостью сочетать военную мощь с санкциями, энергетическим влиянием, информационными фейками и кибератаками, контролем над информационным пространством. Спецоперация демонстрирует, что военный потенциал не компенсирует риски экономики в условиях международной изоляции [6].

Прямое военное столкновение с НАТО неприемлемо для всех сторон из-за взаимного ядерного сдерживания. «Гибридность» противостояния является основой современного соперничества. Многие страны активно использует пропаганду для консолидации внутренней поддержки и дестабилизации противников (вмешательство в выборы, поддержка антиправительственных движений). Виртуальные победы часто контрастируют с реальными экономическими и демографическими потерями.

Санкции Запада вынуждают Россию искать альтернативы в системе сдержек и противовесов (Китай, Индия, Турция), но зависимость от импорта высоких технологий и цепочек поставок сопровождается уязвимостью.

Даже в условиях конфронтации Россия зависит от экспорта ресурсов, а Запад – от стабильности энергорынков. Это создает «токсичную взаимозависимость», где стороны наносят ущерб друг другу, но не могут полностью разорвать связи. Европа, сократив импорт российского газа, столкнулась с инфляцией и «деиндустриализацией», а Россия утратила влияние на ключевом рынке сбыта. Вместо тотальных войн акцент смещается на локальные преимущества: контроль над ключевыми регионами (Арктика, Чер-

ное море), влияние через международные организации (ООН, БРИКС), продвижение альтернативных валют в расчетах [3].

Способность России сохранить устойчивость политического режима, несмотря на санкции и мобилизацию, связана с высоким уровнем патриотической мобилизацией (поддержка спецоперации 59% населения), перераспределением ресурсов в пользу силового блока и лояльных элит. Санкции и изоляция ускорили ротацию элит: выходцы из силовых структур и «технократы кризиса» заменяют либеральных технократов 2000-х.

Отсутствие общепризнанных норм (как после 1945 года) ведет к хаотизации, малые страны (Иран, КНДР) усиливают влияние, а традиционные лидеры (США, ЕС) теряют монополию на определение «правил игры». Роль России может заключаться в попытке стать «центром силы» в Евразии, но недостаток мягкой силы и экономического веса ограничивает амбиции.

Кризис легитимности международных институтов, когда ООН, ОБСЕ, МВФ теряют авторитет открывает пространство для неформальных альянсов (например, российско-китайское партнерство «без границ»).

Эти тенденции указывают на то, что конфликты будущего будут напоминать «войны истощения», где побеждает не тот, кто нанесет сокрушительный удар, а тот, кто дольше сохранит способность адаптироваться и перераспределять ресурсы [6].

Вспомним программную статью Владимира Путина «Россия на рубеже тысячелетий» (1999) и ее связь с современной идеологической программой, которая позволяет выделить ключевые тезисы, которые остаются актуальными спустя почти 25 лет [5]. Эти идеи не только формируют основу политики, но и объясняют истоки нынешнего конфликта России с Западом как столкновения двух версий модерна. В.В. Путин еще в 1999 году указывал на глобальное неравенство, где «постиндустриальный модерн» доступен лишь узкой группе стран. Сегодня это трансформировалось в риторику о «несправедливом однополярном мире», где Запад монополизирует технологии и ресурсы. Санкционная политика Запада интерпретируется как попытка сохранить доминирование «золотого миллиарда», а сопротивление России – как борьба за многополярность. В статье подчеркивалась зависимость России от экспорта сырья и технологическое отставание. Эти проблемы сохраняются, несмотря на частичное импортозамещение в экономике после введенных санкций образца 2014 года. Сегодня акцентируется «суверенитет» как ответ на эту уязвимость. В. В. Путин еще в 1999 году выступал за прагматичный подход, где важнее «договоренности и взаимные уступки», чем абстрактные идеалы [4]. Это отражается в гибкой внешней политике: от союза с Китаем до тактического сотрудничества с Турцией или Саудовской Аравией.

Например, газовые контракты с ЕС до 2022 года сочетались с жесткой риторикой, что демонстрирует баланс между экономическим прагматизмом и идеологическим противостоянием [5].

Россия позиционирует себя как цивилизацию-государство, где традиции, сильная власть и коллективизм важнее либеральных свобод. Акцент на многополярность, где каждая цивилизация (Китай, Индия, Россия) развивается по собственному пути. Это противоречит западной модели универсальных правил. Еще в 1999 году В. В.Путин называл отставание в науке и технологиях ключевой угрозой. Несмотря на рост оборонных НИОКР, гражданские секторы (микроэлектроника, IT) остаются зависимыми от импорта [4]. Санкции 2022 года обострили эту проблему. Ответные меры России (отказ от доллара, поворот на Восток) – попытка реализовать идею «многополярности» и снизить зависимость от «золотого миллиарда».

Идеи 1999 года остаются стержнем политики, но их реализация сталкивается с системными ограничениями (технологии, демография, экономика). Конфликт с Западом – не только борьба за сферы влияния, но и война нарративов: универсализм vs цивилизационный суверенитет.

Статья 1999 года – это не просто исторический документ, а «идеологический манифест», который объясняет логику действий России сегодня. Ее актуальность подтверждает, что В. В. Путин не столько меняет курс, сколько адаптирует исходные принципы к новым вызовам, сохраняя верность ключевой установке – Россия как самостоятельный полюс в мире конкурирующих модернов.

Новая внешнеполитическая доктрина России, принятая в марте 2023 года, отражает фундаментальный пересмотр ее роли в мировой политике и завершение попыток интеграции в западный порядок, начатых после распада СССР [1]. Россия позиционируется как уникальная цивилизация, не требующая интеграции в чужие системы. Это противопоставление западной модели глобализации и отказ от идеи «встраивания» в либеральный миропорядок.

Отказ от либерального универсализма в пользу цивилизационного партикуляризма (каждая цивилизация – самодостаточна). Доктрина называет США «главным инициатором антироссийской линии», что легитимизирует конфронтацию как борьбу за выживание [1]. Россия декларирует намерение разрушить монополярную систему, продвигая многополярность через альянсы с Китаем, Индией, странами БРИКС и Глобального Юга.

Доктрина подчеркивает, что либерализм и демократия исторически не связаны. Это попытка дискредитировать западные ценности как не универсальные. Россия предлагает демократию с акцентом на стабильность, традиции и коллективизм, противопоставляя ее «упадку» либеральных институтов

[1]. Рост популизма, неравенства и кризис доверия к институтам на Западе дают России аргументы для критики. Политические партии, такие как «Альтернативы для Германии» или движение MAGA в США косвенно поддерживают нарратив о «упадке либерализма».

Новая внешнеполитическая доктрина России – это не просто реакция на конфликт с Западом, а стратегический выбор в пользу цивилизационного изоляционизма [1]. Она отражает отказ от компромиссов с либеральным миропорядком, стремление стать центром альтернативной системы, основанной на авторитаризме, традиционализме и многополярности, убежденность, что будущее – за конкуренцией цивилизаций, а не универсальных ценностей.

Однако успех этой стратегии зависит от способности России преодолеть внутренние противоречия, найти баланс между конфронтацией и прагматичным сотрудничеством, а также убедить другие страны в устойчивости своей модели.

Анализ идей Марселя Гоше о кризисе историзма в западной цивилизации и их связь с современной геополитикой, включая позицию России, констатирует антиисторизм Запада как идеологический кризис. По Гоше, западные общества свели историю к индивидуальным правам и сиюминутному благополучию, отказавшись от коллективных проектов будущего (революции, нациостроительство, социальные утопии). Это создает «одномерного человека», чьи цели ограничены биологическим выживанием и потреблением. Современная политика ЕС и США фокусируется на «качестве жизни», но игнорирует вопросы цивилизационной идентичности или долгосрочных целей.

Отсутствие общей исторической миссии приводит к фрагментации общества, росту популизма и экзистенциальной тревоги. Это проявляется в дебатах о миграции, экологии и гендерной политике, которые не объединяют, а раскалывают западные страны. Запад, утратив способность проектировать будущее, компенсирует это экспансией в пространстве – военной (НАТО), экономической (глобализация) и культурной (продвижение прав человека как «универсальных ценностей»).

Идея «догоняющей модернизации» для не-западных стран, по Гоше, игнорирует их культурную специфику. Это вызывает сопротивление, так как навязываемые модели часто противоречат местным традициям (например, либерализация Ирака или Афганистана).

Российская идеология подчеркивает приоритет общего блага («духовные скрепы», традиционные ценности) над индивидуальными правами, что возвращает истории смысл. Россия отвергает необходимость следования западным образцам, продвигая идею многополярности, где каждая цивилизация развивается по собственному пути. Сотрудничество России с Китаем,

Индией и странами Африки строится на принципах взаимоуважения, а не навязывания правил. Страны Глобального Юга (Иран, Венесуэла, Мали) поддерживают Россию и Китай, видя в них противовес западному диктату. Их привлекает риторика о суверенитете и праве на собственный путь развития.

Критика Марселя Гоше вскрывает ключевой парадокс Запада: чем активнее он экспортирует свои ценности, тем сильнее теряет историческую легитимность [2]. Россия, напротив, использует этот кризис, предлагая себя как альтернативный полюс, где история не сводится к повседневности, а коллективная идентичность важнее индивидуализма. Однако ее успех зависит от способности сохранить внутреннюю стабильность, несмотря на санкции и демографические вызовы, предложить миру привлекательную модель развития, а не только антизападную риторику.

В конечном счете, спор между «антиисторичным» Западом и «исторической» Россией – это борьба за определение того, чьи ценности станут основой нового миропорядка. Пока ни одна из сторон не может демонстрировать победу, но их противостояние будет определять траекторию глобальной политики в ближайшие десятилетия.

Исследование российской внешней политики и роли общественного мнения в ее формировании крайне актуально в современных условиях по нескольким причинам – геополитический контекст, вызовы пересмотра миропорядка, военно-политические риски.

После 2014 года и особенно после 2022 года (спецоперация на Украине) Россия оказалась в ситуации глубокой конфронтации с Западом. Это требует анализа ее стратегии в условиях санкций, изоляции и перестройки международных связей (поворот на Восток, сотрудничество с Китаем, странами БРИКС). Россия позиционирует себя как центр «многополярного мира», бросая вызов доминированию США.

Данные опросов (например, 59% считают, что Россия успешно отстаивает интересы) показывают, что население в целом поддерживает текущий курс, несмотря на его издержки (санкции, мобилизация). Это создает социальную базу для власти. Рост убеждений в превосходстве России (57% согласны, что «Россия лучше других стран») и готовности поддерживать страну «даже если она не права» (55%) укрепляют легитимность власти в условиях конфликта. Высокая доля тех, кто считает, что отказ от самостоятельной политики приведет к потере суверенитета (25%), позволяет власти оправдывать применяемые меры (например, военные расходы) «защитой национальных интересов». Скептицизм молодежи (например, 42% в возрасте от 18 до 24 лет не согласны с утверждением «Россия лучше других стран») создает долгосрочные риски для стабильности курса (рис.1).

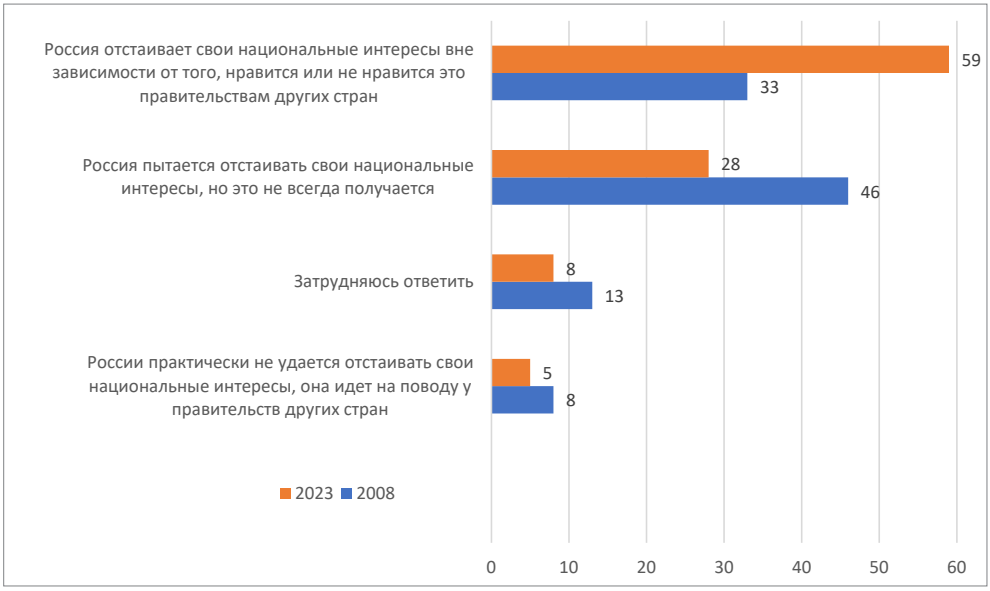


Рис. 1. «Как бы Вы охарактеризовали внешнюю политику, которую проводит сегодня Россия?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, апрель 2023), ВЦИОМ [8]

Общественная готовность терпеть экономические трудности ради «независимости» (38% уверены, что сближение с Западом ничего не даст) может быть поколеблена, если уровень жизни упадет ниже критической отметки.

Внутренняя поддержка позволяет России занимать жесткую позицию на переговорах (например, по Украине), так как элиты уверены в отсутствии массового сопротивления. Уверенность в «особой роли» России (33% считают, что ее влияние улучшает жизнь других народов) используется для легитимации активных взаимодействий со странами других континентов.

Исследование российской внешней политики и общественного мнения в ее отношении критически важно для политического прогнозирования, оценки устойчивости политической системы, разработки стратегий взаимодействия с Россией, анализа рисков эскалации конфликтов и ядерной угрозы [1], [8], [9].

Общественное мнение в России, несмотря на ограниченное прямое влияние на принятие решений, остается ключевым инструментом легитимации власти и важным индикатором социальной стабильности. Его изучение позволяет выявить как точки напряжения, так и ресурсы, на которые опирается режим.

Основной тренд в том, что большинство респондентов в 2023 считают, что Россия отстаивает свои национальные интересы незави-

симо от других стран (59% против 33% в 2008). Это значительный рост. При этом снизилась доля тех, кто думает, что Россия пытается, но не всегда успешно (с 46% до 28%). Интересно, что среди мужчин и женщин есть небольшие различия: 54% мужчин согласны с первым утверждением, а женщин 63% (рис.2.). Возможно, женщины более уверены в этом. Также с возрастом поддержка первого варианта растет: 57% у 18–24, до 62% у 60+. Может быть, старшее поколение более патриотично или поддерживает текущую политику.

Таблица 1

«Как бы Вы охарактеризовали внешнюю политику, которую проводит сегодня Россия?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, апрель 2023), ВЦИОМ [8]

	2023						
	Муж.	**Жен.**	**18-24**	**25-34**	**35-44**	**45-59**	**60+**
Россия отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от того, нравится или не нравится это правительствам других стран	54	63	57	54	59	60	62
Россия пытается отстаивать свои национальные интересы, но это не всегда получается	31	25	27	28	29	30	26
России практически не удается отстаивать свои национальные интересы, она идет на поводу у правительств других стран	8	3	8	6	5	4	5
Затрудняюсь ответить	7	9	8	12	7	6	7

Второй вопрос касается того, какой должна быть внешняя политика России. Большинство (67%) считают, что нужно вести независимую политику, но не диктовать условия. При этом мужчины немного чаще поддерживают позицию великой державы (22% против 15% у женщин). Молодые группы от 18 до 24 и от 25 до 34 чаще выбирают вариант «вести как великая держава» (20% и 25% респондентов соответственно). Это интересно, возможно, молодежь более амбициозна во

внешней политике. Также среди молодежи выше процент тех, кто допускает несамостоятельную политику, если это не противоречит интересам граждан (14% против 4% у лиц старшего возраста). Возможно, молодые более прагматичны или менее идеологизированы.

Стоит обратить внимание на динамику между 2008 и 2023 гг. (рис. 2.). Рост уверенности в отстаивании интересов может быть связан с текущими событиями, например, с конфликтами или внешнеполитическими действиями России. Также важно, что затрудняющихся с ответом стало меньше, что может указывать на более поляризованное общество или большую уверенность в позиции.

Респонденты старшего возраста чаще поддерживают независимую политику, возможно из-за опыта холодной войны или ностальгии по советскому периоду. Молодежь, возможно, более открыта к взаимодействию, но часть из них поддерживает жесткую линию.

Возможно, есть связь между восприятием текущей политики и предпочтениями. Те, кто считает, что Россия успешно отстаивает интересы, вероятно, поддерживают независимую политику, а те, кто видит неудачи, могут склоняться к другим вариантам. Но это требует проверки, возможно, кросс-табуляция данных.

При оценке восприятия текущей внешней политики фиксируется рост уверенности в отстаивании интересов. Доля респондентов, считающих, что Россия успешно отстаивает национальные интересы, выросла с 33% (2008) до 59% респондентов (2023) (см. рис. 2.). Это может быть связано с усилением внешнеполитической активности и конфронтации с Западом. При этом наблюдаются гендерные различия, женщины более уверены в этом (63% vs 54% у мужчин). Меняется и возрастная динамика. Поддержка растет с возрастом: 57% (18–24) vs 62% респондентов (в возрасте 60+), что может отражать патриотические настроения старшего поколения.

Исследования отмечают снижение скептицизма. Тех, кто считает, что Россия «пытается, но не всегда получается», стало меньше (46% → 28% респондентов). Уменьшилась и доля затруднившихся ответить (13% → 8% респондентов), что указывает на поляризацию мнений.

Исследования фиксируют курс поддержки относительно инициатив во внешней политики. 67% опрошенных поддерживают курс на самостоятельную политику без навязывания своей воли. Эта позиция доминирует во всех группах, особенно среди респондентов женщин (70%) и старшего поколения (76% респондентов в возрасте 60+).

Нельзя не отметить, что доминируют державные амбиции в обществе, 18% респондентов (в т.ч. 22% мужчин и 25% молодежи от 25 до 34 лет) выступают за роль России как «державы, диктующей волю» (таблица 2). Это может отражать запрос на усиление геополитического влияния среди части общества.

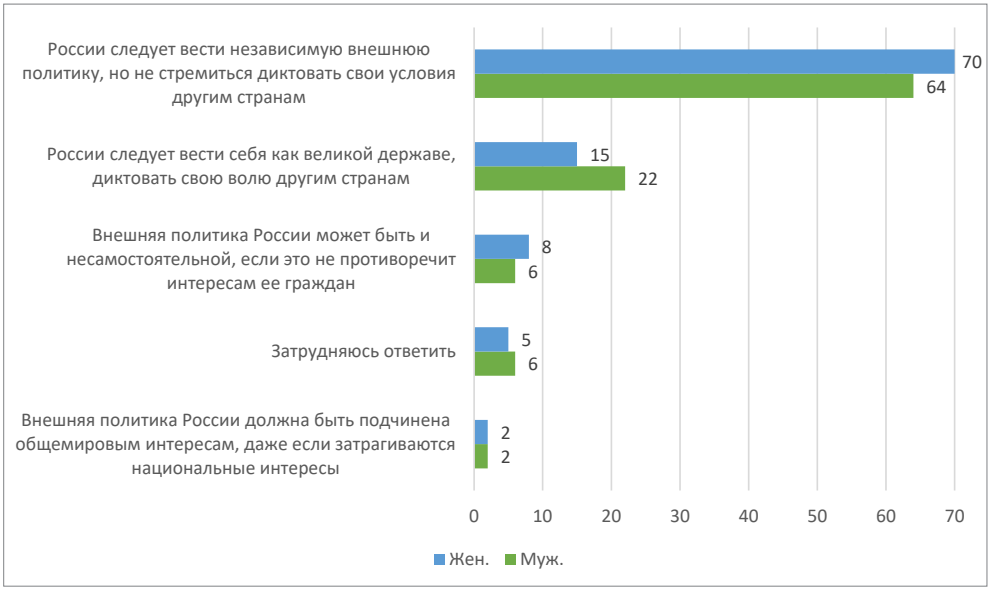


Рис. 2. «В современном мире ряд государств диктуют свои условия другим странам, некоторые – ведут самостоятельную внешнюю политику, никому не навязывая свои позиции, а многие государства ведут несамостоятельную внешнюю политику. Как Вы считаете, какова должна быть внешняя политика России?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, апрель 2023), ВЦИОМ [8]

Но в социальной группе респондентов среди молодежи отмечается и определенный прагматизм. Группы в возрасте от 18 до 24 и от 25 до 34 лет чаще допускают несамостоятельную политику, если это выгодно гражданам (14% vs 4% у группы респондентов в возрасте 60+), что говорит о гибкости взглядов молодежи.

Можно резюмировать, что исследования фиксируют рост поддержки текущего внешнеполитического курса. Уверенность в способности России отстаивать интересы значительно выросла за 15 лет, особенно среди женщин и старшего поколения. Наблюдается баланс между силой и дипломатией. Большинство предпочитает независимую, но не агрессивную политику, хотя значительная часть (18%) поддерживает жесткую линию. Молодежь более амбициозна в вопросах влияния, но прагматична в методах, тогда как старшее поколение консервативно и патриотично.

Эти данные отражают трансформацию общественного мнения в условиях геополитической напряженности и эскалации конфликтов, а также влияние государственной пропаганды на формирование взглядов.

За последние 15 лет уверенность в способности России отстаивать свои интересы выросла, особенно среди женщин и старшего поколения. При этом большинство россиян предпочитают независимую, но не агрессивную внешнюю политику, хотя есть значительная доля (18%), поддерживающая позицию великой державы, особенно среди мужчин и молодежи. Эти данные отражают изменения во внешнеполитической риторике и действиях России, а также общественное восприятие этих изменений.

Таблица 2

«В современном мире ряд государств диктуют свои условия другим странам, некоторые – ведут самостоятельную внешнюю политику, никому не навязывая свои позиции, а многие государства ведут несамостоятельную внешнюю политику. Как Вы считаете, какова должна быть внешняя политика России?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, апрель 2023), ВЦИОМ [8]

	Все опрошенные	18-24	25-34	35-44	45-59	60+
России следует вести независимую внешнюю политику, но не стремиться диктовать свои условия другим странам	67	56	53	68	72	76
России следует вести себя как великой державе, диктовать свою волю другим странам	18	20	25	21	17	13
Внешняя политика России может быть и несамостоятельной, если это не противоречит интересам ее граждан	7	14	14	5	5	4
Внешняя политика России должна быть подчинена общемировым интересам, даже если затрагиваются национальные интересы	2	1	3	1	1	2
Затрудняюсь ответить	6	9	5	5	5	5

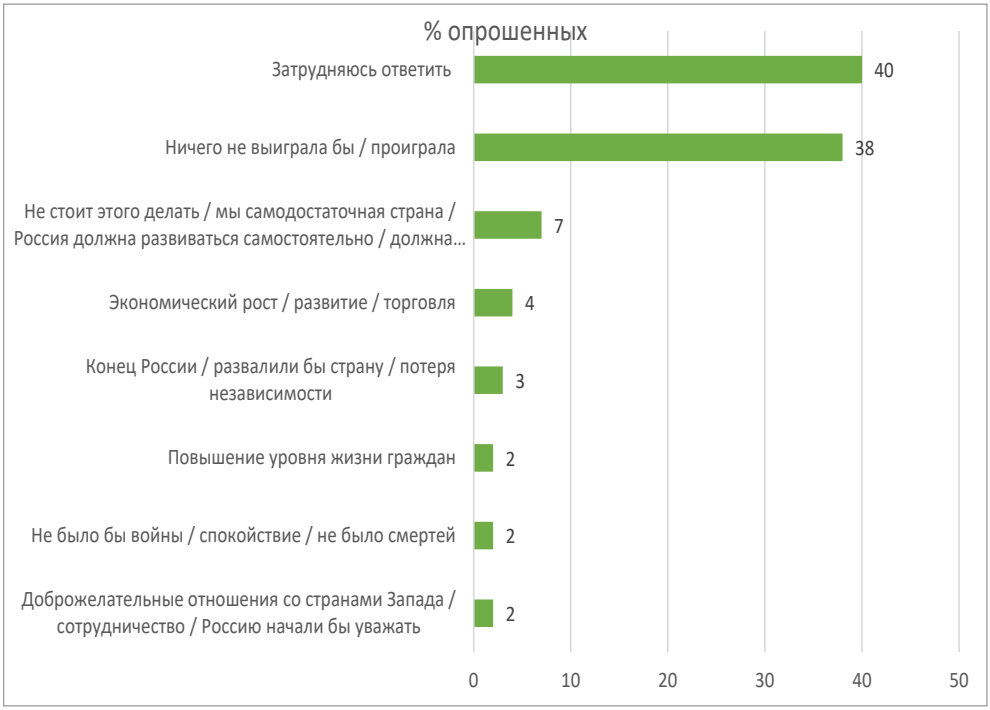


Рис. 3. «Как Вы считаете, что бы Россия выиграла, если бы отказалась от самостоятельной внешней политики, действовала бы в русле, проложенном США и другими странами Запада?» (открытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных, представлены варианты, набравшие более 2%, апрель 2023), ВЦИОМ [8]

Выше спрашивалось, что бы Россия выиграла, если бы пошла в русле требований и условий стран Запада. Ответы респондентов следующие – 38% считают, что ничего не выиграла бы, 40% респондентов затрудняются ответить. Из позитивных вариантов респонденты отметили экономический рост 4%, добрые отношения 2%, мир 2%, уровень жизни 2% (см. рис.3).

Во втором вопросе о проигрышах: 25% говорят о потере независимости, 9% – все, 6% респондентов ничего. Также упоминаются государственность, экономика, ресурсы. Затруднились ответить 37%.

Очевидно, что большинство общества поддерживает независимую политику. Теперь люди в основном не видят выгод от следования Западу, а потери считают значительными. Это показывает сильные патриотические настроения и недоверие к Западу. Возможно, влияние текущих событий и пропаганды. Нужно отметить высо-

кий процент затруднившихся, что может говорить либо о неопределенности, либо о нежелании высказываться. Также важно подчеркнуть, что экономические выгоды и улучшение отношений не считаются значительными, тогда как потеря суверенитета – главный страх общества. Это подтверждает приоритет независимости над возможными экономическими выгодами в глазах россиян.

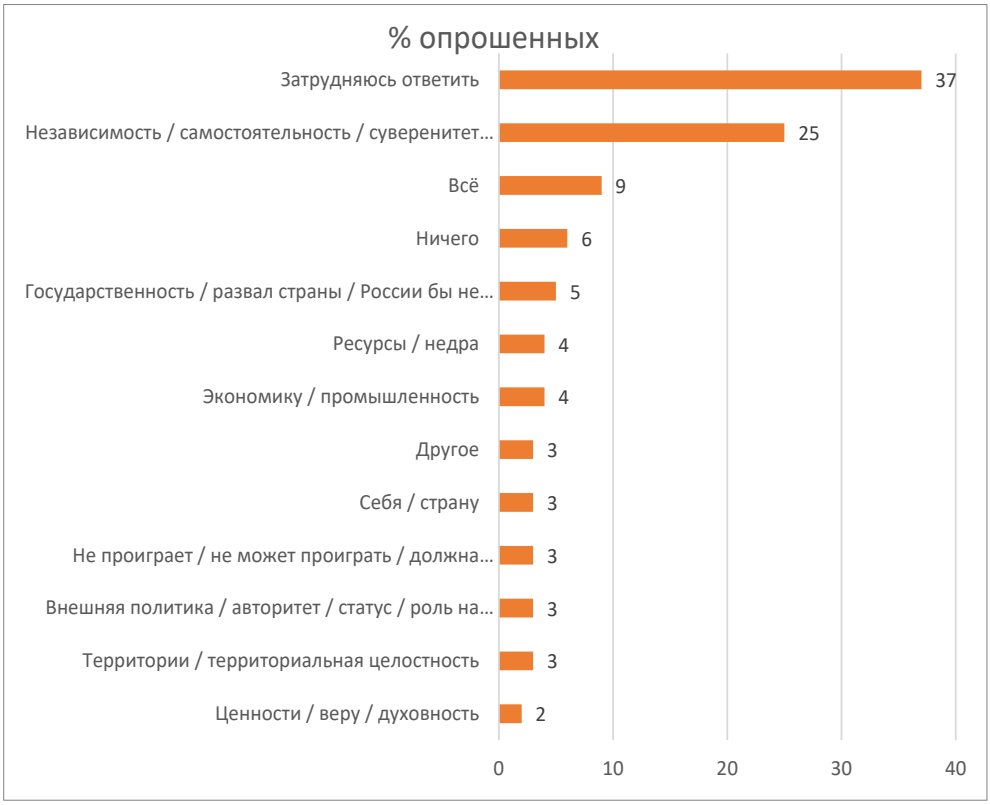


Рис. 4. «А что бы Россия проиграла, если бы отказалась от самостоятельной внешней политики, действовала бы в русле, проложенном США и другими странами Запада?» (открытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных, представлены варианты, набравшие более 2%, апрель 2023), ВЦИОМ [8]

Исследования факторов потерь и рисков в случае, если бы Россия следовала курсу Запада, позволяет вычленить следующие установки. Среди респондентов наблюдается фактор доминирующего скепсиса. 38% респондентов считают, что Россия ничего не выиграла бы или даже проиграла. Еще 7% опрошенных подчеркивают важность само-

достаточности и независимости. Только 4% респондентов видят потенциал для экономического роста, 2% – улучшение отношений с Западом, 2% респондентов прекращение войны. Эти низкие показатели указывают на неверие в позитивные последствия сближения с Западом. В обществе фиксируется высокая неопределенность, 40% затруднились ответить, что может отражать как отсутствие четких ожиданий. Установки проигрыша при таком развитии сценария следующие: потеря независимости является главным страхом общества, каждый четвертый респондент – 25% называют утрату суверенитета ключевым риском. Еще 5% респондентов опасаются развала государства, 3% – потери территорий, 4% – экономики и ресурсов. 9% уверены, что Россия потеряет «все», а 6% считают, что «ничего» не проиграет.

Важно отметить и ценностные угрозы. 2% респондентов упоминают риски для духовности и традиционных ценностей, что отражает нарратив о защите идентичности от западного влияния. Таким образом отмечается фактор независимости страны как приоритетная позиция общества. Страхи потери суверенитета (25%) и государственности (5%) доминируют над гипотетическими выгодами (экономика – 4%, мир – 2% респондентов). Это подтверждает запрос на «жесткий суверенитет» как основу внешней политики.

Даже потенциальные плюсы (рост уровня жизни, сотрудничество) не перевешивают убеждение в обществе, что следование западной линии приведет к катастрофе. Высокий процент затруднившихся (37–40% респондентов) может быть связан с самоцензурой или отсутствием четкого понимания альтернативных сценариев.

В обществе фиксируется укрепление патриотического нарратива. Результаты коррелируют с данными предыдущих опросов, где большинство поддерживает независимую политику (67%). Страхи потери суверенитета усиливаются на фоне санкций и изоляции. Экономические выгоды от сотрудничества с Западом воспринимаются как второстепенные, что может быть следствием свертывания экономических связей после 2022 года и акцента на «национальной безопасности». Акцент респондентов на угрозе «развала страны» (3–5%) и потере ценностей (2%) отражает риторику государственных СМИ, связывающих самостоятельность с выживанием России.

Эти данные демонстрируют, что в обществе преобладает нарратив оборонительной державности, где сохранение независимости ценится выше потенциальных прагматических выгод. Это создает социальную базу для текущего внешнеполитического курса, несмотря на его экономические издержки.

Таблица 3

«Скажите, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из утверждений» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, август 2023), ВЦИОМ *[9]*

	2018	2023	2023						
			Муж.	Жен.	18-24	25-34	35-44	45-59	60+
Россия лучше других стран									
Совсем не согласен	9	7	7	7	15	5	12	8	2
Не согласен	31	25	28	23	42	33	32	23	13
Согласен	32	35	32	37	23	33	29	36	42
Совершенно согласен	20	22	21	22	9	16	15	22	32
Не знаю	5	10	9	11	10	11	10	9	10
Отказ от ответа	3	1	3	0	1	2	2	2	1
Патриоты всегда должны поддерживать Россию, даже если она не права									
Совсем не согласен	8	8	9	7	20	9	11	4	5
Не согласен	32	28	24	31	33	36	29	27	22
Согласен	36	40	40	40	25	35	38	39	48
Совершенно согласен	18	15	19	11	6	14	14	18	17
Не знаю	3	8	6	9	9	6	7	10	7
Отказ от ответа	3	1	2	2	7	0	1	2	1
Мир был бы лучше, если бы люди в других странах были бы больше похожи на людей в России									
Совсем не согласен	11	12	15	9	24	16	13	11	5
Не согласен	30	28	29	27	48	34	35	26	17
Согласен	39	33	29	35	12	25	27	32	47
Совершенно согласен	13	14	13	14	9	11	9	15	20
Не знаю	5	12	11	12	5	12	14	14	10
Отказ от ответа	2	1	3	3	2	2	2	2	1
В целом, чем больше влияние России на другие страны, тем лучше живет их народ									
Совсем не согласен	8	7	8	6	12	6	8	7	5
Не согласен	31	26	27	24	25	34	35	26	14
Согласен	37	36	33	39	30	31	31	35	46
Совершенно согласен	12	13	14	12	8	9	8	16	17
Не знаю	7	16	16	17	20	17	17	14	17
Отказ от ответа	5	2	2	2	5	3	1	2	1

Проанализируем утверждение респондентов «Россия лучше других стран». В 2023 году 35% респондентов согласны и 22% полностью согласны, что в сумме 57% респондентов. В 2018 было 32% и 20%,

суммарно 52%. Получается, за пять лет поддержка подросла. Интересен тот факт, что среди женщин согласие выше (37% против 32% у мужчин), а среди возрастных групп явно видно, что старшее поколение (60+) больше поддерживает данный тезис (42% согласны и 32% полностью согласны, итого 74%), тогда как молодежь в возрасте от 18 до 24 года менее склонна соглашаться (23% согласны и 9% полностью, сумма 32%). Это подтверждает предыдущие выводы о том, что старшее поколение более патриотично настроено.

Следующее утверждение «Патриоты всегда должны поддерживать Россию, даже если она не права». Здесь сумма позиций согласных и полностью согласных в 2023 – 40% респондентов и 15% (55%), что немного выше, чем в 2018 (36% и 18% – 54%). Гендерные различия: мужчины чаще согласны (40% против 31% у женщин). Возрастная группа 60+ снова лидирует в оценках (48% респондентов согласны и 17% полностью, 65%), тогда как молодежь 18-24 года менее поддерживает (25% и 6%, 31%). Это показывает, что идея безусловной поддержки страны более популярна среди мужчин старшего возраста.

Третье утверждение «Мир был бы лучше, если бы люди в других странах были больше похожи на россиян». В 2023 согласны 33% и полностью согласны 14% (47%), что ниже, чем в 2018 (39% и 13% – 52% респондентов). Женщины опять более склонны соглашаться с данным утверждением (35% против 29% у мужчин). Возрастной разрыв значителен: респонденты в возрасте 60+ – 47% согласны с утверждением и 20% полностью (67%), молодежь в возрасте от 18 до 24 – 12% и 9% (21%). Это может указывать на снижение восприятия культурного превосходства, особенно среди молодежи.

Проанализируем результаты четвертого утверждения «Чем больше влияние России на другие страны, тем лучше живет их народ». В 2023 с данным посылом согласны 36% респондентов и полностью согласны 13% (49%), что немного ниже данных опроса 2018г. (37% и 12% – 49%). Женщины чаще согласны сданным утверждением (39% респондентов женщин против 33% у мужчин). Среди респондентов старшего возраста 60+ поддержка выше (46% и 17% – 63%), молодежь 18–24 – 30% и 8% (38%). Это показывает, что вера в позитивное влияние России на другие страны сохраняется, особенно среди старшего поколения.

Обратим внимание на процент «Не знаю» и «Отказ от ответа». В некоторых вопросах он достигает 10–17%, что может быть связано с неопределенностью или нежеланием отвечать, возможно, из-за политической осторожности. Например, в вопросе о влиянии России на другие страны 16% затруднились ответить, что выше, чем в других утверждениях.

Сравнивая с предыдущими опросами, можно заметить, что патриотические настроения укрепились, особенно среди старшего поколения

и женщин, тогда как молодежь более скептична. Это может быть связано с разным доступом к информации, влиянием государственной пропаганды или жизненным опытом. Также интересно, что, несмотря на рост поддержки некоторых утверждений, есть снижение по другим, например, по вопросу сходства с россиянами. Это может отражать осознание изоляции России на международной арене или критическое восприятие текущей политики.

Важно учесть контекст 2023 года: продолжающийся конфликт с Украиной, санкции, информационная кампания внутри страны. Все это влияет на общественное мнение, усиливая патриотические и оборонительные настроения, особенно среди тех, кто больше подвержен государственным СМИ. Молодежь, возможно, больше использует альтернативные источники информации, что объясняет их более критическую позицию.

Анализ результатов социологического опроса о восприятии роли России в мире (август 2023), позволяет констатировать, что по утверждению: «Россия лучше других стран» фиксируется положительная динамика, поддержка выросла с 52% (2018 г.) до 57% (2023 г.), женщины чаще согласны с данным утверждением (37% vs 32% у мужчин). Среди респондентов в возрасте 60+ лет поддержка достигает 74%, тогда как у молодежи 18–24 лет – лишь 32%.

Наблюдается усиление патриотизма, особенно среди старшего поколения, что коррелирует с государственной риторикой о «особом пути» России.

Результаты поддержки тезиса «Патриоты всегда должны поддерживать Россию, даже если она не права» следующие, согласие общественного мнения остается стабильным (55% в 2023 vs 54% в 2018), мужчины чаще поддерживают безусловную лояльность (40% vs 31% у женщин). С данным утверждением согласны 65% среди респондентов возраста 60+, против 31% у молодежи 18–24 лет. Идея жертвенной преданности стране сильнее у старшего поколения, тогда как молодежь демонстрирует критическое мышление.

Результаты поддержки обществом утверждения: «Мир был бы лучше, если бы люди в других странах были больше похожи на россиян» следующие: фиксируется отрицательная динамика, поддержка снизилась с 52% (2018 г.) до 47% (2023 г.), при этом женщины чаще согласны с данным утверждением (35% vs 29% у мужчин). 67% респондентов в возрасте 60+ лет против 21% у молодежи 18–24 лет. Наблюдается снижение уверенности в культурном превосходстве, особенно среди молодежи, что может быть связано с изоляцией России и ростом интереса к глобальным ценностям.

Результаты поддержки обществом утверждения: «Чем больше влияние России на другие страны, тем лучше живет их народ» остаются позитивными, данные опроса стабильны (49% в 2023 vs 49% в 2018). При этом женщины чаще ве-

рят в позитивное влияние данного утверждения (39% vs 33% у мужчин). 63%респондентов среди 60+ лет против позиций 38% респондентов среди молодежи 18–24 лет. Вера в «мягкую силу» России сохраняется, но молодежь скептически оценивает ее эффективность.

Таким образом, результаты исследования позволяют отметить, что фиксируется максимальная поддержка всех утверждений (67–74%), что отражает влияние советского наследия, ностальгии и доверия к государственным СМИ. Минимальная поддержка в пределах от 21 до 38% респондентов фиксируется среди молодежи, что связано с доступом к альтернативным источникам информации, глобализацией и критическим отношением к текущей политике. Женщины чаще поддерживают патриотические утверждения, возможно, из-за большей вовлеченности в традиционные ценности и семейные установки. Рост патриотизма коррелирует с усилением государственной риторики после 2022 года, акцентирующей суверенитет и противостояние Западу.

Исследования фиксируют растущий скептицизм молодежи. Низкая поддержка ключевых нарративов среди 18–24 лет создает потенциал для будущей социальной напряженности. Высок процент неопределенности, ответ «Не знаю» выбрали (10–17%), что сигнализирует о наличии латентного несогласия или страха выражать мнение.

Несмотря на патриотический подъем, экономические санкции и изоляция могут усилить разрыв между риторикой и реальным уровнем жизни.

Данные отражают устойчивость патриотических настроений в России, особенно среди старшего поколения и женщин, что обеспечивает социальную базу для текущей внешней и внутренней политики. Однако растущий скептицизм молодежи и снижение веры в культурное превосходство указывают на вызовы для долгосрочной консолидации общества. Эти тенденции требуют от власти баланса между укреплением национальной идентичности и адаптацией к запросам молодого поколения.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 28.01.2025)

2. Gauchet M. Quand les droits de l'homme deviennent une politique // Le Débat. 2000. №. 3. P. 258–288.

3. Гиринский А. А., Азыркин П. Д. «Консервативный модерн» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 41–58.

4. Лукьянов Ф. А. Не по порядку // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 5–10.

5. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999 // https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html (дата обращения: 29.12.2024).

6. Руткевич Н. А. Кто они, где они, за что они и почему // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 182–201.

7. Философия истории / Под ред. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 431 с.

8. ВЦИОМ // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet (дата обращения: 28.01.2025)

9. ВЦИОМ // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii (дата обращения: 28.01.2025)

BOLSHAKOV Sergey N. – Doctor of Political Sciences, Professor of Russian State Social University, Moscow, Russia, email: snbolshakov@mail.ru.

Keywords: public opinion, foreign policy, conflict, democracy, modernization.

RUSSIA'S FOREIGN POLICY AS ASSESSED BY PUBLIC OPINION: PERCEPTION, AMBITION AND PRAGMATISM

Annotation

The article analyzes the perception of Russia's foreign policy in public opinion, focusing on the dynamics of ambition, pragmatism, and the transformation of views in the context of geopolitical instability. The author examines the evolution of modern hybrid conflicts, emphasizing the limited effectiveness of forceful methods and the need to combine military power with economic, energy, and information instruments of influence. It is noted that even successful military operations do not provide long-term political results, and international isolation increases risks for the economy.

Particular attention is paid to the role of hybrid confrontation, where propaganda, cyberattacks, and information wars aimed at consolidating domestic support and destabilizing opponents become key. The contrast between "virtual victories" (for example, creating an image of success) and real economic and demographic losses is emphasized.

Based on sociological data, generational differences are revealed: the older generation, nostalgic for the Soviet period, more often supports an independent policy, while the youth demonstrates ambition in goals, but pragmatism in methods. At the same time, a significant part of society (18%) advocates a hard line, despite the general trend in favor of a balance of power and diplomacy.

The study records an increase in support for Russia's foreign policy over the past 15 years, especially among women and older respondents, which is associated with increased confidence in the country's ability to defend its interests. The author points to the influence of state propaganda in the formation of patriotic attitudes and conservative views, and also analyzes the relationship between the perception of the successes/failures of politics and the preferences of citizens.

The article contributes to understanding the transformation of public opinion in the context of escalating conflicts, emphasizing the complex interaction of historical experience, pragmatism and geopolitical ambitions in the context of modern Russian foreign policy.

References

1. The Concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed: 28.01.2025).

2. Gauchet M. Quand les droits de l'homme deviennent une politique // Le Débat. 2000. No. 3. P. 258–288.

3. Girinsky A. A., Azyrkin P. D. "Conservative Modernity" // Russia in global politics. 2024. Vol. 22. No. 5. pp. 41–58.

4. Lukyanov F. A. Out of order // Russia in global politics. 2024. Vol. 22. No. 5. pp. 5–10.

5. Putin V. V. Russia at the turn of the millennium // Nezavisimaya gazeta. 30.12.1999 // https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html (accessed: 29.12.2024).

6. Rutkevich N. A. Who are they, where are they, what are they for and why // Russia in global politics. 2024. Vol. 22. No. 4. pp. 182–201.

7. Philosophy of History / Edited by A.S. Panarin. Moscow: Gardariki, 1999. 431 p.

8. VTsIOM // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet (accessed: 28.01.2025).

9. VTsIOM // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii (accessed: 28.01.2025).

Юрий БАРАНЧИК

БЕЛОРУССКАЯ ОППОЗИЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация

В статье автор анализирует деятельность белорусской оппозиции за рубежом, акцентируя внимание на ее прозападной ориентации и националистической идеологии. Рассматривается генезис белорусского национализма как основы для оппозиционной деятельности, подчеркивается его русофобский характер и противостояние интеграции с Россией. Отмечается, что политический кризис 2020 года оказал влияние на белорусские диаспоры, активизируя их участие в акциях солидарности, однако массовых политически активных организаций в диаспоре не наблюдается.

Введение

Белорусская прозападная оппозиция заявляет о готовности взять власть и осуществить демократические преобразования в одной из частей союзного государства России и Белоруссии. Особенность ситуации в том, что никогда прозападные политические деятели не пользовались в Белоруссии симпатиями широких масс и в реализации своих устремлений всегда опирались на недемократические методы. Нынешняя ситуация не является исключением.

Белорусская оппозиция представлена сегодня в медийном пространстве исключительно русофобствующими националистами прозападной ориентации. Таков результат целенаправленной деятельности, как центральных властей, так и местных, а также западных правительств.

БАРАНЧИК Юрий Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела Белоруссии Института стран СНГ, Россия, Москва, email: ezdakov.1975@mail.ru.

Ключевые слова: прозападная оппозиция, русофобия, Светлана Тихановская, Координационный совет, Народное антикризисное управление, Объединение силовиков Белоруссии.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_39

Националистическая мифология подпитывает прозападную оппозицию в Белоруссии, является ее идеологическим базисом. Как и в других постсоветских республиках, основой националистической матрицы в Белоруссии является русофобия разной степени радикализма и идея противостояния России. На этой основе сходятся системные и маргинальные националисты, сторонники минской «многовекторности» и варшавско-вильнюсской вариации «незалежности» под западным протекторатом.

Ошибки госуправления и торможение интеграции с Россией в гуманитарной сфере отразились на умонастроениях граждан Белоруссии. Результатом стали потрясения 2020 года. Официальный Минск до сих пор не в состоянии «перевернуть страницу» кризиса, который может повториться в менее пацифистском варианте.

Белорусские националисты по-прежнему противопоставляют себя русскоязычному большинству и сторонникам объединения с Россией. Политэмиграцию и внесистемных националистов в Белоруссии в этом поддерживают системные националисты («сиснаци»), среди которых есть признанные авторитеты в системе науки и образования – Игорь Марзалюк, Игорь Копылов, Александр Лукашанец, Вадим Лакиза и многие другие.

Ущербной выглядит установка вовлечения Белоруссии любой ценой на Запад, не считаясь с экономическими, политическими, социальными и другими издержками. Наглядный пример реализации такого авантюрного устремления демонстрирует катастрофа Украины.

Прозападная оппозиция из Белоруссии после 2020 года продемонстрировала особые отношения с Польшей и Литвой, где сосредоточены основные центры белорусских националистов. При этом именно Варшава и Вильнюс наиболее активны в применении односторонних санкций и продвижении санкционного давления на Белоруссию, в частности, а также на Союзное государство России и Белоруссии. Белорусская эмиграция непосредственно участвует в разработке санкционных пакетов Запада, применяемых к Союзному государству России и Белоруссии.

В целом у прозападной оппозиции в эмигрантских центрах небольшой выбор действий. Поэтому годами она демонстрирует продолжение призывов к иностранным правительствам ужесточать режим санкций в отношении Белоруссии. Выпрашивает помощь своим товарищам в Белоруссии – преимущественно тем, кого они же признали политзаключенными.

В то же время виден прогресс в адаптации прозападной оппозиции к новым условиям. Она переключается на более скрытые формы борьбы, среди которых и использование цифровых платформ, соцсетей и международное лоббирование.

Белорусская эмиграция после 2020 года не преодолела внутреннего раскола, по-прежнему демонстриру-

ет неготовность и неспособность бороться за власть. Энергичная борьба традиционно продолжается за западное финансирование.

Офис Тихановской

Создание сети новой оппозиции националистического прозападного толка происходило до августа 2020 года и после основного дня голосования ускорилось. Едва закрылись избирательные участки 9 августа, как в кругах противников «режима Лукашенко» заговорили о созданных и создающихся структурах, призванных обеспечить «транзит власти» к оппозиции. Ее «лицом» стала экскандидат в президенты Светлана Тихановская, которая с подачи Запада должна соответствовать роли вождя белорусской оппозиции. Сейм Литвы 10 сентября 2020 года признал ее законным президентом Белоруссии. Как «избранного президента» ее почитают отдельные группы политэмиграции[1]. Однако сама Тихановская предпочитает титул «национального лидера».

С 11 августа 2020 года Тихановская проживает в Вильнюсе, куда ее вывезли после профилактической беседы в Центризбиркоме РБ. Итогом беседы стал призыв Тихановской прекратить протестные выступления[2]. Однако уже в Литве, будучи вовлеченной в подрывную деятельность западных спецслужб, Тихановская возобновила оппозиционную деятельность вместе со своей командой.

С августа того же года Тихановская систематически призывала к санкциям в отношении чиновников, силовиков и госпредприятий Белоруссии. В дальнейшем санкционные требования расширялись за счет сотрудников государственных СМИ Белоруссии и других представителей «режима Лукашенко».

Разработка и продвижение санкций в отношении Белоруссии изначально были и остаются главным направлением деятельности офиса Тихановской. При этом личный вклад самой Тихановской в этот процесс является заметным лишь в части публичных заявлений. В настоящее время офис продолжает функционировать в Вильнюсе и финансируется правительствами США и ЕС.

17 августа 2020 года Тихановская заявила о готовности стать «национальным лидером» Белоруссии. Такой термин ранее не использовался в белорусском политическом дискурсе. Ближайшим по смыслу является «белорусский лидер», синонимичный в СМИ слову «президент» и «глава государства». В среднеазиатских политических системах термин «на-

[1] Литва признала Тихановскую законным президентом Белоруссии // https://lenta.ru/news/2020/09/10/lv/ (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Тихановская призвала своих сторонников прекратить акции протеста // https://www.interfax.ru/world/721265 (дата обращения: 11.04.2025).

циональный лидер» синонимичен, например, туркменскому «баши» или казахстанскому «елбасы». Сегодня в прессе она позиционирует себя «избранным лидером», «национальным лидером» или «национальной лидеркой» – в соответствии с некогда модной на Западе, однако так и не прижившейся в Белоруссии тенденцией перерабатывать терминологию в соответствии с установками феминизма. На сайте tsikhanouskaya.org в русскоязычной версии Светлана Тихановская указана как «Национальный лидер Беларуси Глава Объединенного Переходного Кабинета Беларуси» [1].

На сайте также представлен состав команды С. Тихановской. Однако биографии ее номинальных и реальных советников гораздо обширнее заявленных. Так, например, Лебедько и Добровольский возглавляли белорусскую «Объединенную гражданскую партию», которая была весьма заметна в политической жизни Белоруссии в конце XX века. Политические банкроты ныне являются советниками Тихановской на ее нисходящем политическом тренде.

Среди малозаметных, но интересных инициатив, поддержанных офисом Тихановской, значится оппозиционный по отношению к политике Евросоюза проект «Платформа 2025»[3]. Среди заявленных «платформой» целей прописано противодействие «железному занавесу», который опускает Запад (в т. ч. ЕС) в отношении России и Белоруссии.

Необычность консолидации структур прозападной оппозиции против западного «железного занавеса» не только в том, что это, фактически, открытый выпад против кормящей руки. Примечательно и то, что в декабре 2020 года деятели из этих же структур, включая Тихановскую, обвиняли Лукашенко в создании «железного занавеса»[4]. После нескольких лет проговаривания этого обвинения выяснилось, что занавес опускают с противоположной стороны, и это факт. Однако этот неудобный факт упорно не замечается ни политэмиграцией, ни продвигавшими их нарративами западными СМИ.

Координационный совет для обеспечения трансфера власти

Созданию офиса Тихановской предшествовало учреждение нескольких структур. Часть их была создана за рубежом ранее, другая продолжает свою деятельность после «релокации» из Белоруссии в 2020 году.

Координационный совет для обеспечения трансфера власти был создан вскоре после голосования в

[3] Platforma 2025 // https://tsikhanouskaya.org/be/platforma-2025 (дата обращения: 13.04.2025).

[4] Белорусская оппозиция разглядела железный занавес // https://www.kommersant.ru/doc/4606110 (дата обращения: 16.04.2025).

ходе президентской кампании 2020 года. Основной день голосования состоялся 9 августа, а 14 августа экс-кандидат в президенты Белоруссии Светлана Тихановская заявила о создании этого органа. В него были включены представители оппозиции и известные в Белоруссии личности из разных сфер деятельности, часто без их согласия.

Изначально КС не был избранным органом. Списки членов КС составляли Ольга Ковалькова (доверенное лицо кандидата в президенты Светланы Тихановской, мигрировала в ЕС) и Максим Знак (юрисконсульт незарегистрированного кандидатом в президенты Виктора Бабарико, осужден и отбывает лишение свободы в колонии). Ковалькова опубликовала список первых 32 членов КС 17 августа 2020 г. Впоследствии список неоднократно изменялся.

19 августа КС сформировал президиум из семи человек, в который вошли Ольга Ковалькова, Мария Колесникова, Максим Знак, Павел Латушко, Лилия Власова, Сергей Дылевский и Светлана Алексиевич. Вечером того же дня КС принял резолюцию, в которой, помимо прочего, заявил о недействительности президентских выборов и потребовал проведения новых.

20 августа 2020 г. генпрокурор РБ Александр Конюк заявил о возбуждении уголовного дела в отношении членов этого неформального объединения. Оно было возбуждено по статье 361 Уголовного кодекса РБ (Призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь).

После подавления протестов 2020 года КС («Каардынацыйная рада») продолжил деятельность в эмиграции как орган белорусской прозападной оппозиции, формально независимый от созданного офиса Тихановской. Тем не менее, обе структуры постоянно контактируют и взаимодействуют. «На данный момент Координационный совет осуществляет свою работу из Минска, Вильнюса и Варшавы», – сказано в публикации на сайте Тихановской[5].

Деятельность КС в Белоруссии запрещена, его члены преследуются в уголовном порядке. Следственный комитет Белоруссии называет выехавших из-за угрозы репрессий членов КС и других оппозиционеров «беглыми». В ноябре 2023 года ведомство сообщало о более ста лицах, привлеченных «в качестве подозреваемых по делу «Координационного совета»[6].

В 2024 году КС насчитывал около сотни деятелей. Порядок формирования этого объединения и его руководящего органа (президиума) изначально вызывал вопросы, кото-

[5] Координационный совет // https://tsikhanouskaya.org/ru/koordinacionnyj-sovet.html (дата обращения: 13.04.2025).

[6] Распад «кабинетного государства». В качестве подозреваемых по делу «Координационного совета» привлечены свыше ста лиц // https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/raspad-kabinetnogo-gosudarstva-v-kachestve-podozrevaemyx-po-delu-koordinatsionnogo-soveta-privlecheny-svyshe-13205 (дата обращения: 13.04.2025).

рые сохранили свою актуальность спустя годы. В мае 2024 года состоялись первые выборы в новый состав КС. Как сообщило RFI, они проходили в электронном виде с участием 6723 чел. и, «судя по количеству участников, вызвали больше интереса у белорусских властей, чем белорусских граждан»[7]. В итоге был сформирован новый состав КС из 80 членов, которые разделены на восемь фракций.

«Борьба непонятно кого представляющего «Координационного совета» с офисом Тихановской отнюдь не завершилась подписанием ничего не значащего соглашения. В актив стороны могут записать демонстрацию согласия признавать Тихановскую в качестве вождя политэмиграции в ЕС, пусть и не имеющего никакого влияния на белорусских националистов за пределами Евросоюза, не говоря уж о политике в Белоруссии. Вильнюсское мероприятие необходимо было и участникам, и кураторам сугубо для отчетности, позволяющей под предлогом позитивного результата запросить увеличение финансирования», – констатировал Анатолий Корнелюк [2].

Вскоре правоту этого вывода подтвердил демарш «Блока Прокопьева-Егорова», позиционирующегося в КС также как «фракция «Белорусы». Однако эти и другие усилия обслуживающих прозападную оппозицию СМИ не повлияли на какое-либо пробуждение интереса широких масс Белоруссии к деятельности КС. В настоящее время смысл существования этой структуры сводится к приданию сомнительной статусности политэмигрантам, лишенным сколь-либо значимых рычагов влияния на политику и события как в Белоруссии, так и за рубежом.

Объединенный переходный кабинет

Объединенный переходный кабинет Белоруссии (ОПК) формально был создан 9 августа 2022 года белорусской оппозицией. Дата была приурочена к очередной годовщине кульминации президентской кампании 2020 года. Номинально этот орган был инициирован Светланой Тихановской, которая на Западе и у части белорусской диссидентской среды считается лидером белорусской оппозиции.

«Впервые после президентских выборов 2020 года лидер белорусской оппозиции Светлана Тихановская фактически признала себя главой Республики Беларусь: “Я, Светлана Тихановская, на основании полномочий, данных мне белорусским народом в результате президентских выборов 2020 года, беру на себя ответственность с сегодняшнего дня защищать независимость и национальные интересы

[7] Подводим итоги выборов в Координационный совет белорусской оппозиции // https://6tvby.media/2024/05/3154 (дата обращения: 11.04.2025).

Республики Беларусь. Я буду представителем белорусского народа и гарантом его прав и свобод до новых выборов". Также она заявила, что намерена создать переходный кабинет в качестве национального органа РБ», – сообщала 24 февраля 2022 г. «Немецкая волна» (признана иноагентом на территории РФ)[8].

Работа по созданию «переходного кабинета» велась с привлечением разных групп белорусских оппозиционеров. Не все из них желали участвовать в новой структуре, добиваясь финансирования своих проектов. Запад фактически передал офису Тихановской функцию одобрения оппозиционных проектов, претендующих на финансирование. Не смея критиковать западных доноров, оппозиционные структуры сосредоточились на критике офиса Тихановской, в который вынуждены были ходить на поклон и добиваться одобрений заявок на грантовую и прочую помощь. Часть просителей была вынуждена пойти на сотрудничество с офисом Тихановской в проекте «переходного кабинета». Он виделся новой консолидирующей структурой и своеобразным временным правительством в случае наступления реальной возможности смены власти в Белоруссии.

Выступая 9 августа на конференции в Вильнюсе, Тихановская заявила: «Да, я чувствую себя национальным лидером» <⩾> «Я приняла решение создать объединенный переходный кабинет. Это коллективный исполнительный орган, который будет каждый день работать на главные цели – защищать независимость и суверенитет Республики Беларусь, представлять национальные интересы Беларуси, осуществить фактическую деоккупацию нашей страны, восстановить конституционные законность и порядок, разработать и реализовать меры по пресечению незаконного удержания власти, обеспечить транзит власти от диктатуры к демократии и создать условия для проведения честных и свободных выборов, разрабатывать и исполнять решения, необходимые для достижения демократических перемен в Беларуси. И в результате этого должны быть освобождены все политзаключенные»[9], – заявила Тихановская в заключительном слове конференции.

Нарратив «деоккупации» появился в офисе Тихановской и других структурах прозападной оппозиции с подачи западных «фабрик мысли», аффилированных со спецслужбами. При этом немецкие и другие пропагандисты избегали употреблять этот термин, охотно цитируя ретрансляцию нарратива

[8] Тихановская объявила себя представителем белорусского народа // https://www.dw.com/ru/lukashenko-bolshe-ne-garant-tihanovskaja-objavila-sebja-predstavitelem-belorusskogo-naroda/a-60900835 (дата обращения: 12.04.2025).

[9] Канферэнцыя «Новая Беларусь». Дзень другŲ. Поўная трансляцыя // https://www.youtube.com/watch?v=BVsM-MllPqY&t=23908s (дата обращения: 16.04.2025).

через русофобов в эмигрантских структурах[10].

Сославшись на «войну» и нормы демократии, Тихановская заявила о своем решении назначить членов ОПК со сроком полномочий на шесть месяцев и заявила следующие персоналии: Павел Латушко – представитель «кабинета» по транзиту власти; Александр Азаров – представитель «кабинета» по восстановлению правопорядка; Валерий Ковалевский – представитель «кабинета» по иностранным делам; Валерий Сахащик – представитель «кабинета» по обороне и национальной безопасности.

При этом Сахащика она назвала самым ценным приобретением последнего времени. Бывший командир белорусского спецназа Сахащик в свою очередь заявил, что считает реальным силовой сценарий смены власти в Белоруссии и сослался на «замечательных парней», которые воюют на Украине и приобретают соответствующий опыт.

Вскоре в отношении Сахащика были озвучены разные обвинения. Помимо инсинуаций на тему его предпринимательской деятельности в Польше было также заявлено о наличии у него российского гражданства. Сахащик признал факт наличия у него российского паспорта с 1992 года и под давлением русофобского большинства вышел из ОПК.

Первый «министр обороны» в ОПК Тихановской не продержался и года. Его попытался заменить в 2024 году Вадим Кабанчук. В дальнейшем ОПК пополнили предпринимательница Татьяна Зарецкая – она в сентябре 2022 года стала представителем по вопросам финансов и экономики. Зарецкая продержалась по ноябрь 2022 г. и тоже была вынуждена уйти из-за скандалов, инспирированных конкурирующими оппозиционными группами.

Также в сентябре 2022 года представителем по «национальному возрождению» была назначена бывшая работница польского телеканала «Белсат» Алина Ковшик. В 2023 году со скандалом и подозрением в работе на спецслужбы Белоруссии ОПК был вынужден покинуть Азаров.

В 2024 году Ковалевского в ОПК сменил Владимир Астапенко – кадровый дипломат, примкнувший в 2020 году к оппозиции. В кризисный год Астапенко занимал должность белорусского посла в Аргентине и по совместительству в Уругвае, Чили, Парагвае и Перу. Лукашенко уволил Астапенко с лишением дипломатического ранга, что последний пытался оспорить в суде, получив в итоге обвинение по части 1 статье 210 Уголовного кодекса РБ (Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями).

В том же 2024 году ОПК покинула Горбунова. На ее место Тихановская предложила главу фонда «Страна для жизни» Ольгу Зазулинскую.

[10] Беларусь уже в оккупации РФ? Так ли это // https://www.dw.com/ru/belarus-uze-v-okkupacii-rf-tak-li-eto/a-63552537 (дата обращения: 12.04.2025).

Объединенный переходный кабинет на сайте Светланы Тихановской представлен как «постоянно действующий исполнительный орган, созданный избранным Национальным Лидером Беларуси Светланой Тихановской, который в условиях политического кризиса на коллегиальной основе разрабатывает и обеспечивает принятие и реализацию политических решения, необходимые для сохранения независимости и суверенитета Республики Беларусь, преодоления политического кризиса в Беларуси, защиты интересов, прав и свобод ее граждан и обеспечения перехода к демократическому управлению в Беларуси»[11]. Временем деятельности ОПК заявлено «до момента восстановления конституционного права в стране». Фактически это бессрочная деятельность, так как признавать конституционность иных институтов в Белоруссии оппозиция не намерена.

Изначально действующий за рубежом ОПК принял роль «правительства в изгнании», которому должна была перейти власть при свержении режима Лукашенко. Успех такого развития событий во многом связывался с ожиданиями поражения России в ходе проводимой ею с февраля 2022 года специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины (СВО).

ОПК также декларирует взаимодействие с «организованными структурами демократических сил и гражданского общества Беларуси для координации совместных усилий». Что понимается под «организованными» структурами и чем отличается трактовка гражданского общества от таковой в белорусском официозе – не уточняется.

На сайте Тихановской изложены основные задачи ОПК и сферы его компетенции[12]. Однако за пять лет ни одна из заявленных сфер реализована не была. Возможно, что-то было сделано на уровне теоретических разработок и «иных решений», однако широкой общественности об этом ничего не известно, равно как и значительной части экспертов.

В зарубежной прессе периодически публиковались сообщения о неких переговорах и заявлениях. Однако до заявленных решений членами ОПК дело никогда не доходило и не могло дойти ввиду отсутствия реальных возможностей.

Известным примером стали истории односторонних запретов Литвой транзита легковых автомобилей в Белоруссию с объемом двигателя от двух литров и въезда на территорию этой постсоветской прибалтийской республики автомобилей с белорусскими регистрационными знаками. Члены ОПК и Тихановская лично смогли сделать лишь заявления о нали-

[11] Объединенный переходный кабинет // https://tsikhanouskaya.org/ru/opk.html (дата обращения: 16.04.2025).

[12] Там же.

чии неких «договоренностей», которые никак не решили проблемы, затронувшие, прежде всего, белорусских обывателей [3]. «Те, кто ввел ограничения, не просчитали политические последствия. Ведь ограничения бьют по проевропейским настроениям беларусов, в большей степени легитимизируют режим, вновь толкают Беларусь в одну корзину с Россией, а беларусов – с режимом. Потому что так проще. И наша с вами задача – объяснить эту разницу», – заявил главный советник Светланы Тихановской Франак Вячорка по поводу ввода Латвией запрета на пропуск легковых автомобилей с белорусскими регистрационными знаками [4].

Из этой истории видно, что Тихановская, Вечерко и другие члены ее команды, во-первых, не способны решать реальные проблемы и даже заметно влиять на ситуацию.

Во-вторых, они создают новые проблемы с использованием имеющихся проблем как предлога, что видно в стремлении разделить Белоруссию с Россией и белорусов с властями своего государства.

В-третьих, Вечерко прямо заявил, что из реальных возможностей у Тихановской и ОПК имеется лишь возможность разъяснять со своих позиций, просить, но не более того.

В составе ОПК были заявлены различные представители белорусской оппозиции, которые не имели существенного влияния на процессы в Белоруссии и до эмиграции, а также «активисты», не имеющие политического веса политики и неназванные специалисты, которые якобы работают над достижением целей ОПК и формированием демократической повестки для будущего. На практике ОПК выглядит как классическая синекура.

Члены ОПК назначаются Светланой Тихановской, которая играет роль его лидера. Формально каждый из них отвечает за свое направление работы и подотчетен персонально Тихановской, не имеющей соответствующих знаний, умений и навыков.

Перспективы ОПК изначально выглядели туманно и спустя годы не стали лучше. До реализации конкретных мероприятий дело дошло лишь в 2023 году. Среди них пресса отметила учреждение общественной награды в виде медали (февраль 2023 г.), сбор «Нам не все равно!» на нужды политзаключенных (исключительно прозападной оппозиции) и их семей (июль 2023 г, заявленная сумма сбора 574 тыс. евро) и «паспорт новой Белоруссии» (август 2023 г.). Проект с паспортом завершился фиаско и громким коррупционным скандалом.

Также члены Объединенного переходного кабинета делали заявления по разным поводам, раздавали интервью и проводили консультации. Вся эта деятельность не привлекала внимания широкой общественности, оставаясь уделом политэмиграции и спецслужб, в том числе белорусских.

Народное антикризисное управление

Народное антикризисное управление (НАУ) – структура, созданная на территории Белоруссии в конце кризисного 2020 года персонально под перешедшего на сторону прозападной оппозиции Павла Латушко. Бывший советский комсомольский функционер благодаря номенклатурным связям сделал карьеру в МИД РБ, был послом в Польше и министром культуры, по состоянию на август 2020 года работал директором государственного Купаловского театра.

О создании НАУ заявление Латушко прозвучало 28 октября 2020 года[13]. На то время Латушко был членом президиума КС, беспартийным, не имевшим никакой институализированной опоры. НАУ было призвано стать «временным правительством» при осуществлении «транзита власти», который вызвался обеспечить фактически назначенный «штабом Тихановской» КС.

Латушко заявил, что у него есть некие «конкретные предложения» и он уже формирует «команду специалистов», якобы ответственных за разработку и исполнение неких общих планов. Изначально было ясно, что никакой команды специалистов у Латушко нет, что он же и подтверждал на практике в последующие годы.

Цель НАУ в августе 2020 года Латушко обозначил как обеспечение «перехода власти к демократическим силам» – то есть от официальных властей во главе с Лукашенко к прозападной оппозиции. После Латушко заявил о перспективе уголовного преследования белорусских силовиков, подавлявших протестное движение. Затем последовали другие возмущавшие чиновников и силовиков заявления Латушко, а также началась его демонстративное сотрудничество с зарубежными центрами – в том числе и белорусской националистической прозападной оппозиции. Латушко заявил о совместных проектах с Тихановской и объединением BYPOL, которое позиционировалось структурой перешедших на сторону оппозиции кадровых и бывших белорусских силовиков.

В начале сентября 2020 года Латушко объявился в Польше[14]. По его словам, его эвакуировали сотрудники МИД Польши. В белорусских соцсетях и СМИ многие сообщали о бегстве оппозиционера в багажнике дипломатического автомобиля польского посла, что обеспечило неприкосновенность при пересечении белорусско-польской границы. В январе 2023 года МВД РБ заявило о признании НАУ экстремистской организацией.

[13] Один из лидеров белорусской оппозиции Латушко объявил о создании еще одной структуры // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9841123 (дата обращения: 12.04.2025).

[14] Бывший белорусский министр Латушко сбежал в Польшу // https://regnum.ru/news/3052183 (дата обращения: 12.04.2025).

Латушко на сайте НАУ представлен как заместитель руководительницы Объединенного Переходного Кабинета Беларуси, представитель ОПК по транзиту власти, руководитель Народного антикризисного управления, лидер фракции «Команда Латушко и Движение «За Свободу»» в составе Координационного Совета 3-его созыва.

Результаты деятельности представлены преимущественно заявлениями Латушко, его товарищей (Анатолий Котов, Вадим Прокопьев и др.), а также перепиской с ОПК и другими оппозиционными структурами, западными правительствами и международными организациями[15].

Среди многих нереализованных проектов значится заявленный 13 ноября 2020 года Тихановской совместный с НАУ «Народный трибунал». Структура не получила квалифицированного кадрового обеспечения и прекратила свое существование после пафосного старта, как и многие другие прожекты прозападной оппозиции. «Я, Светлана Тихановская, вместе с Народным Антикризисным Управлением объявляю Народный Трибунал и амнистию за захват Лукашенко и членов его террористической группировки. Если государственная судебная система не работает, мы справимся без нее», – цитировали СМИ ее заявление[16].

В помощь «Народному Трибуналу» должна была собираться информация по сети оппозиционных организаций, агентуры в МВД и других силовых структурах, судах, адвокатских коллегиях и т. д. В частности, 1 декабря 2020 года Тихановская объявила о запуске платформы «Единая книга регистрации преступлений» (ЕКРП), в которую предполагалось собирать информацию о деяниях представителей «режима Лукашенко». Параллельно действовали онлайн-сервисы по сбору компромата на белорусских силовиков и чиновников, такие как «Черная книга Белоруссии» (ЧКБ).

Следственный комитет РБ в 2022 году заявлял о выявлении более 20 фигурантов «дела ЧКБ». Им инкриминировали ст.130 УК РБ («экстремизм»). «Среди них выявлены работники госорганов, бывшие правоохранители и лица, имевшие доступ к личным данным белорусов», – говорилось в официальном сообщении[17]. Самой известной фигуранткой «дела ЧКБ» стала София Сапега – гражданка России, сожительница Романа Протасевича – бывшего руководителя русофобского медиапроекта NEXTA в Польше, а также боевика в составе украинских террористических формирований в «зоне АТО».

[15] Народное антикризисное управление // https://www.belarus-nau.org/about (дата обращения: 12.04.2025).

[16] Тихановская объявила о создании Народного трибунала в Белоруссии // https://www.rbc.ru/politics/13/11/2020/5faeadd19a794731d995fe92 (дата обращения: 12.04.2025).

[17] Паутина Сапеги. Сколько людей втянула преступная сеть ЧКБ? // https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/pautina-sapegi-skolko-ljudej-vtjanula-prestupnaja-set-chkb-11594/ (дата обращения: 16.04.2025).

Объединение силовиков Белоруссии

BYPOL – объединение силовиков Белоруссии, учрежденное 20 октября 2020 года в Варшаве. Тогда состоялась встреча Светланы Тихановской с бывшими белорусскими силовиками, перешедшими на сторону прозападной оппозиции и заявившими о намерении создать нечто вроде профсоюза. Организация была призвана стимулировать увольнения из силовых структур Белоруссии, а также поощрять сотрудничество с оппозицией оставшихся на службе силовиков с националистическими взглядами.

Тихановская поддержала создание инициативы, вскоре ставшей известной как BYPOL. Через зарегистрированные на это объединение YouTube-канал, Телеграм-канал и другие ресурсы осуществлялись публикации секретной информации МВД и других структур Белоруссии. В частности, публиковались аудиозаписи прослушивания телефонных разговоров белорусских силовиков разных рангов. Публиковались фрагменты баз данных по политически мотивированным задержаниям и другим действиям силовых министерств и ведомств Белоруссии.

Особенно широкий резонанс получили публикации видеозаписей избиений при допросах задержанных участников протестных шествий в 2020 году – в т. ч. женщин и несовершеннолетних. В частности, большой резонанс вызвала видеозапись обращения с задержанными во Фрунзенском РУВД Минска, материалы об обстоятельствах расстрела на Пушкинской площади в Минске манифестанта Александра Тарайковского.

Среди первоначальных функций BYPOL была координация протестных акций, помощь оппозиционерам и защита диссидентов от силовиков. В дальнейшем упор делался на развитие агентурной работы в силовых структурах Белоруссии, сбор компромата на представителей «режима Лукашенко».

BYPOL создавались и публиковались доклады и другие аналитические материалы о состоянии законности в МВД и Белорусии в целом. НАУ (П. Латушко) использовали эти материалы для информирования международных организаций, в т. ч. для обоснования расширения санкционного давления на официальный Минск.

Кроме того, BYPOL распространяла дезинформацию, призванную дискредитировать силовые структуры и политическое руководство Республики Беларусь. В частности, варшавская оппозиционная структура заявляла о якобы готовящемся контингенте белорусских силовиков для отправки в Сирию.

«В настоящее время объединяет более 600 действующих и бывших сотрудников, которые выступили против незаконного захвата власти Лукашенко в 2020 году в Беларуси», – сказано на сайте BYPOL[18].

[18] Объединение силовиков Беларуси BYPOL // https://bypol.org/ru (дата обращения: 17.04.2025).

Там также сказано, что сотрудники этого объединения находятся в Белоруссии других странах (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Украина, США, Швеция, Австралия, Бельгия, Германия, Грузия, Израиль, Ирландия, Италия, Канада, Кипр, Словакия, Черногория). На сайте отмечено, что Светлана Тихановская инициировала создание Ситуационно-аналитического Центра на базе BYPOL. Среди официальных представителей объединения заявлены подполковники милиции Александр Азаров и Станислав Лупоносов.

В ноябре 2021 года BYPOL получила статус экстремистской организации на территории Белоруссии. В августе 2022 года Верховный суд РБ признал BYPOL террористической организацией.

Фонд солидарности BYSOL

Фонд солидарности BYSOL был учрежден 14 августа 2020 года в Киеве. Среди основателей значатся Андрей Стрижак, Алексей Левончик, Ярослав Лихачевский и Алексей Кузьменков. Впоследствии фонд перебазировался в Нидерланды.

Изначальными целями фонда были помощь репрессированным представителям прозападной русофобской националистической оппозиции, прежде всего – политзаключенным, а также поддержка стачечного и забастовочного движения, помощь в выезде преследуемым по политическим мотивам за границу РБ. Фонд проводил сборы средств, что становилось поводом для ряда скандалов.

BYSOL координирует свои действия с другими оппозиционными структурами за пределами Белоруссии. Замечено участие этой структуры в международных кампаниях, СМИ и, особенно, в соцсетях.

С учетом опыта BYSOL были созданы аналогичные «отраслевые» структуры – Фонд спортивной солидарности, а также фонды культурной и прочей солидарности. Однако более поздние проекты сопоставимого успеха не имели.

В 2022 году Следственный комитет РБ расследовал уголовное дело в отношении организаторов BYSOL и BY_help, признанных экстремистскими формированиями[19].

Попытки создать независимые профсоюзы предпринимались до 2020 года. В кризисный год были замечены стремления создать оппозиционные организации из рабочих на предприятиях. Однако прозападная националистическая оппозиция не получила поддержки рабочих, и все созданные от их имени структуры быстро прекратили свое

[19] В отношении организаторов экстремистских формирований «Фонд солидарности BYSOL» и «BY_help» возбуждено уголовное дело // https://kgk.gov.by/ru/news-press-center-ru/view/v-otnoshenii-organizatorov-ekstremistskix-formirovanij-fond-solidarnosti-bysol-i-by-help-vozbuzhdeno-112613/ (дата обращения: 17.04.2025).

существование. Независимые профсоюзы вскоре после подавления массовых протестов 2020 года были лишены госрегистрации и фактически прекратили деятельность.

Также достойны упоминания попытки создания оппозиционных организаций в студенческой среде, самодеятельные оппозиционные проекты в Белоруссии без государственного финансирования извне. Все они к 2024 году прекратили свое существование, во всяком случае самостоятельное.

Протестная база в Белоруссии сохраняется, подпитываемая ошибками госуправления. Однако практического выхода диссидентские настроения не находят по ряду причин, в том числе неадекватности прозападной националистической оппозиции, которая не желает и не в состоянии преодолеть свою родовую русофобскую травму.

Заключение

География белорусской оппозиции за пределами Союзного государства представлена более чем 30 странами. Политический кризис 2020 года продемонстрировал влияние белорусского национализма на диаспоры, что наглядно явилось в акциях солидарности с белорусами, вышедшими на протестные акции 2020 года[20].

Главные центры белорусской политической эмиграции сосредоточены в странах, где проживают и активно действуют лидеры белорусской оппозиции и политически активные представители диаспоры. При этом белорусская диаспора не представлена массовыми организациями, тяготеющими к политической активности.

После подавления белорусских акций протестов 2020 года многие оппозиционеры были вынуждены покинуть ее из-за угрозы ареста или политического преследования. Наибольшее количество политических мигрантов, официально не порвавших со своей родиной, приняли соседние Польша и Литва.

Список литературы

1. Официальный сайт Светланы Тихановской // https://tsikhanouskaya.org/ru (дата обращения: 13.04.2025).

2. Корнелюк А. Белорусская прозападная эмиграция имитирует преодоление раскола // https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-08-19--belorusskaja-prozapadnaja-emigracija-imitiruet-preodolenie-raskola-75130 (дата обращения: 12.04.2025).

[20] Самое мощное сопротивление со времен Великой Отечественной: Белоруссия-2020 // https://regnum.ru/article/3155674 (дата обращения: 11.04.2025).

3. Официальный Телеграм-канал Светланы Тихановской // https://t.me/tsikhanouskaya (дата обращения: 16.04.2025).

4. Тихановская С. Мы работаем над исключениями, чтобы белорусы могли въезжать, выезжать и передвигаться на своих автомобилях через границу и по территории Евросоюза // https://clck.ru/3MAtai (дата обращения: 11.04.2025).

BARANCHIK Yuri V. – PhD, Senior Researcher at the Belarus Department of the Institute of CIS Countries, Moscow, Russia, email: ezdakov.1975@mail.ru.

Keywords: pro-Western opposition, Russophobia, Svetlana Tikhonovskaya, Coordinating Council, National Anti-Crisis Management, association of security forces of Belarus.

THE BELARUSIAN OPPOSITION ABROAD

Annotation

In the article, the author analyzes the activities of the Belarusian opposition abroad, focusing on its pro-Western orientation and nationalist ideology. The article examines the genesis of Belarusian nationalism as the basis for opposition activities, highlights its Russophobic nature and opposition to integration with Russia. It is emphasized that the political crisis of 2020 had an impact on the Belarusian diasporas, intensifying their participation in solidarity actions, but there are no mass politically active organizations in the diaspora.

References

1. The official website of Svetlana Tikhanovskaya // https://tsikhanouskaya.org/ru (accessed: 13.04.2025).

2. Kornelyuk A. Belarusian pro-Western emigration imitates overcoming the split // https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-08-19--belorusskaja-prozapadnaja-emigracija-imitiruet-preodolenie-raskola-75130 (accessed: 12.04.2025).

3. Official Telegram channel of Svetlana Tikhanovskaya // https://t.me/tsikhanouskaya (accessed: 16.04.2025).

4. Tikhanovskaya S. We are working on exceptions so that Belarusians can enter, leave and travel in their cars across the border and across the territory of the European Union // https://clck.ru/3MAtai (accessed: 11.04.2025).

Андрей ГРОЗИН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК. ЧАСТЬ II

Аннотация

Статья является продолжением исследования исторической политики центральноазиатских республик в контексте осмысления Великой Отечественной войны. Исследуются трансформации в интерпретации этой темы после распада СССР, особенно в свете современных «войн памяти». Автор фокусируется на том, как различные подходы к политике памяти в регионе, обусловленные геополитическими факторами, влияют на общественное мнение о роли и значении войны для народов Центральной Азии. Оценивается воздействие этих процессов на восприятие общего вклада советских республик в Победу.

Киргизия

В годы Великой Отечественной войны Средняя Азия была одной из важных тыловых баз воюющей армии и страны. Большую роль сыграла каждая из советских республик, в том числе и маленькая гор-

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник, доцент Института востоковедения Российской академии наук, Россия, Москва, email: andgrozin@yandex.ru, SPIN-код: 5621-8571.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая политика, «новая историческая наука», Центральная Азия, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_56

ная Киргизская ССР. Несмотря на то, что республика находилась в глубоком тылу, она внесла свой весомый вклад в общую Победу.

В целом можно утверждать, что на сегодня суверенная Киргизия бережно относится к памяти о событиях Великой Отечественной войны, поскольку это буквально часть истории каждой семьи. Республика внесла свой вклад в Победу – ее граждане сражались за общую Родину и, не жалея сил, трудились ради ее будущего в тылу.

После распада СССР в Киргизской Республике (КР) так же, как и в соседнем Казахстане, в исторической науке возобладали подходы ранее свойственные так называемой исторической школе Михаила Покровского и других «красных профессоров», которая в период господства в СССР (20-е годы) сделала все, чтобы вписать историю в концепт «Россия – тюрьма народов» и со своим «гиперклассовым» подходом раздувала и мифологизировала национально-освободительные движения.

В то же время, в отличие от Казахстана, Киргизия избежала масштабных «войн памяти» и попыток реализовать проекты по очернению советского периода истории и переформатировать историческое сознание населения. Отчасти это объясняется дефицитом ресурсов любого рода у часто меняющегося руководства республики: активный внутриполитический процесс и дробность элиты на множество групп, различавшихся по интересам и сферам контроля экономики и медиасферы, затрудняли выработку и системную долгосрочную реализацию целостной политики исторического ревизионизма.

От соседей Киргизия отличается и тем, что основным источником, влияющим на направления реализации исторической политики в стране, являются не официальная историческая наука, а Интернет и, шире говоря, сетевая среда.

Усложняет ситуацию и недостаточное финансирование национальной науки, а также ряд иных, объективно существующих ограничителей. Например, история тыла советской Киргизии в годы ВОВ написана пока недостаточно подробно из-за скудости источниковой базы. Киргизским историкам заниматься тематикой военного периода непросто, поскольку многие архивы остались в Москве. Даже в архиве Министерства обороны КР нет документов «старше» 80-х годов XX века – все было перевезено в архив Туркестанского военного округа, а затем отправлено в Центральный архив Минобороны РФ.

При этом, прозападные активисты, попытавшиеся резко активизировать «войны памяти» в стране с начала 2022 года, изначально отмечали, что в Киргизии сохраняются большие сложности для реализации проектов переформатирования исторического сознания населения. Эти сложности создают медиа России все еще имеющие большое влияние на граждан КР. Значимым фактором, дезавуирующим усилия местного актива иностранных НПО/НКО, остаются сотни тысяч граждан Киргизии, явля-

ющихся трудовыми мигрантами в России (данный фактор также масштабно влияет на узбекское и таджикское общества).

В Киргизской Республике исторически сложилась наиболее разветвленная и самая «старая» в постсоветской Азии система из НПО/НКО, «гражданских активистов» и СМИ, несколько десятилетий находящихся на системном иностранном финансировании. С определенного момента прозападные либеральные активисты в стране стали активно противостоять всему, что связано с чествованием героев ВОВ. В последние годы эта система поддерживаемого извне «активизма» всячески старалась обесценить Великую Победу, а вместе с ней и подвиг киргизстанцев, боровшихся с германским нацизмом.

Это происходит, например, за счет внедрения идеи о «не своей» войне. Якобы в 1941–1945 годы киргизы воевали «за Россию». При том что рейх не делил народы СССР на «хорошие» и «плохие»: уничтожены или превращены в рабов должны были все «неарийцы». С другой стороны, проплаченные извне сторонники ревизии наследия Победы пытаются оправдать действия примерно 6 тыс. уроженцев республики, воевавших на стороне фашистов в составе «Туркестанского легиона» и иных подобных формирований[1].

Попытки использовать масштабное, укоренившееся и поглощающее немалые внешние ресурсы «гражданское общество» КР для активизации «войн памяти», очевидно, продолжатся. Как отмечает директор Центра экспертных инициатив «Ой Ордо» (Центр мысли) Игорь Шестаков: «Средства на проекты деколонизации и резкой критики СССР, которые реализуются у нас силами неправительственных организаций, финансируются как раз с Запада, который является родиной колонизации. Однако на подобных мероприятиях речи о роли Великобритании не ведутся, в основном говорят о пагубной роли СССР, который якобы препятствовал развитию национального самосознания и наносил только вред. Безусловно, эта тема будет политизирована дальше, ведь сегодня Россия играет ключевую роль в Центральной Азии, а ее оппоненты будут использовать этот рычаг как «страшилку»[2].

Пока же, несмотря на попытки «гражданских активистов» ревизовать историю, используя социальные сети и новые информационные технологии, можно сказать, что власти Киргизии весьма трепетно относятся ко Дню Победы и памяти о Великой Отечественной войне. Президент КР Садыр Жапаров в 2023 году посетил Тверскую область, где открыл мемориал 60 ты-

[1] Настоящие патриоты не позволят реабилитировать нацизм в Кыргызстане // https://www.vb.kg/doc/434912_nastoiashie_patrioty_ne_pozvoliat_reabilitirovat_nacizm_v_kyrgyzstane.html (дата обращения: 17.12.2024)

[2] Разговоры об истории. Почему в регионе поднимаются вопросы о якобы колониальной политике России? // https://dostuk.media/2024/03/11/razgovory-ob-istorii-pochemu-v-regione-podnimayutsya-voprosy-o-kolonialnoj-politike-rossii/ (дата обращения: 24.11.2024)

сячам воинам-киргизстанцам, павшим под Вязьмой и Ржевом.

Республика первой в регионе в ноябре 2024 года образовала организационный комитет при кабинете министров по подготовке и проведению празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. В состав оргкомитета вошли представители администрации президента, министры, главы городов и другие должностные лица. Тогдашний премьер-министр КР Акылбек Жапаров обязал оргкомитет в месячный срок разработать и утвердить план мероприятий по проведению 80-летия Победы [1].

Почитание Великой Победы, уважение к героям Великой Отечественной войны в республике, еще далеко не формальность и, как пишет военный эксперт, полковник в отставке Анвар Сартаев: «Мы, конечно, не допустим реабилитации нацизма в Кыргызстане. Думаю, что такова позиция каждого патриота нашей страны. Мы далеки от Европы и от их новомодных взглядов на историю фашизма. Тем более, не стоит забывать, что все мы – дети победителей в Великой Отечественной войне. И мы никогда не забудем подвиг людей, которые отдавали свои жизни за то, чтобы мы сегодня жили»[3].

Таджикистан

Самая южная и самая отдаленная советская азиатская республика – Таджикская ССР – не осталась в стороне от военных и экономических усилий для достижения общей Победы над фашизмом. Удаленное положение, сложные географические условия (Таджикистан – наименьшая по площади из всех среднеазиатских республик Союза, 93% ее территории занимают горы, а транспортная сеть была в тот период крайне слаборазвита) и неспокойная граница с соседним Афганистаном не помешали таджикистанцам внести вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками – своим трудом и своими жизнями. Тем более что Таджикская ССР была, пожалуй, единственной азиатской республикой СССР, которой теоретически грозило прямое вторжение врага – плотно контактировавших с нацистами остатков басмаческого подполья в Афганистане. Граждане Таджикистана на фронте и в тылу Великой Отечественной несли те же тяжелейшие жертвы, что и остальные народы Советского Союза. Они смогли преодолеть все невзгоды, обрушившиеся на них, веря в то, что каждый вносит свою лепту в приближение долгожданной общей Победы.

[3] Настоящие патриоты не позволят реабилитировать нацизм в Кыргызстане // https://www.vb.kg/doc/434912_nastoiashie_patrioty_ne_pozvoliat_reabilitirovat_nacizm_v_kyrgyzstane.html (дата обращения: 17.12.2024)

Память о войне в Таджикистане остается одним из прочных идеологических концептов, каких-либо заметных попыток ревизии истории Великой Отечественной войны не отмечается (даже в пространстве социальных сетей).

Республика Таджикистан (РТ) в сфере конструирования собственной «новой идеологии» и «новой исторической науки» всегда несколько отставала от соседей по региону (объяснялось это гражданской войной, коллапсом экономики, утратой интеллектуального потенциала и снижением доли городского населения). После заключения внутритаджикского мира, с конца 90-х годов XX века, идеологическое руководство страны не демонстрировало заметного стремления тотально переписать национальную историю.

И основным полем выстраивания «новой национальной истории» стало не переписывание и очернение советского периода (и, соответственно, темы Великой Отечественной войны), а внимание к тематике глубокой древности. За основу для национального примирения, национальной идентичности и государственной идеологии была взята тематика возвращения к национальным истокам доисламского периода: сначала эпохи зороастризма, позднее – арийской цивилизации. В публичных выступлениях президент Эмомали Рахмон неоднократно подчеркивал преемственность между исламской династией Саманидов и арийским зороастризмом (маздеизм).

При этом, как и в соседнем Узбекистане, особенностью идеологического строительства (и исторической политики как его составной части) в Таджикистане также является его «широкоохватность»: серьезная ориентация на использование всей образовательной системы страны для продвижения и закрепления в обществе многочисленных национальных ценностей и ведения «наступательной» исторической политики. Такой подход во многом диктуется практическими обстоятельствами – власть понимает сложную демографическую ситуацию в Таджикистане, традиционно лидирующем среди стран СНГ по темпам рождаемости[4].

Как пишет российский историк Максим Кирчанов: «этничность стала универсальной формой актуализации исторической памяти и коллективного опыта таджикского общества. Политика памяти тесным образом пересекается с ценностями и принципами идеологии таджикского национализма» [2, с. 546]. Данное положение является абсолютно сложившимся, укрепившимся в образовательной системе и в академической науке. Мировая турбулентность не внесла в это положение каких-то перемен.

[4] На 1 января 2024 г. официальная оценка населения РТ составляла 10,288 млн чел. (из них 2 969 600 – городское население, 7 318 700 – сельское). Сейчас в республике проживает около 10,3 млн чел., что в два раза больше, чем в 1991 году. Одновременно страна остается и самой «молодой» и в ЦА, и на всем постсоветском пространстве: средний возраст в РТ составляет 23 года.

Антироссийские исторические нарративы при этом Душанбе используются весьма дозированно. То же можно сказать и об отношениях с соседями по региону: «войны памяти», ранее имевшие место по линии споров таджикских и узбекских историков, в текущее время утратили актуальность.

Навязываемая странами Запада тема «деколонизации» не стала в Таджикистане сколько-нибудь заметной. Советский период и, особенно, тема участия Таджикской ССР в Великой Отечественной войне в республике остаются зоной не подверженной пока каким-то заметным попыткам ревизии. Как отмечает заведующий отделом новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Абдулло Гафуров: «после распада СССР и приобретения независимости отношение к Великой Отечественной войне в Таджикистане не изменилось». По его словам, в стране продолжается изучение всех вопросов, связанных с периодом этой войны. «В частности, в период независимости была издана шеститомная история таджикского народа, шестой том которой охватывает период Великой Отечественной войны. В этой книге более ста страниц посвящены именно участию Таджикистана в Великой Отечественной войне, героизму посланцев Таджикистана, экономике страны в годы войны, помощи республики»[5].

Основным мемориалом РТ, посвященным Великой Отечественной войне, остается душанбинский Парк Победы на Площади Победы. Ключевое место мемориального комплекса занимает тяжелый танк ИС-2. В 1944 году республика собирала деньги на формирование танкового соединения. На эти средства были собраны 10 танков ИС-2, которые приняли участие в боях в Европе на заключительном этапе ВОВ. «Душанбинский» ИС-2 – настоящая боевая машина со следами от осколков снарядов на броне.

Как отмечает начальник центра образования и инноваций Мухаммадикбол Атоев: «каждый год 9 мая у нас объявляется выходным днем. В каждой школе, каждом детском саду проводятся специальные часы, уроки, мероприятия, посвященные годовщине Победы. Но это общественное, массовое, если хотите. Память о Дне Победы у нас возведена в сакральное – это, если хотите, что-то такое личное и сокровенное, которое передается из поколения в поколение. И я вам говорю об этом со знанием дела: каждая таджикская семья 9 мая обязательно накроет дастархан и будет добрыми словами вспоминать о своих дедах и прадедах, которые воевали на фронтах. Праздники длятся почти неделю. У нас, таджи-

[5] Абдулло Гафуров: «Отношение Таджикистана к Великой Отечественной войне после распада СССР не изменилось» // https://asia24.media/news24/abdullo-gafurov-otnoshenie-tadzhikistana-k-velikoy-otechestvennoy-voyne-posle-raspada-sssr-ne-izmeni/ (дата обращения: 01.11.2024)

ков, есть множество своих песен и стихов о Великой Отечественной войне. Это по-настоящему национальный праздник»[6].

Туркменистан

С первых дней нападения фашистской Германии и ее сателлитов на СССР народ Туркменистана, как и все граждане Союза, встал на защиту общей Родины. Великая Отечественная стала суровым испытанием для всего советского народа, и Туркменистан выдержал его достойно. Формирование национальных воинских соединений, прием эвакуированных, героизм граждан на фронтах и в тылу – все это свидетельствует о значимом вкладе республики в Великую Победу и о том, что в тяжелейшие годы войны туркменский народ проявил мужество, единство и самоотверженность.

Согласно прежним официальным туркменистанским данным, всего в период ВОВ погибло около 700 тыс. уроженцев Туркменистана. Такая цифра озвучивалась во времена правления первого президента независимого Туркменистана Сапармурата Ниязова, однако, она всегда казалась историкам сомнительной. И все же огромные потери туркменистанцев не вызывают сомнений. В настоящее время на официальном уровне Ашхабад указывает, что на полях сражений пало 86 тыс. солдат и офицеров из Туркменской ССР, все они решением главы государства были объявлены Национальными Героями Туркменистана. Их имена внесены в общую Книгу Памяти[7].

По оценке российского историка Бориса Соколова, число погибших и умерших в войну советских граждан, включая мирное население, составляет около 20% от численности населения СССР в середине 1941 года. Если потери населения Туркмении, включая эвакуированных, и всех остальных туркмен составляли примерно ту же пропорцию, то они в сумме могли составить до 290 тысяч [3]. Кроме того, туркмены из всех народов Средней Азии традиционно считались наиболее воинственными, а значит, погибали и получали ранения на фронте они чаще других.

В период правления Сапармурата Ниязова 9 мая являлся одним из главных официальных национальных праздников. Согласно биографии С. Ниязова, в 1941 году его отец, Атамурат Ниязов, добровольцем ушел на фронт и 24 декабря 1942 года, будучи командиром отделения

[6] Мухаммадикбол Атоев: «Память о Дне Победы в Таджикистане – это очень личное для наших граждан» // https://asia24.media/main/mukhammadikbol-atoev-pamyat-o-dne-pobedy-v-tadzhikistane-eto-ochen-lichnoe-dlya-nashikh-grazhdan/ (дата обращения: 02.10.2024)

[7] Неоценимый вклад Туркменистана в Победу Великой Отечественной войны // https://dsmr.ru/1264-neotsenimyj-vklad-turkmenistana-v-pobedu-velikoj-otechestvennoj-vojny.html (дата обращения: 27.12.2024)

535-го гвардейского полка 2-й гвардейской дивизии, погиб в боях за Кавказ. С. Ниязов утверждал: «В нашей стране нет ни одного человека, ни одного дома, которого бы не коснулась тень войны, кто бы не отведал ее горького хлеба. Ничем не восполнить утрату тех, кто потерял на войне сыновей-богатырей, своих любимых отцов, братьев». 10 мая 2012 г. Туркменистан перестал пользоваться словосочетанием «Великая Отечественная война», которое, однако, было заменено не на «Вторую мировую войну», как в ряде соседних по региону государств, а на «Война 1941–1945 годов».

Республика, продолжая традиционную политику политической и медийной автаркии от соседей по региону, придерживается и обособления от какой-либо региональной кооперации историков. Идеологическая сфера страны герметична, выстроенная модель исторической политики самодостаточна и не зависит от внешнего воздействия. Особенности медиасферы Туркменистана не позволяют гражданам высказывать какие-то отличные от официальной исторической политики суждения.

На низкую в сравнении с соседями интенсивность исторической политики влияют и объективные ограничители – малое число историков и общая неразвитость институтов так называемого «гражданского общества» оставляет ресурс только на исследования в области древней истории, а также идеологическое обоснование «великотуркменской» мифологии и поддержание политики изоляционизма. По отношению к периоду Российской империи и Советского Союза, имеет место достаточно нейтральное описание, не перенасыщенное фактами. Как пишет российский историк Денис Маслов: «этот период на официальном уровне стараются скорее забыть, чем демонизировать» [4].

В республике, в максимальной мере в регионе, реализованы практики государственного контроля за социальной активностью. В силу невозможности воздействовать извне, через механизмы НПО/НКО и «простимулированных» блогеров и СМИ, тема ревизии советского прошлого в республике «не взлетает». Прозападные региональные СМИ с горечью отмечают, что тематика «деколонизации» в Туркменистане табуируется, «имеются попытки со стороны властей сглаживать определенные острые углы, которые могли бы навредить дипломатическим отношениям с Россией. А отношения в последние годы стали выстраиваться намного более глубоко, чем раньше»[8].

При этом в Туркменистане официально провозглашен нейтралитет, и Ашхабад давно сделал одной из основ идейно-политической сферы страны фигуру воина-защитника Отечества как главного творца Великой Победы. Такая интерпретация не противоречит ре-

[8] Возрождение независимости: как Центральная Азия стремится к деколонизации Центральная Азия переосмысливает свою идентичность? // https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20230405/vozrozhdenie-nezavisimosti-kak-tsentralnaya-aziya-stremitsya-k-dekolonizatsii?ysclid=luxz9xxyhi218889885 (дата обращения: 23.12.2024)

альному положению дел, поэтому, как представляется, ее можно только приветствовать. Другое дело, что такого широкого обсуждения как в России темы ВОВ за годы независимости в республике не имеется. Однако, своих героев Туркменистан не забывает и память о них не перечеркивает.

Как указывает руководитель ЦГИ «Берлек-Единство» Радик Мурзагалеев: «Отрадно отметить, что Туркменистан в отличие от некоторых других государств постсоветского пространства (таких, например, как Украина, Грузия, Молдова) не пересматривает сам и не позволяет другим пересматривать итоги Великой Отечественной войны исходя из текущей геополитической конъюнктуры. Поэтому в Туркменистане вряд ли возможны информационные войны, давление, запуск в общественное сознание идеологем и прочих смысловых и когнитивных диверсий» [5].

Заключение

Можно сделать вывод о том, что страны постсоветской Центральной Азии демонстрируют в отношении оценок тематики Великой Отечественной войны и Победы в ней как общие, так и различные подходы. За три десятилетия суверенного существования государства региона реализовывали свою историческую политику исходя из необходимости консолидации обществ и элит на этапе перехода от старого советского строя к модели независимого национального государства. Попытки ревизии воззрений на различные исторические периоды (особенно новейшей истории) носили при этом общий для всех пяти стран ЦА характер. Однако, как представляется, тема ВОВ оказалась затронута этими процессами в наименьшей степени.

По нашему мнению, данное положение сложилось в силу самого характера широкомасштабного общественного консенсуса вокруг темы Великой Победы. Народы региона продолжают воспринимать Великую Отечественную войну в качестве величайшего события XX века, причем коснувшегося едва ли не каждой семьи, что имеет в традиции центральноазиатских народов особое значение. Массовое понимание того, что Советский Союз вынес на своих плечах основную тяжесть войны, понеся огромные материальные потери и неисчислимые людские жертвы. Над общей победой трудились все народы СССР, которые в советской идеологической системе были равны. Столкнувшись с гитлеровским «новым порядком», все поняли, что выбор очень прост: сражаться или погибнуть. В битве с фашистской империей абсолютного зла отличились воины всех союзных республик. С первых дней войны Узбекистан, Киргизия, Казахстан, Таджикистан и Туркмения с их многонациональными и многоконфессиональными обществами подня-

лись на борьбу против врага, совместными усилиями остановили и уничтожили европейский фашизм.

Победа была одержана напряженными совместными усилиями всех народов братских республик, и понимание этого большинством населения стран ЦА весьма устойчиво к манипуляциям. Это учитывают местные власти и это пока не может «продавить» внешнее информационное воздействие.

Список литературы

1. Вронский В. В Кыргызстане началась подготовка к празднованию 80-летия Победы // https://asia24.media/news24/v-kyrgyzstane-nachalas-podgotovka-k-prazdnovaniyu-80-letiya-pobedy-/ (дата обращения: 11.01.2025).

2. Кирчанов М. «Арийское» измерение политики памяти в современном Таджикистане // Постсоветские исследования. 2023. № 5 (6). С. 540–548.

3. Соколов Б. В память о кызыл-аскере Атамурате. Туркмения во Второй мировой войне // https://www.fergananews.com/articles/9930 (дата обращения: 22.12.2024).

4. Маслов Д. Исторические мифы стран Средней Азии // https://moskvam.ru/publications/publication_1559.html?ysclid=luy065tz2o537136254 (дата обращения: 03.01.2025).

5. Мурзагалеев Р. ЦГИ «Берлек-Единство»: В Туркменистане чтят героев Великой Отечественной войны // http://berlek-nkp.com/analitics/4435-cgi-berlek-edinstvo-v-turkmenistane-chtyat-geroev-velikoy-otechestvennoy-voyny.html (дата обращения: 18.11.2024).

GROZIN Andrey V. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Central Asia and Kazakhstan of the Institute of CIS Countries, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, email: andgrozin@yandex.ru.

Keywords: The Great Patriotic War, historical politics, "new historical science", Central Asia, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan.

THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 IN THE HISTORICAL POLITICS OF THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS. PART II

Annotation

The article is a continuation of the study of the historical policy of the Central Asian republics in the context of understanding the Great Patriotic War. The transformations in the interpretation of this topic after the collapse of the USSR are investigated, especially in the light of modern "memory wars". The author focuses on how different approaches to memory politics in the region, driven by geopolitical factors, influence public opinion about the role and significance of war for the peoples of Central Asia. The impact of these processes on the perception of the overall contribution of the Soviet republics to Victory is assessed.

References

1. Vronsky V. Preparations for the celebration of the 80th anniversary of Victory have begun in Kyrgyzstan // https://asia24.media/news24/v-kyrgyzstane-nachalas-podgotovka-k-prazdnovaniyu-80-letiya-pobedy -/ (accessed: 11.01.2025).

2. Kirchanov M. The "Aryan" dimension of memory politics in modern Tajikistan // Post-Soviet Studies. 2023. No. 5 (6). pp. 540-548.

3. Sokolov B. In memory of Kyzyl-asker Atamurat. Turkmenistan in the Second World War // https://www.fergananews.com/articles/9930 (accessed: 22.12.2024).

4. Maslov D. Historical myths of Central Asian countries // https://moskvam.ru/publications/publication_1559.html? ysclid=luy065t-z2o537136254 (accessed: 03.01.2025).

5. Murzagaleev R. Berlek-Unity Central Research Institute: Heroes of the Great Patriotic War are honored in Turkmenistan // http://berlek-nkp.com/analitics/4435-cgi-berlek-edinstvo-v-turkmenistane-chtyat-geroev-velikoy-otechestvennoy-voyny.html (accessed: 18.11.2024).

Аида ЕРМАНАЛИЕВА

ПОЛИТИКА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация

В статье рассматривается роль США и Великобритании в формировании геополитической реальности постсоветского пространства. Автор акцентирует внимание на совокупности военных, экономических и политических механизмов, через которые эти страны стремятся усилить свое влияние в регионе. Особое внимание уделяется использованию военных баз, инфраструктурных проектов и финансовой зависимости как факторов внешнего вмешательства, а также рассмотрению «цветных революций» как инструмента политического давления.

Англо-американский союз, формировавшийся на протяжении десятилетий, представляет собой уникальный феномен в мировой политике, объединяющий две ведущие державы на основе общих ценностей, целей и исторического опыта. Оба государства разделяют общее англосаксонское наследие, что проявляется в сходстве политических систем, правовой традиции и языковой общности [1]. Однако настоящий качественный скачок в отношениях произошел в XX веке, особенно в период Второй мировой войны.

После окончания войны и в условиях начавшейся Холодной войны союз США и Великобритании приобрел форму тесной военно-политической координации. Создание НАТО в 1949 году стало ключевым моментом, закрепившим лидерство обеих стран в западном блоке. Великобритания, несмотря на снижение своего статуса

ЕРМАНАЛИЕВА Аида Рамильевна – старший лаборант Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, email: lonny.bin21@mail.ru, SPIN-код: 7987-2001, ORCID: 0009-0003-8524-0141.

Ключевые слова: геополитика, постсоветское пространство, США, Великобритания, информационное пространство, цветные революции, идейно-ценностные факторы.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_68

мировой империи, сумела адаптироваться к новым реалиям, став стратегическим партнером США в борьбе с советской угрозой.

Распад Советского Союза стал крупнейшим геополитическим событием конца XX века, приведшим к фундаментальной перестройке международной системы. Исчезновение одного из двух полюсов глобальной системы изменило баланс сил, создав условия для расширения влияния как региональных, так и международных игроков. Постсоветское пространство стало ареной конкуренции, в которой ключевую роль играли Соединенные Штаты и их союзники, стремившиеся к укреплению позиций в стратегически значимых регионах [3].

С окончанием биполярного мира возникла необходимость переосмысления структуры международной безопасности. Если в годы Холодной войны мировая стабильность обеспечивалась механизмами противовеса между СССР и США, то после 1991 года перед постсоветскими государствами встал вопрос о новой модели внешнеполитического позиционирования. Для стран Восточной Европы это выразилось в ускоренной интеграции в евроатлантические структуры, тогда как в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии этот процесс сопровождался внутренними конфликтами, неопределенностью во внешнеполитическом курсе и экономическими кризисами [4].

Стратегия США и Великобритании на бывших территориях СССР базировалась на ряде принципов, включающих расширение евроатлантических структур [6], укрепление присутствия в странах, имеющих стратегическое значение, и формирование альтернативных экономических и энергетических маршрутов [7]. В Восточной Европе это выразилось в расширении НАТО, которое стало ключевым элементом архитектуры безопасности после Холодной войны. Включение Польши, Венгрии, Чехии (1999), затем Болгарии, Румынии и стран Балтии (2004) укрепило позиции Запада в регионе [8].

Вашингтон и Лондон уделяли внимание развитию политических институтов и демократических преобразований на постсоветском пространстве. Через программы USAID, Национального фонда поддержки демократии (NED) [9] и других организаций западные страны оказывали поддержку реформам в Грузии, Украине, Молдове и Армении, а также странам Центральной Азии [10].

Политические подходы США на постсоветском пространстве во многом опирались на идеи, сформулированные ведущими стратегами XX века. Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» подчеркивал, что контроль над Евразией, ее «большим сердцем», является ключом к глобальному доминированию. В его концепции страны Евразии рассматривались как критически важные регионы, в которых должно быть обеспечено устойчивое западное присутствие [11]. Не менее важным аспектом

англосаксонской стратегии является манипулирование локальными конфликтами. США и Великобритания активно поддерживают этнические и религиозные противоречия, раздувая их для ослабления государств и создания управляемого хаоса [12].

Цветные революции как инструмент политического воздействия

Одним из ключевых инструментов геополитического воздействия Запада являются цветные революции. За фасадом «народного демократического выбора» скрывается сложный механизм внешнего вмешательства, направленного на смену правящих элит и переформатирование политических режимов. В отличие от традиционных военных интервенций, этот инструмент позволяет достигать стратегических целей с минимальными издержками и без прямого военного столкновения [13].

Опираясь на сеть неправительственных организаций, институтов «демократического развития» и медиа, англосаксы создали механизмы управления общественным сознанием, способные мобилизовать протестный потенциал в нужный момент [14]. Ключевым элементом цветных революций является их финансирование. США и Великобритания создавали и развивали целую систему грантовых структур, которые позволяли скрытно направлять средства в нужные страны и нацеливать их на поддержание политической турбулентности [13].

Хотя каждая цветная революция имеет свои особенности, в их основе лежит универсальный алгоритм, отработанный в ряде стран:

1. Создание протестной среды – подготовка общественного мнения через подконтрольные СМИ, развитие «гражданского общества», распространение дискурсов о коррупции, нелегитимности власти и необходимости перемен.

2. Формирование активной молодежной сети – обучение студентов, блогеров, общественных активистов.

3. Инициация кризиса – искусственное обострение политической ситуации, которое может быть вызвано фальсификацией выборов, экономическими проблемами или резонансными событиями.

4. Уличная мобилизация – создание протестного движения, способного блокировать работу госаппарата, формирование символики (цвет, лозунги, брендинг), привлечение международного внимания.

5. Давление на власть – расшатывание системы государственного управления, раскол внутри силовых структур, дальнейшая смена режима [13]. Подобные сценарии мы наблюдали в Сербии (2000),

Грузии (2003), Украине (2004, 2014), Киргизии (2005, 2010) и ряде других стран.

Одним из первых успешных примеров цветной революции стала «Революция роз» в Грузии в 2003 году, где страна послужила пробным полигоном для цветных революций. Основным инструментом смены власти стала молодежная организация «Кмара», созданная по образцу сербского движения «Отпор» [15]. Финансирование обеспечивали NED и структуры Сороса, а подготовку активистов проводили западные консультанты [13]. Англосаксы активно работали с грузинскими СМИ, продвигая образ «прогрессивного» Михаила Саакашвили против «коррумпированного» Эдуарда Шеварднадзе. В результате срежиссированной политической кампании Шеварднадзе был вынужден уйти в отставку, а Грузия взяла курс на интеграцию с Западом [15].

Оранжевая революция 2004 года продемонстрировала, насколько эффективно можно использовать уличный протест и международное давление для изменения политического режима. Протестное движение финансировалось через NED, USAID и европейские фонды, а его ключевые участники проходили обучение в структурах, подконтрольных западным организациям [18]. После победы Виктора Ющенко Украина стала инструментом американской политики в регионе, но внутренние противоречия не позволили удержать проамериканский курс надолго [17].

Ключевым событием стала смена власти в 2014 году, организованная по тому же сценарию. Майдан стал вершиной цветных революций, когда прямое уличное давление, поддержка Запада и активное использование информационной войны привели к свержению президента Виктора Януковича [7].

Несмотря на громкие лозунги о «демократическом выборе», цветные революции не приводят к реальному улучшению политической и экономической ситуации в странах-мишенях. Напротив, они создают системный хаос, ослабляют государственные институты и делают страну зависимой от внешнего управления. Основными последствиями таких «революций» стали потеря суверенитета, поскольку новые правительства, пришедшие в результате цветных революций, ориентируются на внешних кураторов и теряют самостоятельность; экономический кризис и перераспределение ресурсов в пользу западных компаний и финансовых структур.

История последних десятилетий показывает: там, где Запад использует протестные технологии, за «демократическими лозунгами» скрываются интересы глобальной элиты, а за «свободой» следует зависимость от внешнего управления. Цветные революции – это не стихийные народные восстания, а четко спланированные операции, направленные на геополитическое перекраивание пространства. Однако эффективность этой стратегии не бесконечна – государства,

осознавшие угрозу, разрабатывают механизмы защиты.

К примеру, в Беларуси в 2020 году и Казахстане в 2022 году также предпринимались попытки реализации цветных революций. В 2020 году протесты в Беларуси, поддержанные западными силами, столкнулись с сильным сопротивлением со стороны правительства А. Лукашенко. Массовые протесты, начавшиеся после законных президентских выборов, были направлены на дестабилизацию политической ситуации в стране и изменение ее внешнеполитической ориентации в пользу Запада[1]. Однако официальная власть в Минске, несмотря на критику со стороны западных стран и благодаря слаженной работе силовых структур, смогла сохранить контроль и порядок[2].

В Казахстане в 2022 году события развивались по схожему сценарию. Начавшиеся как мирные протесты против повышения цен на топливо, они быстро переросли в агрессивные формы народных выступлений. Третьи силы пытались воспользоваться ситуацией, стремясь ослабить влияние России в Центральной Азии и поставить Казахстан на более западную траекторию[3]. Однако позиция президента К.-Ж. Токаева[4], скоординированная работа силовых структур и спецслужб РК, а также прямое вмешательство ОДКБ предотвратили беспорядки[5]. Казахстан сумел стабилизировать ситуацию, использовав как внутренние, так и внешние механизмы защиты, что, в свою очередь, ослабило потенциал внешнего давления[6]. Стоит отметить, несмотря на продвинутость внешнего воздействия, такие операции не всегда приводят к желаемым результатам. Страны, обладающие сильной политической властью, четкой внутренней политической консолидацией и поддержкой со стороны ключевых внешних партнеров могут эффективно нейтрализовать попытки внешнего вмешательства, сохраняя стабильность и самое главное – самостоятельность и суверенитет.

[1] «Белорусская весна» – 2020 как «точка сборки» практик «цветных революций» нового типа: опыт противостояния // https://histrf.ru/magazine/article/belorusskaya-vesna-2020-kak-tochka-sborki-praktik-cvetnyh-revolyuciy-novogo-tipa-opyt-protivostoyaniya (дата обращения:16.11.2024)

[2] Планы цветной революции в Белоруссии провалились, заявил Лукашенко // https://ria.ru/20240424/belorussiya-1942052479.html (дата обращения:16.11.2024)

[3] Казахстанский «Кантар» и деньги ЦРУ: «Демпартия» // https://stanradar.com/news/full/54135-kazahstanskij-kantar-i-dengi-tsru-dempartija.html (дата обращения 30.07. 2024)

[4] Токаев отдал приказ открывать огонь на поражение по террористам // https://interaffairs.ru/news/show/33170 (дата обращения:16.11.2024)

[5] Токаев объявил о завершении миссии ОДКБ в Казахстане // https://www.rbc.ru/politics/11/01/2022/61dd162f9a794783f88c7571 (дата обращения:16.11.2024)

[6] Как США навязывают Казахстану свою демократию через финансирование СМИ – эксперты // https://www.caravan.kz/news/kakssha-navyazyvayut-kazakhstanu-svoyu-demokratiyu-cherez-finansirovaniesmi-ehksperty-646164/n (дата обращения:16.11.2024)

Военное и экономическое присутствие

США укрепили военное присутствие в постсоветских странах сразу после 2001 года. В Центральной Азии использовались базы в Киргизии (Манас, 2001–2014)[7] и Узбекистане (Карши-Ханабад, 2001–2005)[8]. В Восточной Европе США создали оперативные базы в Болгарии (Ново Село)[9] и Румынии (Михай Когэлничану)[10], интегрировав их в общую сеть НАТО. С 2022 года на фоне украинского конфликта ускорено наращивание контингента в Польше, странах Балтии, Румынии, ведутся переговоры о постоянном размещении войск США в Финляндии[11].

Логистическая инфраструктура – важнейший механизм контроля. США последовательно выстраивают альтернативные маршруты транспортировки энергоресурсов и товаров в обход России. На Южном Кавказе основным приоритетом англосаксонской политики стало развитие энергетической инфраструктуры [19]. Проект нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (BTC), запущенный при активной поддержке США [20], обеспечил поставки каспийской нефти на мировые рынки в обход России[12]. Аналогичным образом газопровод Южный газовый коридор, включающий Трансанатолийский (TANAP)[13] и Трансадриатический (TAP)[14] газопроводы, обеспечил альтернативный маршрут поставок газа в Европу.

В рамках инициативы «Средний коридор» продвигаются железнодорожные и портовые проекты, связывающие Китай, Южный Кавказ и Европу без участия Москвы[15]. В Азербайджане и Гру-

[7] Авиабаза Манас на территории Киргизии // https://tass.ru/info/751517 (дата обращения: 03.03.2025)

[8] «США будут бить Россию через Узбекистан. Это хороший ход» // https://www.gazeta.ru/army/2021/10/26/14137207.shtml (дата обращения: 03.03.2025)

[9] Базы США в Европе. Часть 4. Американские «новоселы» в «Новом село» и не только // https://interaffairs.ru/news/show/10131 (дата обращения: 03.03.2025)

[10] СМИ сообщили о размещении в румынской деревне крупнейшей авиабазы НАТО в Европе // https://iz.ru/1716751/2024-06-23/smi-soobshchili-o-razmeshchenii-v-rumynskoi-derevne-krupneishei-aviabazy-nato-v-evrope (дата обращения: 03.03.2025)

[11] Принимай их, Суоми-красавица. Хельсинки готовится разместить у себя части НАТО // https://www.kommersant.ru/doc/6906895 (дата обращения: 03.03.2025)

[12] Баку-Тбилиси-Джейхан: где нефть? // https://www.ng.ru/economics/2002-10-04/10_provod.html (дата обращения: 03.03.2025)

[13] В Анкаре назвали TANAP альтернативой поставок российского газа в ЕС // https://www.rbc.ru/politics/31/07/2022/62e6e5cc9a7947828163bc0a (дата обращения: 03.03.2025)

[14] Запуск Трансадриатического газопровода – значение и перспективы // https://casp-geo.ru/zapusk-transadriaticheskogo-gazoprovoda-znachenie-i-perspektivy/ (дата обращения: 03.03.2025)

[15] Семь стран сформируют ассоциацию по маршруту Среднего Коридора — Middle Corridor // https://casp-geo.ru/sem-stran-sformiruyut-assotsiatsiyu-po-marshrutu-srednego-koridora-middle-corridor/ (дата обращения: 03.03.2025)

зии развивается логистическая сеть – ключевую роль играют порт Алят в Баку[16] и строящийся глубоководный порт Анаклия на черноморском побережье Грузии[17]. Объекты интегрируются в транскаспийский маршрут, связывая их с европейскими рынками через Турцию. Параллельно укрепляются логистические узлы в Восточной Европе – Польша и Румыния превращаются в ключевые транзитные хабы для военных и экономических поставок[18].

Вашингтон и Лондон выстраивают глобальную систему влияния, в которой постсоветское пространство – лишь один из элементов. Проецирование силы идет сразу в нескольких направлениях. Восточная Европа – плацдарм для давления на Россию, Центральная Азия – инструмент сдерживания Китая, Балканы – зона контроля транспортных маршрутов в Средиземное море, Кавказ – ключ к энергетическим потокам. США и Великобритания действуют методично, комбинируя военные, экономические и политические инструменты, создавая долговременные механизмы влияния. Но главный инструмент американской политики – демонтаж государственности и внешнее управление под видом поддержки демократии. Украина – яркий пример. С 2014 года Украина перестала быть самостоятельным государством и превратилась в первый крупный постсоветский проект по демонтажу суверенитета. Этот процесс включал три ключевых этапа:

1. Финансовое удушение – страна загнана в долговую зависимость. Согласно статистике Кильского университета в Германии Украина живет за счет западных дотаций: 42 млрд долл. в 2023 году, из которых 23 млрд долл. – военная помощь[19].

2. Военный контроль – ВСУ де-факто стали прокси-организацией НАТО. На территории страны действуют военные инструкторы альянса, используются системы управления боем по стандартам НАТО, а принятие решений контролируется Пентагоном.

3. Экономическая ликвидация – ключевые ресурсы переданы транснациональному капиталу. Закон о продаже земли (№ 552-IX от 31.03.2020 г.) открыл украинские

[16] Морской порт Алят (Азербайджан) за счет модернизации планирует увеличить грузоперевалку в 1,6 раза – до 25 млн тонн // https://casp-geo.ru/novyj-azerbajdzhanskij-morskoj-torgovyj-port-menyaet-logistiku-kaspijskogo-regiona/ (дата обращения: 03.03.2025)

[17] Грузинский порт Анаклия скоро станет базой ВМС США // https://zvezdaweekly.ru/news/20201281256-7lgrQ.html (дата обращения: 03.03.2025)

[18] НАТО создаст логистические хабы в Европе для поставок оружия Киеву // https://iz.ru/1725586/2024-07-10/nato-sozdast-logisticheskie-khaby-v-evrope-dlia-postavok-oruzhiia-kievu (дата обращения: 03.03.2025)

[19] It is essential to expand the industrial capacity for the defense of Europe // https://www.welt.de/regionales/hamburg/article255431322/Institut-fuer-Weltwirtschaft-Kiel-Es-ist-essenziell-die-industrielle-Kapazitaet-fuer-die-Verteidigung-Europas-auszubauen.html (дата обращения: 03.03.2025)

черноземы для корпораций Cargill, DuPont, Monsanto, которые уже контролируют до 30% пахотных земель[20].

Заключение

Статья отражает сложность и многогранность воздействия Запада на постсоветское пространство, что проистекает из стратегического стремления США и Великобритании укрепить свое влияние в регионах, которые в геополитическом контексте остаются ключевыми. Выводы, вытекающие из анализа действий западных держав, демонстрируют, что несмотря на продвинутые методы политического вмешательства, включая цветные революции и военное присутствие, успешность этих стратегий не гарантирована. Действия, направленные на формирование политических изменений в странах постсоветского пространства, зачастую приводят к временному хаосу, экономическим кризисам и повышенной зависимости от внешнего управления, а в некоторых случаях, таких как Беларусь и Казахстан, сталкиваются с сопротивлением государственных институтов и усиливающимся внутренним консенсусом. Однако же рычаги давления у США и Великобритании, в том числе через финансы, продолжают оставаться значительными.

Кроме того, важно отметить, что несмотря на стратегию западных стран, в современном мире наблюдается растущий интерес к полицентричной системе международных отношений. Все больше стран, включая многие государства постсоветского пространства и развивающиеся регионы, выражают стремление к построению полицентричного мира, где власть и влияние будут распределены между несколькими крупными игроками, а не сосредоточены в руках одного геополитического гегемона.

Список литературы

1. Балаян А. В. Феномен англо-американских «Особых отношений» и его влияние на международные политические процессы в конце XX–XXI вв // Научный журнал КубГАУ. 2016.

2. Аватков В. А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5. Т. 14. С. 162–176.

[20] Australian National Review: Американские корпорации владеют почти половиной сельхозземель Украины через посредников // https://rg.ru/2022/07/26/kogo-zashchishchaet-kiev.html (дата обращения: 03.03.2025)

3. Аватков В. А, Ерманалиева А. Р. Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // Постсоветские исследования. 2024. №1. С. 9–19.

4. Цыганова Л. А., Евстафьев Д. Г. Постглобальное социокультурное развитие: пространственный аспект // Общественные науки и современность. 2020. № 6. С. 19–34.

5. Неймарк М. Мессианство и гегемония в современной геополитике: американский эксклюзив // Обозреватель-Observer. 2023. №1. С. 6–16.

6. Артамонов В. А., Артамонова Е. В. Гибридные Войны: Новые Вызовы XXI века // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6. С.43–51.

7. Смирнов П. Е. «Открытые двери» НАТО в постбиполярный период и отношения альянса с Россией // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2024. №1. С. 93–140.

8. Силаков Н. Деятельность фондов и неправительственных организаций США в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2. С. 115–129.

9. Небренчин С. М. Геополитическое противоборство в Евразии в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 26 (737). С. 155–164.

10. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратег, императивы. М.: Международные отношения, 1998. 704 с.

11. Харитонова Е. М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 5–20.

12. Тлепцок Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4. С. 60–71.

13. Афанасьев И. Б. Идеология англосаксов и мировая гегемония. 2018. № 3 (38). С. 143–150.

14. Наумов А.О., Дубинкина К.А. Роль молодежной организации «Кмара» в подготовке и осуществлении «революции роз» в Грузии // Дискурс-Пи. 2023. № 1. С. 107–122.

15. Емельянов В. А. Роль молодежных организаций в «цветных» переворотах, произошедших на пространстве бывшего СССР // Челябинский гуманитарий. 2012. №. 3. С. 101–103.

16. Шульц Э. Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // ПОЛИТЭКС. 2013. № 3. С.137–143.

17. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. № 2. С. 940–950.

18. Гаджиев К. Геополитические ориентиры США на Южном Кавказе. Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3. С. 91–106.

19. Мамедов Л. Р. Международно-правовые аспекты строительства и эксплуатации нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан» // Международное право. № 3. С. 30–39.

ERMANALIEVA Aida R. – Senior Laboratory Assistant of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia, Moscow, email: lonny.bin21@mail.ru.

Keywords: Geopolitics, USA, United Kingdom, post-Soviet space, cyberspace, color revolutions, ideological and value factors.

US AND BRITISH POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE

Annotation

This article examines the role of two prominent global powers — the United States and the United Kingdom — in shaping the geopolitical framework of the post-Soviet space. The focus is placed on the multifaceted deployment of military, economic, and political tools through which these nations seek to consolidate and expand their influence in the region. Particular attention is devoted to the strategic use of military bases, infrastructural investments, and economic dependencies as instruments of external intervention, alongside the manipulation of domestic political processes, exemplified by the promotion of "colour revolutions". The study investigates the ramifications of these strategies on the sovereignty of states striving to preserve their independence, while also considering the long-term repercussions for regional security and the broader global political order.

References

1. Balayan A. V. The phenomenon of Anglo-American "Special Relations" and its impact on international political processes in the late XX–XXI centuries // Scientific Journal of KubGAU. 2016.

2. Avatkov V. A. Post-Soviet space and Turkey: the results of 30 years // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2021. № 5. T. 14. P. 162–176.

3. Avatkov V. A., Ermanalieva A. R. Kazakhstan as a centre of collision of interests of global players in the post-Soviet space: Russia, China, USA and Turkey // Post-Soviet Studies. 2024. № 1. P. 9–19.

4. Tsyganova L. A., Evstafiev D. G. Postglobal sociocultural development: spatial aspect // Social Sciences and Modernity. 2020. № 6. P. 19–34.

5. Neimark M. Messianism and hegemony in modern geopolitics: an American exclusive // Obozrevatel–Observer. 2023. № 1. P. 6–16.

6. Artamonov V. A., Artamonova E. V. Hybrid Wars: New Challenges of the XXI century // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2023. № 6. P.43–51.

7. Smirnov P.E. "Open Doors" of NATO in the Post-Bipolar Period and the Alliance's Relations with Russia // Vestnik of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2024. № 1. P. 93–140.

8. Silakov N. Activities of US foundations and non-governmental organisations in the countries of Central Asia // Russia and New Eurasian States. 2021. № 2. P. 115–129.

9. Nebrenchin S. M. Geopolitical confrontation in Eurasia in the XXI century // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2015. № 26 (737). P.155–164.

10. Bjezinski Z. The Great Chessboard: The domination of America and its geostrategic imperatives. Moscow: International Relations. 1998. 704 p.

11. Kharitonova E. M. "Soft power" of Great Britain: a comparative analysis of mechanisms, tools and practices // Comparative Politics. 2017. № 1. P. 5–20.

12. Tleptsok R. A. "Colour revolutions": theoretical concept and political practice // Vestnik of Adygeya State University. Series: Regional Studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2019. №4. P. 60–71.

13. Afanasyev I. B. Ideology of Anglo-Saxons and world hegemony. 2018. № 3 (38). P.143–150.

14. Naumov A. O., Dubinkina K. A. Role of the youth organisation "Kmara" in the preparation and implementation of the 'Rose Revolution' in Georgia // Discourse-Pi. 2023. № 1. P. 107–122.

15. Emelyanov V. A. The role of youth organisations in the "coloured" coups that took place in the former USSR // Chelyabinsk Humanitarian. 2012. № 3. P. 101–103.

16. Shultz E. E. "Orange Revolution" and technologies of revolt management // POLITEKS. 2013. №3. P.137–143.

17. Tsvetkova N. A. Discourse of "colour revolutions" // Post-Soviet Studies. 2019. № 2. P. 940–950.

18. Gadzhiev K. Geopolitical orientations of the United States in the South Caucasus. Russia and new states of Eurasia. 2019. № 3. P. 91–106.

19. Mamedov L. R. International legal aspects of construction and operation of the oil pipeline "Baku-Tbilisi-Ceyhan" // International Law. № 3.P. 30–39.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация

В статье анализируются взгляды российских и зарубежных исследователей на современные проблемы консолидации демократии как завершающего этапа демократических транзитов. Применен метод вторичного анализа результатов исследований. Автор делает выводы о приобретении демократическими транзитами национально-специфического характера и предлагает гипотезу о формировании нового типа политических систем.

Изменения в политических системах государств всегда находятся в центре внимания исследователей, потому что такого рода изменения потенциально влияют на качество жизни большинства граждан конкретного государства. Промежуточные формы и результаты трансформаций политической системы могут быть непредсказуемы или неустойчивы, поэтому политическим акторам целесообразно опираться на результаты научных исследований.

Политическая система устанавливает характер взаимосвязи государственной власти и общества. Общие контуры политических систем государств обладают известным сходством, существенные различия проявляются при сравнении содержательных параметров. Не существует двух государств с совершенно одинаковой структурой политической системы. Между демократической и тоталитарной разновидностями политических систем есть промежуточные варианты. Условно

КУДРЯВЦЕВ Сергей Алексеевич – аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, Москва, e-mail: ks-yar@inbox.ru, SPIN-код: 3574-5417.

Ключевые слова: демократия, политическая система, демократический транзит, консолидация демократии, гибридный режим.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_80

средним вариантом, описанным Х. Линцем, является авторитаризм, при котором власть удерживается по праву сильного. Политические процессы преобразования государственного строя в направлении от авторитаризма к демократии представляют собой демократический переход, или демократический транзит. Завершающий этап демократического транзита исследователи Г. О'Доннелл, А. Лейпхарт, Х. Линц, А. Степан, С. Хантингтон, Ф. Шмиттер называли консолидацией.

С учетом новейших данных политической практики мы считаем наиболее актуальным определение, данное профессором М. О. Акишиным: «демократический транзит – это длительный исторический процесс, обусловленный особенностями национальной политико-правовой культуры данной страны и осуществляемый как эволюционным, так и революционным путем. Демократический транзит от экспорта демократии отличается не только длительностью, но и тем, что государство в период перехода к демократии сохраняет свой суверенитет, способно к критическому восприятию политико-правового влияния иных национальных правовых систем» [1, с. 20]. В основе понятия консолидации демократии лежит внутриполитический консенсус если не всех, то большинства социальных классов, слоев и групп на основе демократии [2, с. 76] как способа управления и решения внутренних конфликтов в рамках установившихся конституционных правил.

Политическая жизнь – процесс постоянных изменений. По мнению А. Пшеворски, «пожалуй, самой главной чертой демократии является ее постоянное стремление к самосовершенствованию, <…> демократический проект никогда не может быть завершен. Демократия – это система, которая обладает способностью адаптироваться к меняющимся условиям, которая открыта институциональным изменениям» [3, с. 24]. Соответственно, можно утверждать, что консолидацию демократии можно рассматривать не только как завершающий этап демократизации, но и как политический процесс поддержания демократического гомеостаза, окруженный профессиональными дискуссиями.

Далеко не все демократические транзиты достигают стадии консолидации демократии. Более того, в начале XXI в. глобальная «третья волна» демократизации (начавшаяся в 1970-х гг.) пошла на спад, и этот процесс продолжается до сих пор. В отчете института V-Dem приведены графики «индексов демократии», показывающие в целом следующую историческую динамику [4, с. 50]:

На рисунке 1 видно, сколь впечатляющие темпы роста демонстрировала демократизация глобально в течение последних 120 лет, каким беспрецедентным демократическим прорывом стала третья волна. На графике просматриваются все три волны демократизации, которые выявил и исследовал С. Хантингтон [5].

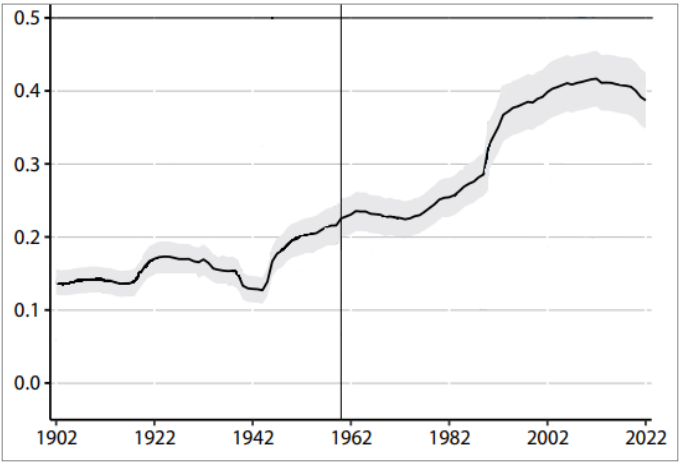


Рис. 1. Траектория изменения «индекса либеральной демократии» в мире в 1902–2022 гг.

Авторитетные политологи констатируют размывание демократических систем из-за множества факторов [6, с. 64–78; 7, с. 12–21; 8, с. 36–53], многие государства начали движение вспять к новым разновидностям авторитаризма. По данным портала Our World in Data сегодня мир по количеству стран примерно поровну разделен между демократиями и автократиями [9]. А по данным института V-Dem количество стран с авторитарными режимами значительно превысило количество стран с демократизацией [4]. Согласно отчету института V-Dem, тенденции демократической деконсолидации в настоящее время достигают впечатляющих масштабов: процесс демократизации в 2023 году осуществлялся лишь в 18 странах, в то время как в 2003 году он проходил в 35 странах; при этом процесс автократизации в 2023 году наблюдался в 42 странах, а в 2003 – лишь в 11; в 2023 году в условиях автократических режимов проживал 71% населения Земли в сравнении с 50% в 2003; на долю растущего числа автократий приходится уже 35% мирового ВВП. В 2022 году V-Dem констатировал, что доля мировой торговли между демократиями снизилась с 74% в 1998 году до 47% в 2022 году, а также что «нынешняя волна автократизации охватывает все регионы мира» [4, с. 7–10].

В 2000 году К. Крауч ввел термин «постдемократия» [10], условно обозначив им новый тип политических систем, которые он уже в то время наблюдал в ряде государств, где происходит постепенная эрозия демократических институтов и подмена народовластия правлением немногочисленных элит, состоящих из представителей власти и крупного бизнеса. Демократические институты в таких государствах имеют лишь внешнее проявление, интенсифицируется трансляция в

общественное сознание манипулятивной информации через СМИ, снижается уровень политического участия гражданского общества и контроль с его стороны, растет лоббирование и коррупция. Данные Pew Research Center подтверждают, что в последние годы ряд демократических стран столкнулся со множеством вызовов, и даже уверенные в себе демократии проявили эндогенные слабые стороны в своих социальных структурах и институциональных конструкциях, сформировался гражданский запрос на реформирование политической системы [11].

Также и в отчете Freedom House[1] 2023 году утверждается: «резкое сокращение свободы наблюдалось во всех регионах мира», а главным индикатором упадка демократии называется свобода выражения мнений [12, с. 12-13]. В отчете 2024 года говорится, что «в дополнение к проблемам манипулирования выборами и вооруженным конфликтам, перечисленные ниже угрозы часто затрагивали конкретные свободы – или свободы конкретных групп – в течение года: организованные преступные группировки угрожали демократическим институтам, безопасности и свободе <…>, свобода исповедовать избранную религию была подавлена <…>, ограничительные законы ущемляли права ЛГБТ+ людей <…>, мигранты и беженцы подвергались произвольной депортации и физическому насилию» [13, с. 30].

Вопрос о том, что за спадом третьей волны последует четвертая волна демократизации, является телеологически дискуссионным. Одни эксперты считают, что «процесс перехода к демократическим преобразованиям, который сегодня свойственен многим обществам и сопровождается различными осложнениями, неизбежен и потому требует создания новых политтехнологий с учетом как региональных, так и международных особенностей» [14, с. 112]. Другие эксперты обосновывают мнение, что «XXI век станет свидетелем борьбы демократических и антидемократических тенденций не только в глобальном масштабе, но и, возможно в менее драматических формах, в самих оплотах традиционной демократии» [15, с. 7–8], а также что «последняя волна демократизации отличается от предшествующих обострением проблем национализма и усилением тенденций сепаратизма» [16, с. 76].

Транснациональные организации Human Rights Watch и NED со штаб-квартирами в США, а также межправительственная International IDEA со штаб-квартирой в Швеции, заявляют, что оказывают поддержку демократии. Демократическая партия США в 2023 году заявила о выделении 9,5 млрд долл. на поддержку демократии по всему миру [17] для реализации мер укрепления демократии посредством поддержки свободных и независимых СМИ, борьбы с коррупцией, защиты прав челове-

[1] В 2024 году Генпрокуратура признала Freedom House нежелательной в России организацией.

ка и демократических реформ, свободных и справедливых выборов. При этом подход США и других западных стран к глобальной поддержке демократии подвергается критике в отношении его беспристрастности, избирательности и эффективности. Дипломаты и исследователи часто говорят, что поддержка со стороны США и ЕС демократии в других странах своеобразна и используется ими как средство продвижения собственных геополитических и экономических интересов, укрепления своей доминирующей роли в политических процессах [7, с. 15–17; 18, с. 152; 19]. В итоге между демократическими и автократическими государствами растут политические противоречия [20, с. 32].

Демократия смогла стать политической формой нового миропорядка вследствие утраты геополитической биполярности [15, с. 8–9] в начале 1990-х гг., а в 2003 году И. Валлерстайн уже утверждал, что «Запад вошел в полосу массивного кризиса – не только экономического, но и фундаментального политического и социального. <…> Мы отчаянно нуждаемся в нахождении значительно более рациональной общественной системы» [21, с. 95]. «На смену исчезнувшему четверть века тому назад противостоянию социализма и капитализма пришел конфликт иного типа интересов, ценностей и идентичностей с сильными национальными, религиозными и историко-культурными акцентами» [22, с. 149]. Ш. Эйзенштадт и С. Хантингтон, признавая цивилизационно-культурные различия, «доказали, что в условиях глобализации Запад, находящийся в процессе серьезных изменений, не может по-прежнему оставаться универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в какого рода модернизации оно нуждается» [22, с. 400].

Каждое государство обладает собственными уникальными традициями, которые формируют структурные предпосылки в отношении демократизации – благоприятные или неблагоприятные сочетания структурных факторов [23, с. 91]. Потому что «ни одно из трансформирующихся обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни» [15, с. 9]. Академик Г. В. Осипов утверждал: «никакая демократия не является подлинной демократией, если она претендует на подавление сознания и воли человека, на его изменение. Только та демократия является подлинной, которая возвращает человеку его индивидуальность» [24, с. 329]. В исследовании ИСПИ ФНИСЦ РАН 2021 года утверждается: «Попытки навязывания так называемых современных западных систем демократических ценностей встречают принципиальное отторжение со стороны традиционных мировых религий, светских идеологий и народов с выраженной национальной идентичностью. В условиях падения авторитета и привлекательности моделей либерального образа жизни западные идеологи, стремясь сохранить идеологическую

интеллектуальную инициативу, стали навязывать ложную дилемму выбора между демократией и авторитаризмом» [25, с. 7–8]. А. Пшеворски, в свою очередь, считает так: «заявление, что устройство политической системы в стране должно отражать ее культуру, недавно было возрождено в различных концепциях «незападных демократий», но нет никаких серьезных оснований верить, что культурные традиции ограничивают политические возможности» [3, с. 38].

Основатель российской политологии Б. Н. Чичерин еще в XIX в. на основании анализа европейских революций сделал выводы о том, что политики должны опираться на исторический опыт страны, и что полноценное изменение политического строя возможно только эволюционным путем. Это подтвердил исторический опыт XX–XXI вв.: из-за цивилизационных и ценностных различий между западными и незападными обществами навязанные и искусственно ускоряемые демократические транзиты по импортированной западной модели проваливаются. Потому что в незападных обществах традиционалистские элементы показывают большую ценность для граждан, чем навязываемые стандарты и институты демократии западной модели. Культурный код устойчив и трудно поддается изменениям, поэтому отвергать его было бы проявлением намеренной слепоты; гораздо эффективнее искать сочетания и использовать его в качестве стабилизирующего фактора, направленного к консолидации демократии. Политическая культура незападных обществ тяготеет к патерналистским практикам, и это увеличивает длительность демократических транзитов таких государств. Ученые утверждают, что факторы ценностей, культуры и поведенческих установок, которыми руководствуются люди, хотя и чрезвычайно устойчивы, все же могут быть скорректированы без потери национальной идентичности [26]. Соответственно, стадию консолидации демократии, как и предшествующую ей стадию собственно демократизации, можно анализировать с позиций как процедурного/акторного, так и структурного подходов; причем структурные факторы на стадии консолидации явно будут доминирующими.

Высокие социальные и экономические показатели западных демократий долгое время воспринимались как следствие демократического типа политических порядков. Однако XXI век показал, что государственные системы стран со сравнительно низким «индексом демократии» тоже стали демонстрировать способность проводить в жизнь идеи длительного развития. Это стало способствовать легитимации «рационального авторитаризма» или гибридных режимов в общественном мнении, поэтому возможны инверсии процесса демократического транзита. Б. И. Макаренко и А. Ю. Мельвиль особо отметили: «в последнее десятилетие впечатляющие результаты показала модель авторитарного экономического

роста в Китае, служащая образцом для многих недемократических стран Третьего мира: это выглядит глобальным вызовом демократии как «единственной игры в городе»» [27, с. 37].

С. Хантингтон, указывая на недостатки демократии начала XXI века, утверждал: «политическая демократия тесно связана со свободой личности. Демократии могут злоупотреблять и злоупотребляли индивидуальными правами и свободами человека, а хорошо отрегулированное авторитарное государство может в весьма значительной степени обеспечивать своим гражданам безопасность и порядок» [5, с. 39]. Но и критика в адрес авторитарных либо гибридных режимов будет справедливой, если они признают права и свободы лишь формально, но на деле их реализация для граждан неудовлетворительна – примеры: имитация многопартийности и парламентаризма, фальсификации на выборах, декларирование свободы слова в условиях чрезмерного государственного контроля над СМИ, пресечение открытого выражения общественного мнения и т. п.

В политико-аналитическом дискурсе в последнее время важное место занимает тематика структурных изменений глобального миропорядка – «наступает новая эпоха наступательного национализма, <...> отказа от императивов поведения на международной арене, эрозии сдерживающих факторов, повышенных рисков и непредсказуемости, опасного балансирования, усиливающейся неопределенности» [22, с. 570]. Существует мнение, что в этих условиях авторитаризм проявляет более гибкие способности настраиваться, обеспечивает возможности более оперативного реагирования на различного рода внешние и внутренние вызовы. Вместе с тем, политологи утверждают, что «сегодня мы находимся на пороге нового «века Просвещения», в чем-то аналогичного французскому Просвещению XVIII столетия. Сегодня, в первую очередь, не структурные, не институциональные изменения важны, а преобразование общественного сознания. Можно сказать, речь идет о «революции» в человеческих головах, которая затем наверняка перерастет в масштабное переформатирование социально-экономической и политической действительности, в реализацию социального идеала Гуманизма» [22, с. 502]. Профессором В. Ш. Фельдблюмом была предложена концепция «нового гуманного общества» [28, с. 246], интерес к которой в перспективе, вероятно, возрастет.

На основе анализа научных публикаций и отчетов социально-политических исследовательских центров мы приходим к следующим выводам.

– К началу XXI века западная модель демократии столкнулась с целым рядом проблем. Согласно мониторинговым результатам западных социально-политических центров, продолжается спад глобальной «третьей волны» демократизации.

– Продолжительность, динамика и промежуточные результаты демократических транзитов различаются; это во многом обусловлено национально-специфическими факторами. На стадии демократизации особую значимость имеют акторные/процедурные факторы, а на стадии консолидации политической системы – структурные факторы и отсутствие шоков.

– Никем не отрицается целесообразность постоянной модернизации системы госуправления при постоянном поддержании ее социальной направленности. Западная модель либеральной демократии может служить важным примером для копирования многих институционально-процедурных решений, но исследователями все чаще отрицается универсализм подходов в развитии политических систем и больше признается значимость национальных социокультурных особенностей государств – такие особенности препятствуют консолидации демократий по западному образцу в незападных странах.

– На основе анализа тенденций современных политических процессов мы предлагаем гипотезу формирования новой, ранее не выделенной гибридной разновидности политических систем, которая в XXI веке получит в мире широкое распространение. Такая политическая система, не являясь идеологичной, будет включать как элементы демократии, так и элементы авторитаризма в соответствии с общенациональными особенностями.

Список литературы

1. Акишин М. О. Демократический режим, экспорт и транзит демократии // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 10–27.

2. Михайлёнок О. М. Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор) // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 74–91.

3. Пшеворски А. Демократия в российском зеркале. Предисловие к книге // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 1. С. 33–41.

4. Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization / V-Dem Institute at the University of Gothenburg // https://v-dem.net/documents/30/V-dem_democracyreport2023_highres.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

5. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2003.

6. Бронников И. А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78.

7. Антанович Н. А. Теория демократического транзита, продвижение демократии и реальность XXI века // Научные труды Рес-

публиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2020. № 19. С. 12–21.

8. Туран И. Либеральная демократия и ветер перемен // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 36–53.

9. Democracy / Our World in Data // https://ourworldindata.org/democracy (дата обращения: 27.03.2025).

10. Крауч К. Постдемократия. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики. 2010.

11. Global Public Opinion in an Era of Democratic Anxiety / Pew Research Center // https://www.pewresearch.org/global/2021/12/07/global-public-opinion-in-an-era-of-democratic-anxiety/ (дата обращения: 27.03.2025).

12. Freedom in the World 2023 / Freedom House // https://freedomhouse.org/sites/default/files/2023-03/FIW_World_2023_DigtalPDF.pdf C.12-13 (дата обращения: 27.03.2025).

13. Freedom in the World 2024 / Freedom House // https://freedomhouse.org/sites/default/files/2024-02/FIW_2024_DigitalBooklet.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

14. Оруджева В. М. Особенности развития политической системы в условиях демократического транзита // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1(12). С. 110–112.

15. Мирзеханов В. Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1(11). С. 7–24.

16. Елисеев С. М. Социальные и политические размежевания, институциональные предпосылки и условия консолидации партийных систем в демократическом транзите // Политическая наука. 2004. № 4. С. 64–88.

17. Fact sheet: The Biden-Harris Administration's Abiding Commitment to Democratic Renewal at Home and Abroad / The White House // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/29/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-abiding-commitment-to-democratic-renewal-at-home-and-abroad/ (дата обращения: 27.03.2025).

18. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ. 2023.

19. Ирвин У. Насильственная демократизация. Поддержка оппозиционных движений правительством США. СПб.: Лира. 2023.

20. Тренин Д. В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер. 2021.

21. Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press. 2003.

22. Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2019.

23. Палишева Н. В. Некоторые аспекты перехода к демократии в Индии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 4. С. 90–94.

24. Осипов Г. В. Российская академия наук – три века служения Отечеству. М.: ИСПИ РАН. 2013.

25. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: [монография] / В.К. Левашов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2021.

26. Аузан А. А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Издательство АСТ. 2024.

27. Макаренко Б. И., Мельвиль А. Ю. Как и почему «Зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. 2014. № 3. С. 9–39.

28. Фельдблюм В. Ш. Россия, устремленная в будущее. Ярославль: ИПК «Индиго». 2020.

KUDRYAVTSEV Sergey A. – Postgraduate student of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: ks-yar@inbox.ru.

Keywords: democracy, political system, democratic transit, consolidation of democracy, hybrid regime.

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF CONSOLIDATING DEMOCRACY

Annotation

The article analyzes the views of Russian and foreign researchers on the current problems of consolidating democracy as the final stage of democratic transits. The method of secondary analysis of research results is applied. The author draws conclusions about the acquisition of national-specific character by democratic transits and suggests a hypothesis about the formation of a new type of political systems.

References

1. Akishin M. O. The democratic regime, the export and transit of democracy // Leningrad Law Journal. 2019. No. 1 (55). Pp. 10–27.

2. Mikhailenok O. M. Socio-political consent in the context of democratic consolidation (analytical review) // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. No. 3 (14). Pp. 74–91.

3. Przeworski A. Democracy in the Russian Mirror. Preface to the book // Comparative Politics. 2012. Vol. 3, No. 1. Pp. 33–41.

4. Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization / V-Dem Institute at the University of Gothenburg // https://v-dem.net/documents/30/V-dem_democracyreport2023_highres.pdf (accessed: 27.03.2025).

5. Huntington S. The Third Wave. Democratization at the end of the 20th century. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2003.

6. Bronnikov I. A. The crisis of representative democracy and new practices of civic activism // PolitBook. 2018. No. 1. Pp. 64–78.

7. Antanovich N. A. Theory of democratic transit, promotion of democracy and the reality of the 21st century // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences. 2020. No. 19. Pp. 12–21.

8. Turan I. Liberal democracy and the wind of change // Russia in global politics. 2023. Vol. 21. No. 2. Pp. 36–53.

9. Democracy / Our World in Data // https://ourworldindata.org/democracy (accessed: 27.03.2025).

10. Crouch K. Post-Democracy. Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics. 2010.

11. Global Public Opinion in an Era of Democratic Anxiety / Pew Research Center // https://www.pewresearch.org/global/2021/12/07/global-public-opinion-in-an-era-of-democratic-anxiety/ (accessed: 27.03.2025).

12. Freedom in the World 2023 / Freedom House // https://freedomhouse.org/sites/default/files/2023-3/FIW_World_2023_DigtalPDF.pdf (accessed: 27.03.2025).

13. Freedom in the World 2024 / Freedom House // https://freedomhouse.org/sites/default/files/2024-02/FIW_2024_DigitalBooklet.pdf (accessed: 27.03.2025).

14. Orujeva V. M. Features of the development of the political system in conditions of democratic transit // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Economics and Management. 2013. No. 1 (12). Pp. 110–112.

15. Mirzekhanov V. Democracy and democratic transit in historical retrospect // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies. 2018. No. 1 (11). Pp. 7–24.

16. Eliseev S. M. Social and political divisions, institutional prerequisites and conditions for the consolidation of party systems in democratic transit // Political Science. 2004. No. 4. pp. 64–88.

17. Fact sheet: The Biden-Harris Administration's Abiding Commitment to Democratic Renewal at Home and Abroad / The White House // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/29/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-abiding-commitment-to-democratic-renewal-at-home-and-abroad / (accessed: 27.03.2025).

18. Brzezinski Z. The Great Chessboard. Moscow: AST Publishing House. 2023.

19. Irwin W. Forced democratization. Support of opposition movements by the U.S. government. St. Petersburg: Lira. 2023.

20. Trenin D. V. The new balance of power: Russia in search of a foreign policy balance. Moscow: Alpina Publisher. 2021.

21. Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press. 2003.

22. Modern Political Science: Methodology: Scientific Edition / Ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow: Aspect Press Publishing House. 2019.

23. Palisheva N. V. Some aspects of the transition to democracy in India // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2010. Vol. 9. No. 4. Pp. 90–94.

24. Osipov G. V. The Russian Academy of Sciences – three centuries of service to the Fatherland. Moscow: ISPI RAS. 2013.

25. The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021: [monograph] / V. K. Levashov [et al.]; ed. by V. K. Levashov, G. V. Osipov, S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya; FRSC RAS. Moscow: FRSC RAS. 2021.

26. Auzan A. A. Cultural codes of economics: How values affect competition, democracy and the welfare of the people. Moscow: AST Publishing House. 2024.

27. Makarenko B. I., Melville A. Yu. How and why do democratic transits “Hang”? Post-communist lessons // Political Science. 2014. No. 3. Pp. 9–39.

28. Feldblum V. Sh. Russia, aspiring to the future. Yaroslavl: IPK “Indigo”. 2020.

Наталья ВЛАСОВА,

Виктория ОЛЕНЦЕВИЧ

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕС ХОЛДИНГА «РЖД» И КЛЮЧЕВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» и подконтрольные ему общества (далее – холдинг «РЖД») является крупнейшим работодателем Российской Федерации, системообразующим элементом российской экономики, ключевым звеном транспортной системы страны, а также составной частью евроазиатской железнодорожной сети. Холдинг «РЖД» стремится сохранить лидирующие позиции на мировом рынке транспортных услуг и железнодорожных технологий. Целью представленного научного исследования является определение основных принципов и правил в отношении ответственного ведения бизнеса, ориентированного на создание ценности для холдинга «РЖД», путем достижения баланса между экономическими выгодами и положительным экологическим и социальным воздействием. Эффективное функционирование же-

ВЛАСОВА Наталья Васильевна – кандидат технических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, Россия, Иркутск, email: natalya.vlasova.76@list.ru, SPIN-код: 3944-5319.

ОЛЕНЦЕВИЧ Виктория Александровна – кандидат технических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, Россия, Иркутск, email: olencevich_va@mail.ru, SPIN-код: 2356-3280.

Ключевые слова: сценарии развития транспортно-логистического бизнеса, качества предоставления услуг, клиентоорентированность, финансовые показатели, бизнес-единицы, стратегическое развитие.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_93

лезнодорожного транспорта Российской Федерации играет исключительную роль в создании условий для модернизации, перехода на инновационный путь развития и устойчивого роста национальной экономики, способствует созданию условий для обеспечения лидерства России в мировой экономической системе. Для снижения транспортных издержек при перевозках, повышения конкурентоспособности на транспортном рынке, авторами предлагается рассмотреть сценарии развития транспортно-логистического бизнеса с присутствующими развилками стратегии развития.

Введение

Реализация транспортно-логистической деятельности производится в соответствии с запросом рынка и ожиданиями клиентов при соответствующем распределении операционных ролей бизнес-единиц. Центр фирменного транспортного обслуживания (далее – ЦФТО) курирует и осуществляет координацию деятельности бизнес-единиц в рамках экосистемы транспортно-логистического бизнеса (далее – ТЛБ). Бизнес-единицы транспортно-логистического бизнеса (ЦМ совместно с дочерне-зависимыми обществами) осуществляют деятельность по предоставлению транспортно-логистических услуг, при этом ЦМ является основным оператором по оказанию терминально-логистических услуг.

С целью повышения качества предоставления услуг в рамках клиентоорентированности авторами предлагается рассмотреть сценарии развития транспортно-логистического бизнеса с присутствующими развилками стратегии развития.

В части модели управления дочерне-зависимые общества (далее – ДЗО):

– сценарий выхода из видов бизнеса с концентрацией на выполнении функции государственной инфраструктурной монополии и изменением доли участия в других сегментах ТЛБ;

– сценарий единого управления, подразумевающий создание и развитие холдинговой транспортно-логистической структуры с единым центром принятия решений для всех ДЗО;

– адаптационная модель развития.

В части стратегического позиционирования ТЛБ холдинга «РЖД»:

– бизнес-ориентированное развитие;

– социально ориентированное развитие.

В части управления активами:

– расширение портфеля активов;

– выход из всех активов, не являющихся стратегически важными для обеспечения деятельности ТЛБ.

Каждая из представленных развилок различается с точки зрения эффектов, оказываемых на результаты деятельности транс-

портно-логистического бизнеса. Выбор целевых направлений должен осуществляться с учетом всех возможных последствий и потенциальных финансовых показателей бизнес-единиц [1–3].

Основные направления транспортно-логистического бизнеса. Развилки стратегии развития в части модели управления дочерне-зависимых обществ

Сценарий выхода из видов бизнеса с концентрацией на выполнении функции государственной инфраструктурной монополии и изменением доли участия в других сегментах ТЛБ предполагает относительно простую децентрализованную операционную модель. Здесь подразумевается снижение транспортно-логистических расходов за счет внедрения механизмов оптимизации логистики, а именно консолидация парка вагонов (объединение всех ДЗО в единую структуру не приведет к увеличению данного парка), обслуживающий потребности государства (госзаказ) и влияния трансформации конкуренции на рынок оперирования подвижным составом (предусматривается возможное изменение структуры активов в рамках ДЗО, продажа отдельных активов при сохранении ДЗО) [4–6].

Тем не менее возможны негативные эффекты, связанные с конкуренцией между ДЗО и отсутствием синергетических эффектов.

Реализация данной модели управления представляется возможной в рамках риск-сценария, а также при базовом и оптимистичном сценарии в случае принятия решений Правительством Российской Федерации.

Сценарий предусматривает самостоятельность ДЗО в операционной деятельности, самостоятельный выбор приоритетных направлений развития и взаимодействия в сквозных сервисах ТЛУ [7].

Возможные эффекты полностью децентрализованной операционной модели (в связи с выходом из видов бизнеса) включают:

– снижение кооперации между логистическим провайдером (АО «РЖД Логистика»), контейнерными операторами (АО «РЖД Бизнес Актив» и АО «ОТЛК ЕРА») и терминальным комплексом (ЦМ, ООО ТЛЦ «Белый Раст») за счет раскоординации стратегических целей, увеличения сроков согласования заявок в сквозных сервисах;

– отсутствие централизованного управления может привести к рассогласованности и ухудшению взаимодействия между АО «РЖД Логистика» и АО «ОТЛК ЕРА», с одной стороны, и усилению конкуренции между группой АО «РЖД Логистика» – АО «РЖД Бизнес Актив» – АО «ОТЛК ЕРА» в части клиентской базы, с другой.

Основными операционными эффектами при реализации данной модели будут:

– небольшое снижение доходов АО «ФГК» (до 1% относительно показателей базового сценария) в связи со снижением кооперации с ЦФТО;

– рост выручки и операционных расходов АО «ОТЛК ЕРА» из-за снижения взаимодействия с АО «РЖД Логистика» (резкое увеличение выручки на 10,5% в 2024 году с постепенным снижением эффекта к 2036 году; увеличение операционных расходов на 27,4% в 2024 году с постепенным снижением эффекта к 2036 году); увеличение административных расходов в связи с изменениями в кооперационной цепочке и усиление конкуренции за персонал;

– падение операционных показателей АО «РЖД Логистика» из-за снижения взаимодействия с АО «ОТЛК ЕРА» (снижение доли выручки от контейнерных перевозок). Одновременно с этим ожидается увеличение административных расходов в связи с изменениями в кооперационной цепочке и усиление конкуренции за персонал;

– совокупное снижение выручки и прибыли холдинга «РЖД».

Потенциальные финансовые показатели ДЗО при сценарии выхода из видов бизнеса представлены в таблице 1 [8].

Таблица 1.

Финансовые показатели ДЗО при сценарии выхода из видов бизнеса

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
АО «ФГК»					
Выручка	млрд руб.	126,4	173,0	290,1	399,7
EBITDA	млрд руб.	69,6	117,8	196,0	247,9
Чистая прибыль	млрд руб.	30,7	54,1	72,7	134,8
Рентабельность по EBITDA	%	55,03%	68,09%	67,58%	62,02%
Рентабельность по чистой прибыли	%	24,28%	31,27%	25,07%	33,72%
АО «ОТЛК ЕРА»					
Выручка	млрд руб.	70,4	71,4	83,1	112,0
EBITDA	млрд руб.	(5,1)	(2,1)	1,1	3,5
Чистая прибыль	млрд руб.	(6,9)	(5,4)	(4,5)	(5,4)
Рентабельность по EBITDA	%	(7,31%)	(2,95%)	1,28%	3,13%

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
Рентабельность по чистой прибыли	%	(9,80%)	(7,53%)	(5,40%)	(4,84%)
АО «РЖД Логистика»					
Выручка	млрд руб.	31,7	39,6	52,0	71,7
EBITDA	млрд руб.	3,1	2,9	2,9	3,8
Чистая прибыль	млрд руб.	2,0	2,0	2,1	2,9
Рентабельность по EBITDA	%	9,73%	7,32%	5,49%	5,28%
Рентабельность по чистой прибыли	%	6,29%	4,93%	4,02%	4,01%
АО «РЖД Бизнес Актив»					
Выручка	млрд руб.	32,5	49,6	78,2	140,8
EBITDA	млрд руб.	6,1	9,7	16,2	29,2
Чистая прибыль	млрд руб.	0,4	1,8	3,5	12,7
Рентабельность по EBITDA	%	18,80%	19,58%	20,72%	20,71%
Рентабельность по чистой прибыли	%	1,09%	3,70%	4,45%	9,05%
ТЛЦ «Белый Раст»					
Выручка	млрд руб.	4,2	5,9	8,9	11,9
EBITDA	млрд руб.	1,9	2,6	3,9	5,4
Чистая прибыль	млрд руб.	0,8	1,1	1,8	3,0
Рентабельность по EBITDA	%	45,80%	44,35%	43,57%	45,42%
Рентабельность по чистой прибыли	%	18,12%	18,67%	19,77%	25,42%

В сценарии единого управления предполагается создание единой транспортно-логистической бизнес-единицы ТЛБ («РЖД Карго»), в которую будут включены активы ДЗО. В качестве координаторов деятельности создаваемой бизнес-единицы могут выступать ЦФТО и другие причастные подразделения ОАО «РЖД».

Создание единой транспортно-логистической бизнес-единицы ТЛБ вместе с тем предусматривает создание самостоятельных дивизионов для управления продуктовыми направлениями логистики для обеспечения клиентоориентированности и улучшения деятельности в целевых сегментах рынка ТЛУ [9–11].

Объединение ДЗО в единой бизнес-единице ТЛБ может привести к повышению операционного взаимодействия внутри ТЛБ, исключению дублирующих функций и снижению внутрихолдинговой конкуренции.

Другими преимуществами данной модели являются:

– более высокие технические возможности удовлетворения потребностей различных клиентов за счет интеграции всех активов и услуг ТЛБ;

– более высокие возможности для оптимизации логистики за счет непосредственного управления большим объемом парка;

– возможность внедрения сквозных процедур согласования заявок на основе системы мгновенного обмена информацией о парке/терминалах/контейнерах/заказах и т.д.;

– возможность обслуживания более крупных заказчиков, в частности, выполнение госзаказа (воинские перевозки, социальные и пр.);

– возможность агрегирования данных на всех этапах операционного процесса и разделения всего ТЛБ по функциональным и географическим блокам [12].

Недостатками данной модели являются:

– более высокая бюрократизация управления, увеличение количества отчетов и согласований, увеличение сроков согласования заявок и, как следствие, снижение клиентского потока в массовых сегментах;

– снижение эффективности ввиду сложностей стимулирования эффективной деятельности менее свободных в части достижения прибыли ДЗО;

– трансформация конкуренции под влиянием нерыночных факторов – требует более сложной, дорогостоящей и требующей длительного периода внедрения корпоративной культуры.

В конечном итоге, данный сценарий приведет к умеренному снижению выручки ДЗО, а также к росту управленческих расходов (таблица 2) [8].

Таблица 2.

Финансовые показатели ДЗО при сценарии единого управления

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
АО «ФГК»					
Выручка	млрд руб.	124,7	170,6	285,8	393,8
EBITDA	млрд руб.	67,8	115,3	191,8	242,0
Чистая прибыль	млрд руб.	29,4	52,1	69,3	130,0
Рентабельность по EBITDA	%	54,39%	67,62%	67,09%	61,44%
Рентабельность по чистой прибыли	%	23,60%	30,56%	24,25%	33,02%

Продолжение таблицы 2 на следующей странице

Продолжение таблицы 2

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
АО «ОТЛК ЕРА»					
Выручка	млрд руб.	62,7	66,1	79,4	108,6
EBITDA	млрд руб.	4,1	3,7	4,3	5,4
Чистая прибыль	млрд руб.	2,8	2,7	3,1	4,0
Рентабельность по EBITDA	%	6,55%	5,59%	5,43%	4,98%
Рентабельность по чистой прибыли	%	4,43%	4,02%	3,97%	3,70%
АО «РЖД Логистика»					
Выручка	млрд руб.	39,3	44,5	54,6	72,9
EBITDA	млрд руб.	0,6	1,2	1,6	2,7
Чистая прибыль	млрд руб.	0,0	0,6	1,1	2,0
Рентабельность по EBITDA	%	1,62%	2,61%	2,93%	3,71%
Рентабельность по чистой прибыли	%	0,09%	1,27%	1,99%	2,75%
АО «РЖД Бизнес Актив»					
Выручка	млрд руб.	33,4	50,1	78,0	139,6
EBITDA	млрд руб.	7,3	10,6	16,6	29,0
Чистая прибыль	млрд руб.	1,3	2,6	3,8	12,6
Рентабельность по EBITDA	%	21,79%	21,19%	21,31%	20,81%
Рентабельность по чистой прибыли	%	3,84%	5,10%	4,87%	9,06%
ТЛЦ «Белый Раст»					
Выручка	млрд руб.	4,2	5,8	8,6	11,8
EBITDA	млрд руб.	1,9	2,52	3,74	5,13
Чистая прибыль	млрд руб.	0,7	1,02	1,67	2,80
Рентабельность по EBITDA	%	45,42%	43,50%	43,50%	43,50%
Рентабельность по чистой прибыли	%	17,60%	17,55%	19,38%	23,76%

Адаптационная модель развития соответствует существующей структуре управления ТЛБ. ДЗО продолжают вести эффективную коммерческую деятельность как отдельные бизнес-единицы.

Координация ЦФТО функционалом деятельности ТЛБ, обеспечит со-

хранение устойчивости и увеличение эффективности ТЛБ в условиях конъюнктурных и геополитических изменений, волатильности рынка ТЛУ и сферы мультимодальных перевозок, новых условий внешнеэкономической деятельности [13–15].

Данный сценарий также будет способствовать возникновению дополнительных положительных эффектов:

– коммерческая свобода предприятий при самостоятельном управлении активами с ожидаемым эффектом в виде снижения волатильности (глубины спада перевозок) ДЗО при снижении объема перевозок на сети в приоритетной сфере за счет диверсификации;

– сохранение существующей структуры управления, что приведет к неизменности общих управленческих расходов при реализации ключевых мероприятий и инициатив ТЛБ;

– интеграция отдельных функций ДЗО в единые сквозные транспортно-логистические услуги при усилении координирующей функции ЦФТО. В данном случае ожидается увеличение внутрихолдинговых продаж, увеличение объема продаж в сегментах контейнерных перевозок, терминальных услуг, увеличение объемов реализации сквозных ТЛУ;

– обеспечение социально значимых функций в сочетании с бизнес-ориентированной моделью при сохранении основных элементов финансово-экономических показателей в системе КПЭ. В результате будет обеспечено выполнение государственного и социального заказа, повышение объема и рентабельности социально значимых перевозок при сохранении рентабельности и объема продаж в иных сегментах, наращивание продаж ЦМ в сегменте МСП, наращивание перевозок в рамках МТК «Север-Юг».

Финансовые показатели ДЗО в данном сценарии представлены в таблице 3 [8, 16].

Таблица 3.

Финансовые показатели ДЗО при сценарии адаптационной устойчивости

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
АО «ФГК»					
Выручка	млрд руб.	126,6	173,2	290,2	399,8
EBITDA	млрд руб.	69,7	117,9	196,1	248,0
Чистая прибыль	млрд руб.	30,8	54,2	72,8	134,9
Рентабельность по EBITDA	%	55,10%	68,12%	67,59%	62,03%
Рентабельность по чистой прибыли	%	24,36%	31,31%	25,10%	33,73%

Продолжение таблицы 3 на следующей странице

Продолжение таблицы 3

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
АО «ОТЛК ЕРА»					
Выручка	млрд руб.	63,7	67,1	80,6	110,2
EBITDA	млрд руб.	4,5	4,1	4,8	6,1
Чистая прибыль	млрд руб.	3,1	3,0	3,5	4,6
Рентабельность по EBITDA	%	7,08%	6,13%	5,97%	5,52%
Рентабельность по чистой прибыли	%	4,91%	4,45%	4,40%	4,15%
АО «РЖД Логистика»					
Выручка	млрд руб.	39,9	45,2	55,4	74,0
EBITDA	млрд руб.	0,9	1,5	2,0	3,2
Чистая прибыль	млрд руб.	0,3	0,8	1,4	2,4
Рентабельность по EBITDA	%	2,30%	3,27%	3,58%	4,35%
Рентабельность по чистой прибыли	%	0,65%	1,81%	2,52%	3,27%
АО «РЖД Бизнес Актив»					
Выручка	млрд руб.	33,9	50,9	79,1	141,7
EBITDA	млрд руб.	7,5	11,0	17,2	30,0
Чистая прибыль	млрд руб.	1,5	2,8	4,2	13,5
Рентабельность по EBITDA	%	22,18%	21,37%	21,52%	21,21%
Рентабельность по чистой прибыли	%	4,36%	5,60%	5,32%	5,32%
ТЛЦ «Белый Раст»					
Выручка	млрд руб.	4,2	5,9	8,7	11,7
EBITDA	млрд руб.	1,9	2,6	3,7	5,1
Чистая прибыль	млрд руб.	0,7	1,0	1,7	2,8
Рентабельность по EBITDA	%	45,80%	44,35%	42,82%	44,05%
Рентабельность по чистой прибыли	%	17,45%	17,23%	19,08%	24,06%

Результаты исследования

С учетом финансовых показателей (таблица 4) наиболее релевантной для сбалансирования развития всего ТЛБ является адаптационная модель, которая позволяет увеличить синергетические эффекты между ДЗО и повысить эффективность деятельности ТЛБ холдинга «РЖД».

В рамках сценария выхода из бизнеса ожидается снижение годовой выручки транспортно-логистического блока к 2036 году на 1,1 млрд руб. относительно показателя сценария адаптационной устойчивости, а снижение чистой прибыли составит 2 млрд руб.

При сценарии единого управления падение годовой выручки в 2036 году относительно адаптационного сценария составит 8,8 млрд руб., а чистой прибыли – 6,2 млрд руб. [8, 17].

Таблица 4.

Совокупные финансовые показатели ЦМ и ДЗО ОАО «РЖД» в разрезе вариантов модели управления ДЗО

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
Выход из видов бизнеса					
Выручка ТЛБ	млрд руб.	201,8	274,5	433,8	637,3
EBITDA ТЛБ	млрд руб.	86,2	139,2	226,4	301,2
Чистая прибыль ТЛБ	млрд руб.	35,9	62,1	84,5	163,6
Объем инвестиций ТЛБ	млрд руб.	75,6	427,0	949,0	1 717,3
Рентабельность по EBITDA	%	42,70%	50,70%	52,18%	47,26%
Рентабельность по ЧП	%	17,79%	22,63%	19,48%	25,66%
Чистый долг / EBITDA	коэффициент	0,68x	1,61x	1,46x	0,54x
ROE	%	14,79%	19,50%	16,53%	16,44%
ROIC	%	11,86%	11,42%	9,92%	12,86%
Единое управление					
Выручка ТЛБ	млрд руб.	208,0	276,7	430,9	629,7
EBITDA ТЛБ	млрд руб.	82,4	135,0	220,1	292,0
Чистая прибыль ТЛБ	млрд руб.	36,2	61,4	82,0	159,3

Продолжение таблицы 4 на следующей странице

Продолжение таблицы 4

Показатель	Ед. изм.	2024	2026	2030	2036
Объем инвестиций ТЛБ	млрд руб.	76,7	433,2	964,3	1 744,4
Рентабельность по EBITDA	%	39,63%	48,78%	51,08%	46,36%
Рентабельность по ЧП	%	17,41%	22,20%	19,03%	25,30%
Чистый долг / EBITDA	коэффициент	0,77x	1,75x	1,63x	0,76x
ROE	%	15,08%	19,56%	16,44%	16,52%
ROIC	%	12,07%	11,40%	9,78%	12,84%
Адаптационная устойчивость					
Выручка ТЛБ	млрд руб.	210,9	280,7	437,2	638,5
EBITDA ТЛБ	млрд руб.	84,9	138,4	225,4	299,5
Чистая прибыль ТЛБ	млрд руб.	38,2	64,2	86,4	165,5
Объем инвестиций ТЛБ	млрд руб.	75,6	427,0	949,0	1 717,3
Рентабельность по EBITDA	%	40,25%	49,30%	51,56%	46,91%
Рентабельность по ЧП	%	18,09%	22,86%	19,76%	25,93%
Чистый долг / EBITDA	коэффициент	0,68x	1,61x	1,44x	0,51x
ROE	%	15,68%	19,98%	16,71%	16,46%
ROIC	%	12,58%	11,76%	10,09%	12,93%

Заключение

Таким образом, наиболее перспективным стратегическим направлением развития с точки зрения вызовов, стоящих перед холдингом «РЖД», целей и задач, а также с учетом рыночных тенденций и финансово-экономических показателей, является модель адаптационной устойчивости при соблюдении баланса между бизнес-ориентированной и социально ориентированной моделью стратегической направленности и развитие портфеля активов с расширением в перспективных сегментах.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» // https://base.garant.ru/71937200/ (дата обращения: 28.03.2025).

2. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // https://base.garant.ru/74404210/ (дата обращения: 28.03.2025).

3. О стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.06.2008 г. № 877-р. // http://government.ru/docs/all/64817/ (дата обращения: 28.03.2025).

4. Об утверждении концепции клиентоориентированности холдинга «РЖД» в области грузовых перевозок: распоряжение ОАО «РЖД» от 07.12.2016 г. № 2487р.

5. Российские железные дороги // ОАО «РЖД» // http://www.rzd.ru (дата обращения: 28.03.2025).

6. Перфильева П. В., Кашкарев А. С., Власова Н. В. Инновационные подходы к совершенствованию качества предоставления услуг клиентам железнодорожного транспорта / В сборнике: Современные инновации в науке и технике. Сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-технической конференции с международным участием. Отв. редактор М.С. Разумов. Курск, 2022. С. 193–196.

7. Власова Н. В., Оленцевич В. А. Декомпозиция основных бизнес-процессов и зоны формирования рисков железнодорожной транспортной системы в сфере грузовых перевозок // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2022. № 4 (63). С. 44–52.

8. Фактические и прогнозные значения АО «ФГК» // https://railfgk.ru/mediacenter/godovoy_otchet/2023/download/GO_FGK_2023.pdf (дата обращения: 28.03.2025).

9. Транспорт // Федеральная служба государственной статистики // http://rosstat.gov.ru/statistics/transport (дата обращения 28.03.2025).

10. Оленцевич В. А., Власова Н. В. Оценка удовлетворенности качеством услуг грузовых железнодорожных перевозок // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2021. № 8. С. 187–188.

11. Технология приема порожних и груженых вагонов к перевозке в цифровом формате «Цифровой приемосдатчик» // https://ppt-online.org/958073. (дата обращения: 17.02.2024).

12. Власова Н. В., Миловидов А. А., Григоренко А. Г. Перспективные транспортно-логистические проекты РФ Культура. Наука. Образование. 2024. № 1 (70). С. 105–113.

13. Власова Н. В. Современные сервисы и услуги, предоставляемые клиентам железнодорожного транспорта в новых экономических условиях / В сборнике: Автомобилестроение: проектирование, конструирование, расчет и технологии ремонта и производства. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск. 2024. С. 108–113.

14. Власова Н. В., Оленцевич В. А. Совершенствование процессов транспортно-логистического бизнес-блока по реализации проекта предоставления комплекса услуг / В сборнике: Образование – Наука – Производство. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). В 2-х томах. Чита. 2022. С. 262–270.

15. Царегородцева Е. Ю. Новые направления в развитии логистической деятельности в современных условиях // Экономика железных дорог. 2024. № 4. С. 29–37.

16. Шпак А. С. Оценка конкурентной позиции транспортно-логистической компании на рынке транспортно-экспедиторских услуг // Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: монография. Чебоксары. 2024. С. 67–81.

17. Иванкова Л. Н., Иванков А. Н., Волкова С. Г. Формирование опорной сети транспортно-логистических комплексов / В сборнике: Инновационные технологии на железнодорожном транспорте. Сборник трудов научно-практической конференции с международным участием. Москва. 2022. С. 177–183.

VLASOVA Nataliya V. – Ph.D. in Engineering Science, Associate Professor of Irkutsk State Transport University, Russia, Irkutsk, email: natalya.vlasova.76@list.ru.

OLENCEVICH Viktoriya A. – Ph.D. in Engineering Science, Associate Professor of Irkutsk State University of Railway Engineering, Russia, Irkutsk, email: olencevich_va@mail.ru.

Keywords: Scenarios for the development of transport and logistics business, quality of service provision, customer focus, financial indicators, business units, strategic development.

DEVELOPMENT DIRECTIONS OF THE TRANSPORT AND LOGISTICS BUSINESS OF THE RUSSIAN RAILWAYS HOLDING AND KEY INITIATIVES OF STRATEGIC DEVELOPMENT

Annotation

Open Joint Stock Company Russian Railways and its subsidiaries (hereinafter referred to as the Russian Railways holding) is the largest employer in the Russian Federation, a systemically important element of the Russian economy, a key link in the country's transport system, and an integral part of the Eurasian railway network. The Russian Railways holding strives to maintain its leading position in the global market of transport services and railway technologies. The purpose of the presented scientific research is to define the basic principles and rules regarding responsible business management aimed at creating value for the Russian Railways holding company by achieving a balance between economic benefits and positive environmental and social impact. The effective functioning of the railway transport of the Russian Federation plays an exceptional role in creating conditions for modernization, the transition to an innovative path of development and sustainable growth of the national economy, and contributes to the creation of conditions for ensuring Russia's leadership in the global economic system.

In order to reduce transportation costs during transportation and increase competitiveness in the transport market, the authors propose to consider scenarios for the development of the transport and logistics business with the existing forks in the development strategy.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2030” // https://base.garant.ru/71937200/ (accessed: 28.03.2025).

2. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 “On the national goals of the development of the Russian Federation for the period up to 2030” // https://base.garant.ru/74404210/ (accessed: 28.03.2025).

3. On the strategy for the development of railway transport in the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated 17.06.2008 No. 877-r. // http://government.ru/docs/all/64817/ (accessed: 28.03.2025).

4. On approval of the concept of customer focus of the Russian Railways holding in the field of freight transportation: Order of JSC Russian Railways dated 07.12.2016 No. 2487r.

5. Russian Railways // JSC Russian Railways // http://www.rzd.ru (accessed: 28.03.2025).

6. Perfil’eva P. V., Kashkarev A. S., Vlasova N. V. Innovative approaches to improving the quality of services provided to railway transport customers / In the collection: Modern innovations in science and technology. Collection of scientific articles of the 12th All-Russian scientific and technical conference with international participation. Responsible. editor M. S. Razumov. Kursk. 2022. P. 193–196.

7. Vlasova N.V., Olentsevich V.A. Decomposition of the main business processes and risk formation zones of the railway transport system in the field of freight transportation // Bulletin of the Siberian State Transport University. 2022. No. 4 (63). P. 44–52.

8. Actual and forecast values of JSC FGC // https://railfgk.ru/mediacenter/godovoy_otchet/2023/download/GO_FGK_2023.pdf (accessed: 28.03.2025).

9. Transport // Federal State Statistics Service: website. URL: http://rosstat.gov.ru/statistics/transport (accessed: 28.03.2025).

10. Olentsevich V. A., Vlasova N. V. Assessment of satisfaction with the quality of freight rail transportation services / Modern technologies and scientific and technical progress. 2021. No. 8. P. 187–188.

11. Technology of acceptance of empty and loaded wagons for transportation in digital format “Digital acceptance and delivery” // https://ppt-online.org/958073. (accessed: 17.02.2024).

12. Vlasova N. V., Milovidov A. A., Grigorenko A. G. Promising transport and logistics projects of the Russian Federation Culture. Science. Education. 2024. No. 1 (70). P. 105–113.

13. Vlasova N. V. Modern services and services provided to customers of railway transport in new economic conditions // In the collection: Automotive industry: design, construction, calculation and technologies of repair and production. Proceedings of the VIII All-Russian scientific and practical conference. Izhevsk, 2024. P. 108–113.

14. Vlasova N. V., Olentsevich V. A. Improving the processes of the transport and logistics business block for the implementation of the project for the provision of a range of services / In the collection: Education – Science – Production. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference (with international participation). In 2 volumes. Chita. 2022. P. 262–270.

15. Tsaregorodtseva E. Yu. New directions in the development of logistics activities in modern conditions // Railway Economy. 2024. No. 4. P. 29–37.

16. Shpak A. S. Assessment of the competitive position of a transport and logistics company in the transport and forwarding services market // Law and economic development: topical issues: monograph. Cheboksary. 2024. Pp. 67–81.

17. Ivankova L. N., Ivankov A. N., Volkova S. G. Formation of the backbone network of transport and logistics complexes // In the collection: Innovative technologies in railway transport. Collection of works of the scientific and practical conference with international participation. Moscow. 2022. P. 177–183.

Денис БИКБУЛАТОВ

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ЧАСТЬ II

Аннотация

Национальной стратегической целью любого государства является социально-экономическое развитие. Одним из важнейших направлений социально-экономического развития является повышение уровня жизни. Россия не является исключением. Повышение уровня жизни граждан имеет колоссальный эффект и на остальные отрасли экономики страны, что немаловажно в условиях санкционного давления на Россию. В данной статье исследуется показатель уровня бедности по субъектам Российской Федерации, а также динамика данного показателя.

Уровень жизни является одним из основных ориентиров для оценки экономической безопасности государства. Уровень жизни населения представляет собой индикатор, позволяющий оценить уровень благосостояния населения, проживающего на исследуемой территории [1]. Одним из ключевых показателей, характеризующих уровень жизни населения является уровень бедности, то есть доля населения страны, у которой ежемесячные доходы ниже прожиточного минимума [2]. Тем не менее, общий показатель уровня бедности по стране

БИКБУЛАТОВ Денис Ринатович – аспирант кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, Москва, email: denisibikbulatov@gmail.com, SPIN-код: 8437-1275.

Ключевые слова: экономика, экономическая безопасность, уровень жизни, бедность, дифференциация уровня жизни, социальное неравенство.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_109

нельзя назвать объективным, так как данный показатель сглаживает низкий и высокий уровень бедности между регионами, демонстрируя лишь среднее значение.

Для этого стоит производить региональный анализ уровня бедности для оценки состояния уровня жизни в различных регионах России.

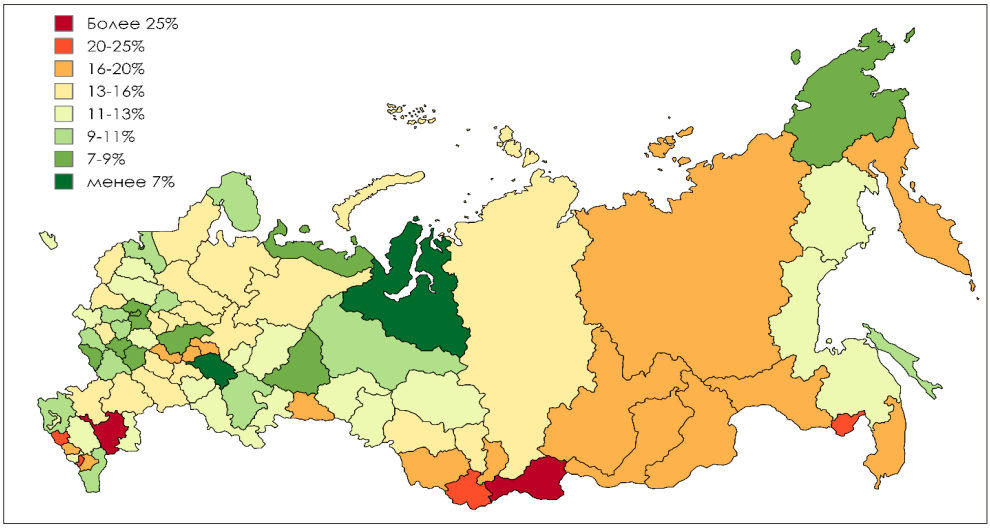


Рис. 1. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2013 г. [3]

Лишь 2 региона имели показатель ниже или равный 7% (Татарстан – 6,8% и Ямало-Ненецкий автономный округ – 6,4%); 10 регионов имели показатель от 7% до 9%; 12 регионов – от 9% до 11%; 19 регионов – от 11% до 13%; 19 регионов – от 13% до 16%; 15 регионов – от 16% до 20%; 4 региона – от 20% до 25%; 2 региона имели показатель более 25% (Республика Тыва – 38% и Республика Калмыкия – 33,4%). В три группировки (9–11%; 11–13%; 13–16%;) по данному показателю входит большинство субъектов России (50 регионов). Иными словами, 50 субъектов РФ имеют показатель уровня бедности от 9% до 16%.

Большинство регионов (7 субъектов) с показателем от 16 до 20% расположены в Дальневосточном федеральном округе. В европейской части России преобладает статистическая группировка (17 субъектов) с показателем от 13 до 16%, средний уровень бедности в европейской части составил 12,96%. В азиатской части России преобладает статистическая группировка (10 субъектов) с показателем от 16 до 20%, тем не менее средний показатель уровня бедности составил 14,86%. По всей России преобладающей яв-

ляется статистическая группировка с показателем уровня бедности от 13 до 16% (в нее входит 21 субъект).

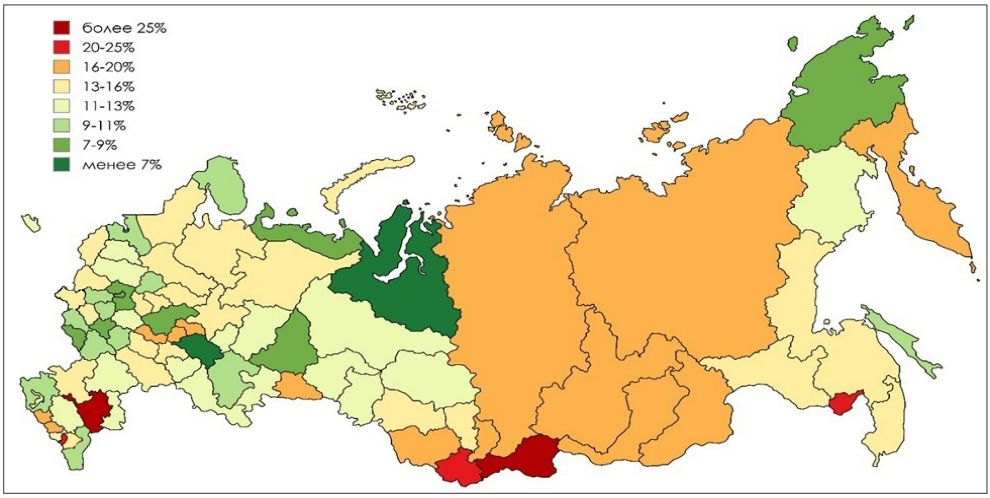


Рис. 2. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2014 г. [3]

В 2014 г. показатель уровня бедности, увеличившийся настолько, что переместил регион в другую статистическую группировку, наблюдался у Ханты-Мансийского автономного округа – с 10,4% в 2013 г. до 11,1% в 2014 г.; у Красноярского края – с 15,6% в 2013 г. до 17% в 2014 г.; у Брянской области – с 12,6% в 2013 г. до 13,2% в 2014 г.; у Тамбовской области – с 8,2% в 2013 г. до 9,6% в 2014 г. и у Хабаровского края – с 12,5% в 2013 г. до 13,4% в 2014 г..

Приморский край попал в иную статистическую группировку, благодаря уменьшению уровня бедности с 16,3% в 2013 г. до 15,2% в 2014 г. Аналогичная ситуация замечена у следующих субъектов: в Амурской области уровень бедности уменьшился с 16,2% в 2013 г. до 14,8% в 2014 г.; в Карачаево-Черкесской Республике – с 20,3% в 2013 г. до 19,2% в 2014 г.; в Нижегородской области – с 9% в 2013 г. до 8,8% в 2014 г.; в Чеченской Республике – с 17,8% в 2013 г. до 14,2% в 2014 г.; в Ульяновской области – с 13,8% в 2013 г. до 12,7% в 2014 г..

В европейской части России 18 субъектов входили в статистическую группировку с показателем от 13 до 16%, среди которых средний уровень бедности составил 12,88%. В азиатской части 9 субъектов находятся в статистической группе от 16 до 20%: средний показатель уровня бедности в азиатской части России составил 15,25%. По всей России преобладающей статистической группировкой также является группировка с показателем уровня бедности от 13 до 16% (24 субъекта).

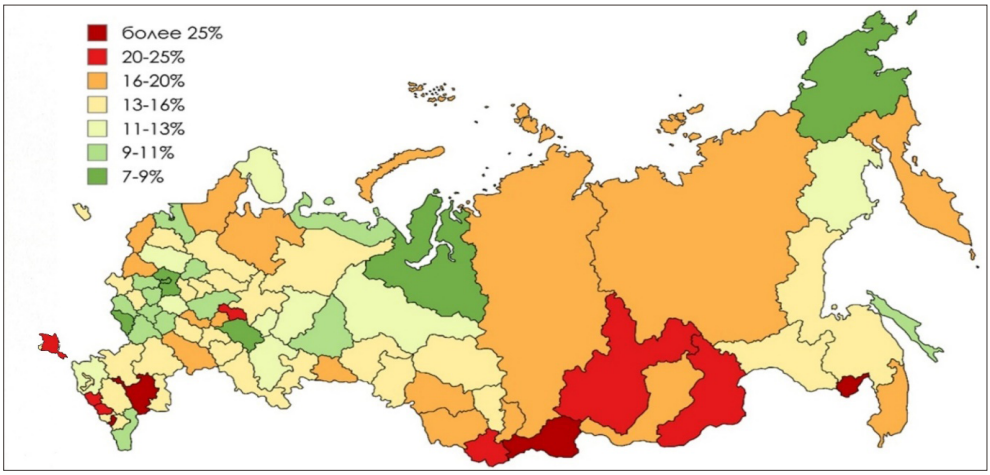


Рис. 3. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2015 г. [3]

В 2015 г. появилась статистика уровня бедности по двум новым субъектам: Республике Крым и городу федерального значения Севастополю. Республика Крым имела показатель в диапазоне от 20 до 25%, а г. Севастополь – от 13 до 16%.

В 2015 г. уровень бедности в целом по России увеличился, аналогичная тенденция наблюдается в регионах. Только у 2 субъектов РФ уровень бедности снизился: у Республики Калмыкии с 31,8% в 2014 г. до 29,5% в 2015 г. и у г. Севастополь – с 8,7% в 2014 г. до 8,5% в 2015 г. У остальных субъектов России наблюдается рост уровня бедности, с наибольшим ростом у Республики Ингушетия: с 23,9% в 2014 г. до 29,9% в 2015 г. Из-за роста показателя Республика Ингушетия была причислена в статистическую группировку с показателем выше 25%. Также в данную группировку была причислена Еврейская автономная область: показатель увеличился с 21,4% в 2014 г. до 25,1% в 2015 г.

В статистическую группировку от 20 до 25% в 2015 г. попали такие регионы, как Карачаево-Черкесская Республика (показатель увеличился с 19,2% в 2014 г. до 22,8% в 2015 г.), Кабардино-Балкарская Республика (показатель увеличился с 18,7% в 2014 г. до 21,1% в 2015 г.), Забайкальский край (показатель увеличился с 18,8% в 2014 г. до 21,3% в 2015 г.), Республика Марий Эл (показатель увеличился с 19,5% в 2014 г. до 21,3% в 2015 г.) и Иркутская область (показатель увеличился с 18,8% в 2014 г. до 20,7% в 2015 г.). Псковская область была причислена к статистической группировке с показателем от 16 до 20% в связи с ростом показателя от 15,8% в 2014 г. до 19% в 2015 г. Аналогичная ситуация у Новосибирской области в связи с ростом показателя от 14,9% в 2014 г. до 17,3% в

2015 г.; у Республики Карелия в связи с ростом показателя от 14,1% в 2014 г. до 16,2% в 2015 г.; у Смоленской области в связи с ростом показателя от 15,7% в 2014 г. до 17,6% в 2015 г. и т. д. Самой наибольшей статистической группировкой являлась группировка с показателем от 13 до 16%, в нее вошли 30 субъектов, после нее идет группировка с показателем от 16 до 20% (18 субъектов). В европейской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (22 региона), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 14,42%. В азиатской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 16 до 20% (9 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам азиатской части 16,78%. В 2015 г. исчезла статистическая группировка регионов с показателем менее 7%.

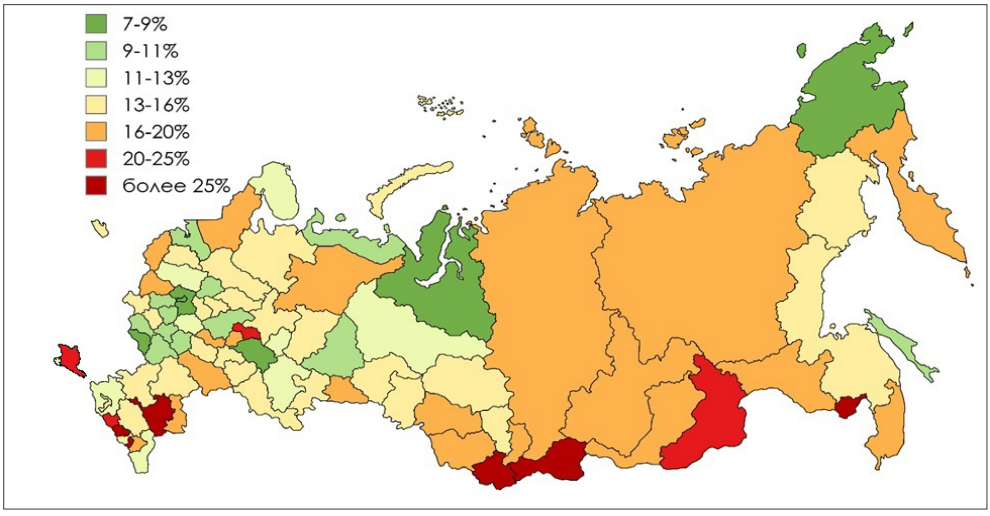


Рис. 4. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2016 г. [3]

В 2016 г. наблюдается уменьшение показателя уровня бедности в целом по России на 0,2 процентных пункта. Более всего показатель уровня бедности уменьшился в г. Севастополь с 15,1% в 2015 г. до 11,7% в 2016 г., что позволило данному региону войти в статистическую группировку регионов с показателем от 9 до 11%. Также показатель уменьшился у Республики Калмыкия с 29,5% до 26,7%, тем не менее данный субъект остается в прежней статистической группировке. У 5 субъектов показатель уменьшился на чуть более чем 1 процентный пункт, а у 33 субъектов менее чем на 1 процентный. У 42 регионов показатель уровня бедности увеличился, у 35 из них ме-

нее чем на 1 процентный пункт, у 7 – более 1 процентного пункта. Наибольший прирост показателя имели Кабардино-Балкарская Республика (с 21,1% до 25,8%), что переместило данный субъект в статистическую группировку регионов с показателем более 25%, и Пермский край (с 12,8% до 15,3%) что переместило данный субъект в статистическую группировку регионов с показателем от 13 до 16%. Наибольшей статистической группировкой регионов является группировка с показателем от 13 до 16%, однако в нее входит 28 субъектов. В европейской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (21 регион), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 14,44%. В азиатской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 16 до 20% (10 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам азиатской части 16,99%.

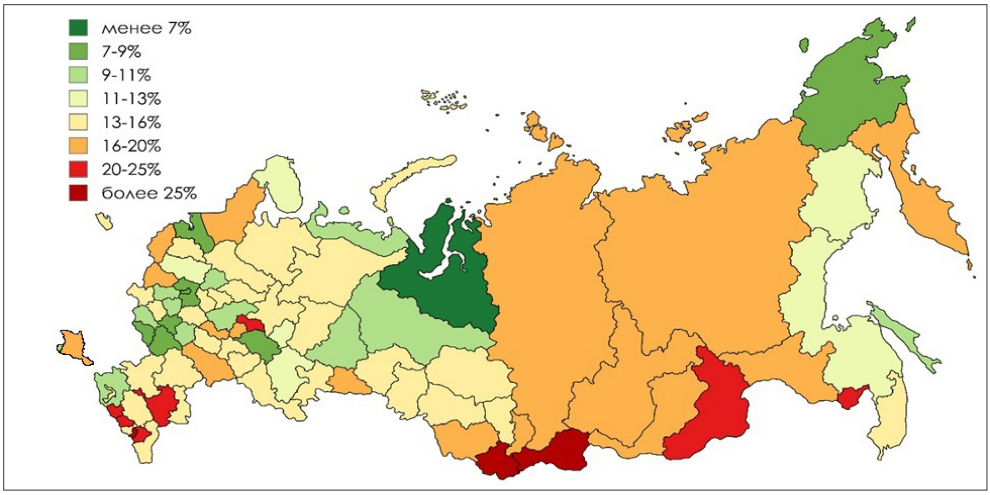


Рис. 5. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2017 г. [3]

В 2017 г. наибольшее уменьшение показателя уровня бедности наблюдается в Республике Крым с 23,3% в 2016 г. до 19,4% в 2017 г., что позволило данному субъекту перейти в другую статистическую группировку регионов с показателем от 16 до 20%. Помимо этого, значительное уменьшение показателя наблюдается в Республике Калмыкия с 26,7% до 24,3%, что также позволило данному региону перейти в другую статистическую группировку регионов с показателем от 20 до 25%. У 74 регионов показатель уровня бедности уменьшился, у 5 из них показатель уменьшился на 2 процентных пункта и более, у 11 регионов показатель уменьшился от 1 п. п. до 2 п. п., у 18 – от 0,5 п. п. до

1 п. п. У 40 регионов показатель уменьшился на менее чем 0,5 п. п., и лишь у Курганской области показатель в сравнении с предыдущим годом не изменился вовсе. Наибольший рост показателя наблюдался в Чеченской Республике с 17,3% в 2016 г. до 20,7% в 2017 г., что переместило данный регион в статистическую группу регионов с показателем от 20% до 25%, а также в Республике Дагестан с 13% до 14,5%. У 10 субъектов показатель уровня бедности вырос, у 2 из них показатель увеличился на более чем 1,5 п. п., у 8 из них показатель увеличился на 0,5 п. п. и менее. В европейской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (24 региона), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 14,04%. В азиатской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 16 до 20% (9 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам азиатской части 16,21%. Также большинство субъектов (30 регионов) в 2017 г. входили в статистическую группировку регионов с показателем уровня бедности от 13 до 16%. 14 регионов входили в статистическую группу с показателем от 9 до 11% и 16 субъектов в группировку с показателем от 16 до 20%. Стоит отметить, что в 2017 г. вновь появляется статистическая группировка с показателем уровня бедности менее 7%, но в данную группировку входит лишь один субъект – Ямало-Ненецкий автономный округ с показателем 6,1% в 2017 г. (в 2016 г. показатель составлял 7,1%).

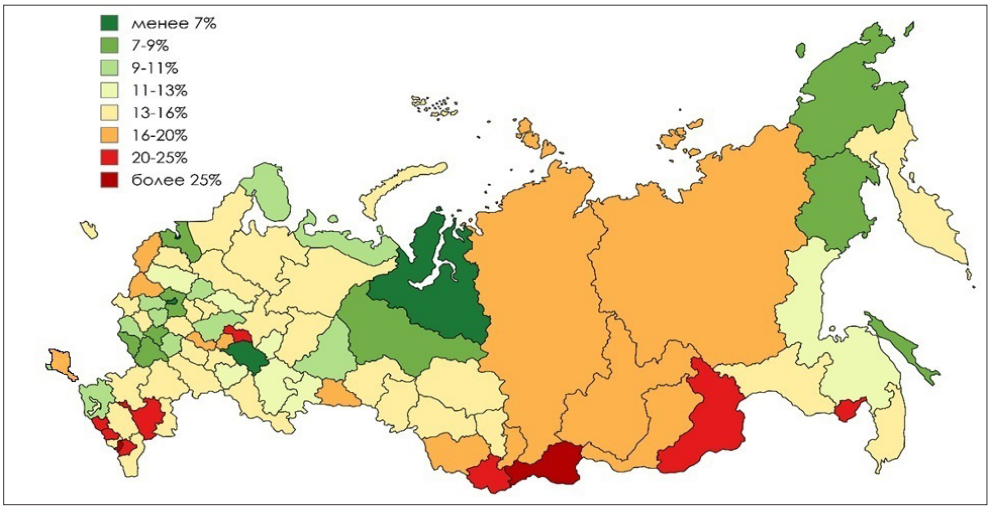


Рис. 6. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2018 г. [3]

В 2018 г. наибольшее снижение уровня бедности наблюдалось в Республике Крым с 19,4% в 2017 г. до 17,3% в 2018 г., тем не менее дан-

ный субъект остался в той же статистической группировке регионов. Также значительное уменьшение показателя наблюдалось в Магаданской области с 11,1% до 9,5%, что позволило данному региону перейти в статистическую группировку с показателем от 9 до 11%. У 76 субъектов показатель уровня бедности уменьшился, у 2 субъектов показатель уменьшился более чем на 1,5 процентного пункта, у 6 регионов показатель уменьшился в переделах от 1 до 1,5 п. п., у 5 из них – от 1 до 1,5 п. п., у 23 из них – от 0,5 до 1 п. п., у 40 регионов – менее 0,5 п. п. Только у Удмуртской области показатель за год вовсе не изменился. Наибольший прирост показателя наблюдался у Республики Ингушетии с 29,6% в 2017 г. до 30,4% в 2018 г. У 8 субъектов показатель вырос: у 1 субъекта показатель вырос более чем на 0,5 процентных пункта, у 7 – менее чем на 0,5 п. п. Наибольшее количество субъектов (30 субъектов) вошло в статистическую группировку регионов с показателем от 13 до 16%. 13 субъектов вошли в статистическую группировку регионов с показателем от 9 до 11%, 12 субъектов – от 16 до 20%. В европейской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (23 региона), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 13,61%. В азиатской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (7 субъектов) и 16 до 20% (7 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам азиатской части 15,6%. Стоит отметить, что в статистическую группировку с показателем менее 7% вошли 4 региона: Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Москва, г. Санкт-Петербург и Республика Татарстан.

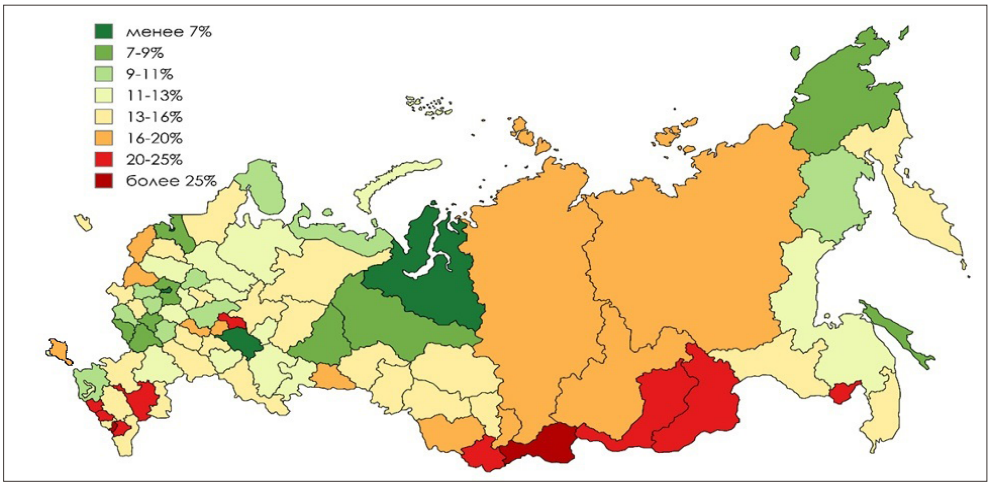


Рис. 7. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2019 г. [3]

Наибольшее уменьшение показателя уровня бедности наблюдалось в Пермском крае, где показатель уменьшился от 14,9% в 2018 г. до 13,8% в 2019 г. У 27 субъектов наблюдалось снижение показателя: у 1 субъекта (Пермского края) показатель уменьшился на более чем 1 процентный пункт, у 6 субъектов от 0,5 до 1 п. п., у 30 субъектов – менее чем 0,5 п. п. У 9 регионов показатель за год вовсе не претерпел изменений. Наибольший рост показателя уровня бедности наблюдался в Республике Бурятия: показатель вырос с 19,1% до 20,1%. Данный субъект в 2019 г. был отнесен к статистической группировке субъектов с показателем от 20 до 25%. У 39 субъектов показатель уровня бедности вырос: у 1 региона (Республика Бурятия) показатель возрос более чем 1 п. п., у 4 из них показатель вырос в интервале от 0,5 до 1 п. п., у 34 субъектов – менее 0,5 п. п. В европейской части России также преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (19 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 13,6%. В азиатской части России преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (7 субъектов) и группировка с показателем от 16 до 20% (6 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам азиатской части 15,54%. Стоит отметить, что наибольшее количество субъектов России входят в статистическую группировку регионов с показателем от 13 до 16% – 26 регионов, далее группировка регионов с показателем от 11 до 13 % – 14 регионов, а также группировки с показателем от 16 до 20% и от 9 до 11% – 11 и 10 регионов соответственно.

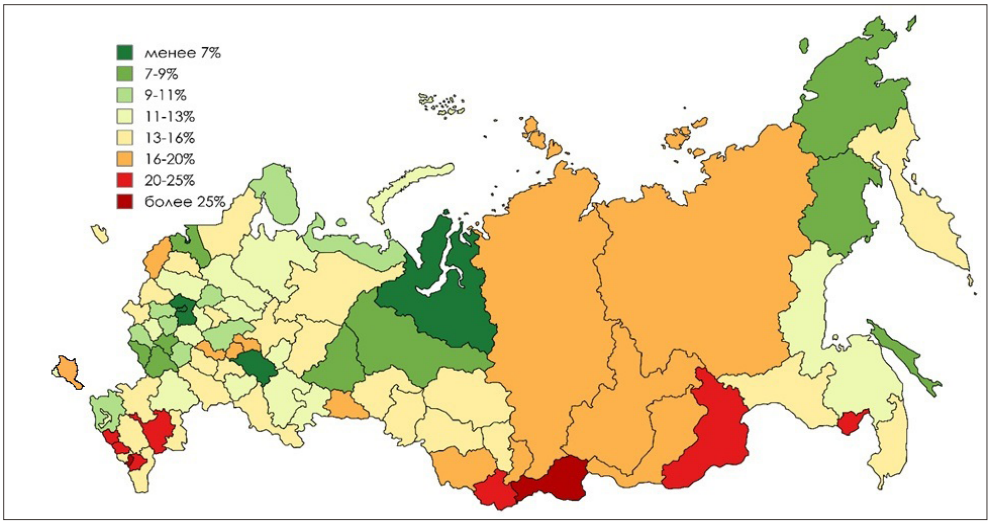


Рис. 8. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2020 г. [3]

Наибольшее уменьшение показателя уровня бедности наблюдается в Республике Тыва с 34,1% в 2019 г. до 31,7% в 2020 г., тем не менее субъект остался в той же статистической группировке регионов с показателем более 25%. Также у Волгоградской области наблюдалось значительное сокращение показателя с 12,9% до 11,9%. У 73 субъектов показатель сократился: у 1 субъекта (Республики Тыва) более чем на 2 процентных пункта, у 1 субъекта более чем на 1 п. п. (Волгоградская область), у 16 регионов показатель уменьшился в интервале от 0,5 до 1 п. п., у 55 субъектов показатель сократился менее чем на 0,5 п. п. У 7 субъектов показатель не изменился вовсе. Наибольший рост показателя уровня бедности наблюдался в Республике Дагестан с 14,6% до 14,8%. Рост показателя наблюдался у 6 субъектов, рост составил менее 0,2 п. п. В европейской части России также преобладает статистическая группировка с показателем от 13 до 16% (18 субъектов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 13,28%. В азиатской части России преобладает 2 статистические группировки с показателями от 16 до 20% и 13 до 16% – по 7 субъектов в обоих группировках, со средним показателем уровня бедности по всем регионам азиатской части 15,1%. Наибольшее количество субъектов вошло в группировку регионов с показателем от 13 до 16% (25 субъектов), далее группировка – от 11 до 13% (16 субъектов). Стоит отметить, что в группировку регионов с показателем менее 7% вошла Московская область.

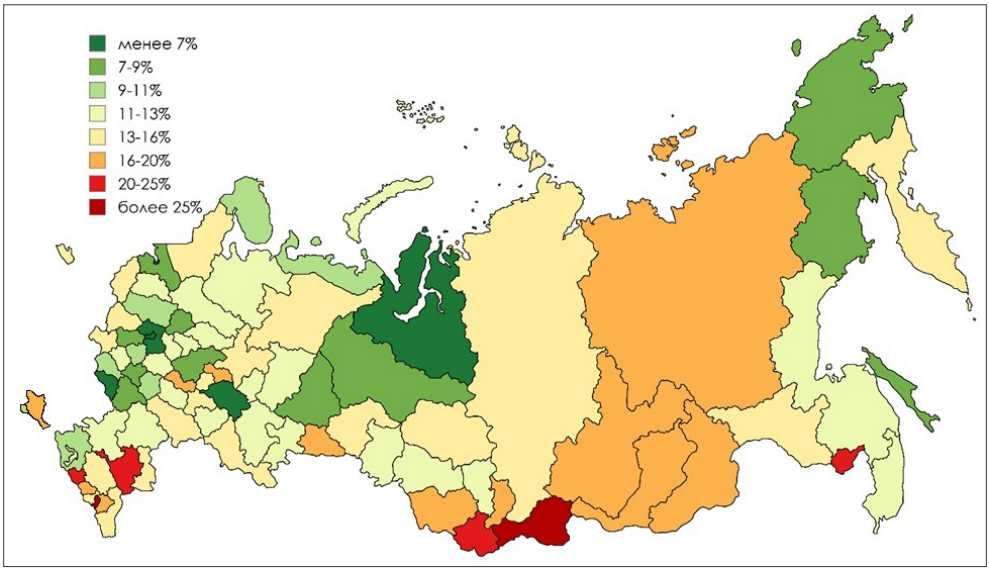


Рис. 9. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2021 г. [3]

В целом по России наблюдалось серьезное сокращение показателя уровня бедности с 12,1% в 2020 г. до 11% в 2021 г. Наибольшее сокращение показателя наблюдалось в Кабардино-Балкарской Республике с 24,2% в 2020 г. до 18,1% в 2021 г., что позволило данному региону перейти в статистическую группировку с показателем от 16 до 20%; в Республике Тыва с 31,7% до 28,2%, тем не менее данный субъект остался в прежней статистической группировке регионов с показателем более 25%. У 83 субъектов наблюдается сокращение показателя уровня бедности: у 5 субъектов показатель сократился более чем на 1,5 процентных пункта, у 9 субъектов показатель сократился в интервале от 1 до 1,5 п. п., у 44 субъектов – в интервале от 0,5 до 1 п. п., у 25 субъектов – менее чем на 0,5 п. п. У 2 регионов (Республики Коми и Хабаровского края) показатель вовсе не изменился. В европейской части России также преобладает статистическая группировка с показателем от 11 до 13% (16 регионов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 12,52%. В азиатской части России преобладает 2 статистические группировки с показателями также от 11 до 13% (7 регионов), тем не менее средний показатель уровня бедности по всем регионам азиатской части составил 14,25%. Также наибольшей по количеству статистической группировкой регионов являлась группировка с показателем от 11 до 13% – 23 региона, далее группировка с показателем от 13 до 16% – 19 субъектов. Стоит отметить, что в группировку с показателем менее 7% вошла Белгородская область.

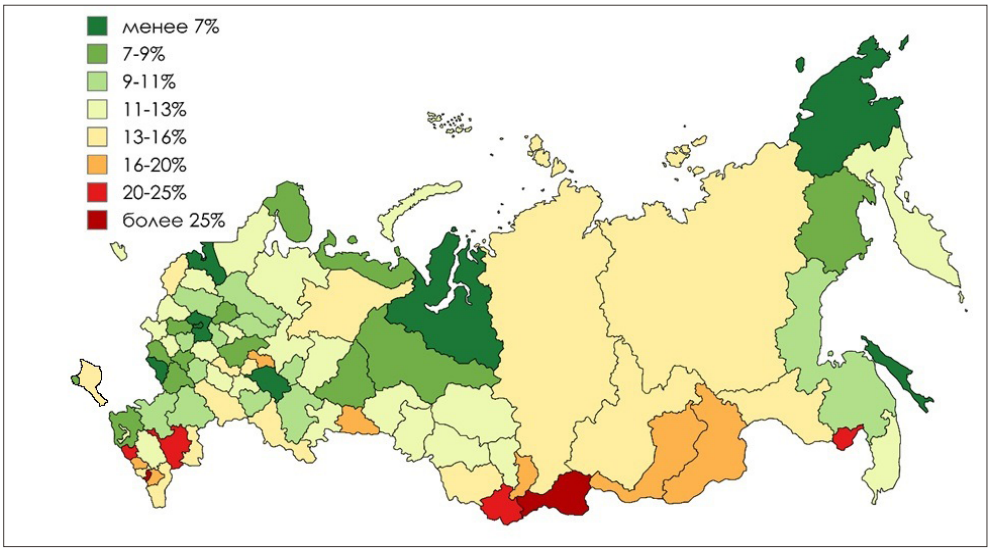


Рис. 10. Уровень бедности по субъектам Российской Федерации в 2022 г. [3]

Наибольшее сокращение показателя уровня бедности наблюдалось в двух субъектах: в Еврейской автономной области с 22,4% в 2021 г. до 20% в 2022 г. и в Республике Алтай также с 22,4 до 20%, что позволило данным субъектам перейти в статистическую группировку регионов с показателем от 16 до 20%, так как данные регионы достигли крайней границы показателя данной группировки. У 81 субъекта показатель за 2022 г. претерпел сокращение: у 2 субъектов (Еврейская автономная область и Республика Алтай) показатель сократился более чем на 2 процентных пункта, у 18 субъектов показатель сократился в интервале от 1,5 до 2 п. п., у 22 субъектов – от 1 до 1,5 п. п., у 28 субъектов – от 0,5 до 1 п. п., у 11 субъектов менее чем на 0,5 п. п. Показатель уровня бедности Тамбовской области за 2022 г. не изменился вовсе. Наибольший рост показателя наблюдался в Республике Ингушетия с 29,3% до 30,5%. У 3 субъектов наблюдался рост показателя: у 1 субъекта (Республики Ингушетия) показатель вырос более чем на 1 п. п., у 2 субъектов показатель увеличился на 0,1 п. п. В европейской части России также преобладает статистическая группировка с показателем от 11 до 13% (17 регионов), со средним показателем уровня бедности по всем регионам европейской части 11,61%. В азиатской части России также преобладает статистическая группировка с показателем от 11 до 13% (7 регионов), однако средний показатель уровня бедности по всем регионам азиатской части составил 13,23%. В целом по России наибольшей по количеству регионов являлась статистическая группировка регионов с показателем от 11 до 13% (24 субъекта). Стоит отметить, что в статистическую группировку с показателем менее 7% вошли 3 субъекта: Ленинградская область, Сахалинская область и Чукотский автономный округ.

В 2022 г. в сравнении с 2013 годом наибольшее снижение показателя уровня бедности наблюдалось в Республике Калмыкия с 33,4% в 2013 г. до 20,9% в 2022 г., что позволило данному субъекту войти в статистическую группу с показателем от 20% до 25%. Далее значительное сокращение наблюдается в Республике Тыва с 33% в 2013 г. до 27,2% в 2022 г., тем не менее показатель бедности остается в пределах прежней статистической группы с показателем более 25%. У 68 субъектов наблюдалось снижение показателя в 2022 г. в сравнении с 2013 г.: у 1 субъекта (Республики Калмыкия) показатель сократился более чем на 10 процентных пункта, у 1 субъекта (Республики Тыва) показатель сократился в пределах от 5 до 10 п. п., у 50 субъектов – в интервале от 1 до 5 п. п., у 16 субъектов – менее чем на 1 п. п. В Республике Коми в 2022 г. наблюдался тот же показатель уровня бедности, что и в 2013 г. Наибольший рост показателя наблюдался в Республике Ингушетия с 20,3% в 2013 г. до 30,5% в 2022 г., что стало причиной отнесения данного субъекта в статистическую группировку регионов с показателем более 25%. У 14 субъ-

ектов показатель в 2022 г. превышал значения показателя в 2013 г.: у 1 субъекта (Республики Ингушетия) показатель вырос более чем на 10 процентных пункта, у 7 субъектов рост составил от 1 до 5 п. п., у 6 субъектов – менее 1 п. п. Стоит отметить, что в 2013 г. в статистическую группировку регионов с показателем менее 7% входило всего 2 субъекта, в 2022 г. количество таких регионов возросло до 9.

Несмотря на явную тенденцию уменьшения уровня бедности в подавляющем количестве регионов России, имеются регионы, в которых бедное население как составляло более пятой части всего населения в начале исследуемого периода, так и продолжает составлять пятую часть в конце исследуемого периода. Данный факт обнажает дополнительную угрозу экономической безопасности в виде межрегиональной дифференциации, которая создает очаг для еще больших угроз экономической безопасности России [4]. Меры, принимаемые для решения угрозы межрегиональной дифференциации, схожи с теми мерами, которые могут быть приняты для решения проблемы социальной дифференциации, так как между двумя этими явлениями имеется тесная связь, одна порождает другую. Поэтому невозможно решать проблемы социальной дифференциации, не учитывая фактор межрегиональной дифференциации.

Список литературы

1. Методологические пояснения. Росстат // https://clck.ru/3M6Dcb (дата обращения: 20.03.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 N 542 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. N 915» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382080/9f46411e35a8c31f9068ee0e9490210234e83e54/ (дата обращения: 20.03.2025).

3. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума // https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftab_2-1.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 20.03.2025).

4. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В. Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-differentsiatsiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti (дата обращения: 27.03.2025).

BIKBULATOV Denis R. – postgraduate student at the Department of Political Economy and the History of Economics at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, email: denisibikbulatov@gmail.com.

Keywords: economics, economic security, standard of living, poverty, differentiation of standard of living, social inequality.

DIFFERENTIATION OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION AS A THREAT TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY. PART II

Annotation

The national strategic goal of any State is socio-economic development. One of the most important areas of socio-economic development is the improvement of living standards. Russia is no exception. Improving the standard of living of citizens has a tremendous effect on other sectors of the country's economy, which is important in the context of sanctions pressure on Russia. This article examines the indicator of the poverty rate in the constituent entities of the Russian Federation, as well as the dynamics of this indicator.

References

1. Methodological explanations. Rosstat // https://clck.ru/3M6Dcb (accessed: 20.03.2025).

2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 542 dated 04/03/2021 (as amended on 11/06/2024) "On Approval of Methods for calculating indicators for evaluating the effectiveness of Senior Officials of the Subjects of the Russian Federation and the Activities of Executive Bodies of the Subjects of the Russian Federation, as well as on Invalidation of Certain Provisions of Decree of the Government of the Russian Federation No. 915 dated July 17, 2019" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382080/9f46411e35a8c31f9068ee0e9490210234e83e54/ (accessed: 20.03.2025).

3. The number of people with monetary incomes below the poverty line/minimum subsistence level // https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftab_2-1.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (accessed: 20.03.2025).

4. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Modin E. V. Regional differentiation of socio-economic development as a threat to economic security // https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-differentsiatsiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti (accessed: 27.03.2025).

ИСТОРИЯ

Марина АВИМСКАЯ,

Ярослав ШРАМКО

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация

В контексте ухудшения отношений России и большинства европейских стран, вызванного специальной военной операцией, наша страна активизирует отношения с рядом восточных стран. Одним из основных партнеров становится Китайская Народная Республика (далее КНР). Эта ситуация обуславливает особый интерес к имеющемуся опыту контактов посредством различных институтов.

В представленной статье анализируется деятельность Русской православной церкви (далее РПЦ) в КНР с точки зрения ее возможного влияния как на отношения с Россией, так и на идентичность страны, делается вывод о положительной роли РПЦ в отношениях между двумя странами. Также учитывается, что православная церковь в Китае является институтом, оказывающим влияние на формирование типа идентичности, не типичного для данной страны, что также позволяет говорить о некоторых принципах взаимодействия в схожих ситуациях. Авторы так же отмечают и некоторые проблемы, препятствующие развитию православия в Китае.

АВИМСКАЯ Марина Аскольдовна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института стран СНГ, Россия, Москва, email: marinaaskol@yandex.ru, SPIN-код: 9800-1396.

ШРАМКО Ярослав Викторович – студент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, Москва, email: shramko_2003@inbox.ru, SPIN-код: 9809-8846, ORCID: 0009-0005-9176-0607.

Ключевые слова: православие в Китае, роль православия в международных отношениях, культурные связи России и Китая, культурная дипломатия.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_124

Отношения России и Китая «являют собой эталон отношений между крупными державами и соседними странами, отличающихся взаимным уважением, доверительностью, дружбой и взаимной выгодой», – заявил председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин на встрече с В. В. Путиным в мае 2024 г.[1]. Дружба двух стран признается ими также, как и существующие между ними цивилизационные различия в политике, культуре, религии и т. д.

Однако в связях Российской Федерации и КНР активное участие принимают не только дипломатические и политические ведомства, а также представители бизнеса, но и организации, относящиеся к представляющим определенную культуру и участвующим в формировании идентичности. И здесь стоит отметить роль Русской православной церкви в развитии положительных отношений, представляющей нехарактерную для традиционного Китая религию.

В данной ситуации исследовательский интерес представляют два аспекта. Прежде всего, необходимо изучить саму деятельность православной церкви и ее роль в отношениях России и КНР. Также, поскольку РПЦ является институтом, оказывающим влияние на формирование идентичности, необходимо рассмотреть, на каких принципах возможна деятельность подобных организациях в «чужой» цивилизации и насколько она может быть эффективной.

Стоит учесть, что актуальность темы возрастает в контексте общемировых тенденций. В современном обществе, где мегатрендами становятся глобализация и цифровизация, многие страны обратились к поиску собственной идентичности, «самости», и ее защите от внешнего влияния. В свою очередь РПЦ можно назвать организацией, оказывающей влияние «извне» и формирующей «другую» идентичность, отличную от традиционной для КНР. При этом взаимодействие России и Китая посредством православия, как будет показано далее, развивается, в том числе благодаря доброжелательному отношению Пекина, и его можно охарактеризовать как эффективное.

Целью исследования является рассмотрение возможности деятельности институтов, влияющих на идентичность, в пространстве других регионов мира и цивилизаций и без задачи оказания этого влияния на идентичность.

Для достижения были поставлены следующие задачи:

– проанализировать историю культурных отношений между Россией и Китаем, акцентируя внимание на роль православия в них;

– исследовать конкретные кейсы из современности на предмет основных направлений и результатов деятельности РПЦ в КНР.

[1] Си назвал отношения России и Китая эталоном для крупных держав РБК // https://www.rbc.ru/politics/16/05/2024/664592629a794739858fe37e (дата обращения: 25.02.2025).

Основание Российской Духовной Миссии в Китае тесно связано с историей ранних отношений России с Китаем. Первые русские, которые появились в Поднебесной, были казаки Петров и Ялышев. Иван Грозный отправил их, чтобы исследовать страны, лежащие за Байкалом. В своих путешествиях они добрались и до Пекина, но не были приняты китайским императором Му-Цзун, так как прибыли в столицу без надлежащей свиты и подарков.

В России в XVII в. расширилась граница с Китаем, и рядом был образован город Албазин, где стали устраиваться поселения. И уже в 1654 г. в Китай было отправлено Русское Посольство под начальством Байкова, но грамота Царя Алексея Михайловича не была вручена Богдыхану Щуньчжи, так как русские отказались от земных поклонов (кэ-тоу) и других условий придворного церемониала. Это посольство было самым первым, отправленным из России для создания отношений, но оно не дало особых результатов [1].

Первыми представителями русского православия в Китае стали старообрядцы, бежавшие от гонений в годы правления Алексея Михайловича. Благодаря им на китайской территории в городе Якса в 1671 г. был построен храм Воскресения Христова, а позже – первый монастырь [2]. Русские границы все сильнее заселялись и расширялись, местные жители стали быстро расселяться в Приамурском Крае, и в Москве в 1684 г. решили учредить воеводство в Албазине.

Следующий виток развития православия в Китае начался после заключения Нерчинского договора в 1689 г. По этому договору Россия получила право торговать в Китае. В Пекине начинают появляться торговцы из России, которые часто обращаются за помощью к албазинцам, так как не успели выучить китайский язык и изучить местные обычаи. Правительство России, видя заботы о наших людях и дружественное расположение, просит Китайское правительство о разрешении допуска в Пекин Духовной Миссии. Китай отнесся к этому положительно [1].

Официальная церковь пришла в Поднебесную несколько позже, когда туда доставили пленных жителей Албазинского острога (1685 г.), среди которых был и священнослужитель Максим Леонтьев. За этим последовали другие важные события: открытие первого православного храма в Китае (1696 г.) [3] и Учреждение Святейшим Синодом Российской Духовной Миссии, которая действовала в Китае с 1713 г.[2].

Здесь стоит отметить, что Миссия стала первым представительством иностранного западного (относительно Китая) государства и оставалось таким на протяжении длительного срока [4]. При

[2] Сайт Храма Святителя Николая в Голутвине Китайское подворье Патриарха Московского и всея Руси // http://orthodoxchina.ru/ (дата обращения: 17.04.2025).

этом на практике Духовная Миссия занималась не только распространением православной религии среди китайского населения и организацией службы для верующих, но также выполняла дипломатические функции. Связано это со сложившейся уникальной ситуацией. С одной стороны, власти Пекина не позволяли открывать дипломатические представительства других стран в столице, с другой – поскольку пленные албазинцы перешли на службу к императору, им позволили сохранить веру, для чего требовалось окормление и появление представительства церкви. Поэтому духовенство, в тот период тесно связанное с властями Российского государства, взяло на себя дипломатические функции.

Исследователи отмечают, что Духовная Миссия способствовала изучению России в Китае и росту интереса к ней; самостоятельно занималась изучением китайской культуры, традиций и религии (тем самым положив начало отечественному китаеведению), участвовала в создании и открытии метеорологической станции, библиотек, типографий, фабрик, мастерских [5].

В Поднебесной оценка данной деятельности не всегда оставалась положительной, нередко к миссии относились как к «шпионскому гнезду» [3]. Стоит также сказать, что присутствовавшая в некоторых слоях общества негативная оценка привела к появлению первых китайских святых – мучеников, исповедавших Христа до смерти в ходе восстания ихэтуаней в 1900 г. [6]. В современном Китае, однако, отмечают значимую роль связей, установленных Миссией, в отношениях между странами [7].

Весной 1898 г. в Маньчжурии русскими людьми был основан город Харбин – головной пункт строящейся КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога). Тогда в Харбине была отслужена первая литургия в скромном храме Святителя Николая. В 1908 году в Харбин приезжал Владивостокский архиепископ Евсевий (Никольский) для освящения более величественного Свято-Софийского храма. В тот период, к 1910 году, согласно переписи, в Харбине проживало уже около 40 тыс. русских людей [8].

Существенно на численность православных в Китае и их роль в обществе повлияла революция 1917 г., Гражданская война в России и последовавшая за ними белая миграция. Так, к середине 1920-х гг. численность русских в стране достигла 300 тыс. чел., что удвоило численность православных в стране [9]. П. С. Юрченко, описывая роль белой иммиграции в Китае, писал: «Русскими иммигрантами открывались кафе и лавки, а прибывшие врачи, фельдшеры и акушеры работали в системе здравоохранения Китая. Пекари научили жителей Китая печь русский хлеб. Русские эмигранты сделали немало, в частности, и для развития сельского хозяйства: они показали, как пользоваться плугом, что стало заменой таранчиской сохе; пчеловодство, которым рус-

ские обучили китайское население, стало частью сельскохозяйственной деятельности» [10].

XX в. для китайского православия стал тяжелым периодом. Из-за революционных потрясений произошел отрыв от «материнской» Русской православной церкви, возникли вопросы организации и места в иерархии [11]. После Китайской революции и прихода к власти коммунистов отношения власти и религий усложнились, также церковь тяжело пережила Культурную революцию. В результате православная церковь Китая, хоть и получила автономию, вошла в период упадка [11].

На основании изложенного краткого исторического анализа можно сделать вывод, что функции РПЦ с момента появления православия в Китае выходили далеко за рамки только миссионерских.

После 1990-х гг. Русская Православная Церковь начала предпринимать попытки вернуть утраченное влияние, а также устанавливать контакты с организациями, представляющими другие религиозные течения. Однако эти попытки были затруднены действующим в Китае законодательством, жестко регламентирующим любую религиозную деятельность (например, Закон КНР о национальной районной автономии; Общие положения Гражданского кодекса; Закон об образовании; Трудовой кодекс; Закон об обязательном 9-летнем обучении и т. д.). При этом нормы законодательства могли трактоваться неоднозначно. Например, согласно ст. 36 Конституции КНР, гражданам гарантируется свобода вероисповедания, но при этом допускается только «нормальная религиозная активность» без четкого определения этой «нормальности». Этим достаточно пользуются власти для ограничения религиозной свободы граждан [12].

Другой аспект, ограничивающий возможности РПЦ в Поднебесной – малая численность православных. По оценкам китайских источников, от 2 до 15 тыс. граждан КНР исповедают православие, большая часть верующих – россияне, временно или постоянно проживающие в Китае (по разным оценкам около 100 тыс.) [3]. Именно из-за малочисленности, православие признано религией национального меньшинства в Синьцзяне, внутренней Монголии и Хэйлунцзяне, что ограничивает возможности ее деятельности.

Достижение задач, поставленных РПЦ в Китае, стало возможным во многом благодаря плодотворному диалогу с Пекином. Поэтому, анализируя деятельность православной церкви, стоит учитывать обсуждение определенных вопросов с властями КНР, а также их разрешение, последовавшее за этим. Рассмотрение конкретных примеров подобного диалога и проведение ситуационного анализа поможет точнее установить, какие задачи ставит перед собой РПЦ, какие направления деятельности существуют, и, как следствие, какие функции патриархат берет на себя в данный момент.

Действующий Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл неоднократно посещал Китай. Первый его визит состоялся в 2001 г., тогда он был митрополитом Смоленским и Калининградским[3]. В ходе данной поездки митрополит принял участие во встрече с журналистами, сотрудниками российского дипломатического представительства и студентами из России, а также провел богослужение. На той встрече примечательным событием стала поддержка инициативы строительства храма на территории Российского посольства, высказанная послом России в КНР И. А. Рогачевым[4]. Стоит учесть, что подобных визитов иерархов православной церкви в Китай не было с 1956 г.

Реализацией обсуждаемой инициативы стало открытие Успенского храма на территории посольства 13 октября 2009 г., освящение которого совершил руководитель Секретариата Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Егорьевский Марк[5]. Храм открыт как для сотрудников дипломатической миссии, так и для верующих из Пекина. 19 октября 2024 г. прошли торжественные мероприятия в честь 15-летия открытия храма, в которых принял участие председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Антоний[6].

В августе 2004 г. состоялся официальный визит делегации РПЦ в Китай во главе с епископом Егорьевским Марком. На встрече с заместителем председателя Управления по делам религий Ван Цзоанем обсуждались темы восстановления Китайской Православной Церкви, обучения будущих священнослужителей в российских Духовных школах и пастырского служения для находящихся на территории КНР граждан Российской Федерации. Кроме того, был поднят вопрос восстановления памяти о Русской духовной миссии, положившей начало дипломатическим, культурным и научным контактам Москвы и Пекина. В ходе данного диалога Ван Цзоань «сообщил о положительном отношении китайских властей к Православной Церкви, подчеркнув, что Православие является столь же легитимной религией в Китае, что и пять главных религий страны (даосизм, буддизм, ислам, католицизм, протестантизм)»[7].

[3] Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в ходе Архипастырского визита в Китай посетил Сянган // https://ria.ru/20011109/12003.html (дата обращения: 24.10.2024).

[4] Архипастырский визит митрополита Кирилла по странам Юго-Восточной Азии начался в Пекине // https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40043.htm (дата обращения: 24.10.2024).

[5] Православный храм Успения Пресвятой Богородицы в Пекине // https://ria.ru/20091019/189603947.html (дата обращения: 24.10.2024).

[6] Храм Успения Пресвятой Богородицы при посольстве РФ в Пекине отметил 15-летие освящения // https://tass.ru/obschestvo/22165659 (дата обращения: 24.10.2024).

[7] Завершился визит делегации Русской православной церкви в Китай // https://pravoslavie.ru/10855.html (дата обращения: 24.10.2024).

Также в ходе встречи говорилось о возможности восстановления двух православных церквей в Шанхае: храма во имя Святителя Николая Чудотворца и собора в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных». О результатах переговоров можно судить по последовавшим событиям, а именно: Храм Николая Чудотворца выполнял свою историческую функцию во время проведения в городе выставки «Экспо» в 2010 г., на воскресные службы собиралось около 40–60 чел.[8], после здание было возвращено владельцу и службы в нем совершались очень редко. В соборе, после закрытия там ночного клуба, проведенной реставрации и превращения в выставочный зал, совершались разовые богослужения на арендной основе. Именно здесь в ходе своего визита в 2013 г. патриарх Кирилл совершил первую за полвека в Китае Божественную литургию, а в 2019 г. священник Иоанн Щелков совершал пасхальную службу с многонациональной Никольской общиной Шанхая[9].

Официальный визит в Китай Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла состоялся в мае 2013 г. по приглашению светских властей[10]. При этом в Пекине, Харбине и Шанхае были проведены первые в современной истории патриаршие богослужения. Также в рамках поездки он встретился с православными общинами разных городов и потомками Албазинских казаков, провел переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином и директором Государственного управления по делам религий при Госсовете КНР Ван Цзоанем, а также представителями региональных органов власти. Во время встречи с вице-губернатором провинции Хэйлунцзян Сунь Юнбо патриарх попросил его разрешить проводить в Покровском храме Харбина российскими священниками «хотя бы два раза в год». Несколько позже, в 2016 г., обсуждаемый храм заработал на постоянной основе, когда настоятелем церкви стал Александр Юй (Юй Ши), принявший православие в России после учебы в Санкт-Петербурге. Другим важным событием стала Божественная литургия патриарха Кирилла в Шанхае, на которой глава РПЦ встретился со священником Михаилом Ваном, рукоположенным в 1950 г и бывшим в 2013 г. одним из двух китайских православных священнослужителей.

Через два года делегация Приволжского федерального округа, в составе которой находился митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, посетила китайские города Ухань и Чэнду. Основным событием визита стала церемония

[8] Шанхайский Никольский храм // https://drevo-info.ru/articles/15890.html (дата обращения: 24.10.2024).

[9] Шанхайский собор Споручницы грешных // https://drevo-info.ru/articles/15891.html (дата обращения: 24.10.2024).

[10] Святейший Патриарх Кирилл: «Китай начал познавать Россию через Русскую духовную миссию» // https://interaffairs.ru/news/show/9528 (дата обращения: 24.10.2024).

открытия российско-китайского Центра культурных обменов в здании бывшего Уханьского православного храма в честь Святого Благоверного Великого князя Александра Невского [13].

Таким образом, русская православная церковь, что видно в представленных событиях, участвует в диалоге двух великих держав. Так, она может самостоятельно вести переговоры (обсуждение назначения принадлежавших Церкви ранее построек и формирование на их базе культурных центров, например, в Шанхае), поддерживать инициативы российской стороны (открытие храма для сотрудников дипломатической миссии в Пекине), а также присутствовать в составе делегаций или быть частью программы официальных визитов в КНР. К примеру, визит президента Российской Федерации В. В. Путина в Китай в 2024 г. Одним из мест, которые он посетил, стал храм Покрова Пресвятой Богородицы в Харбине[11], куда он прилетел из Пекина. Отдельно, на церемонии открытия VIII Российско-китайского ЭКСПО, российский президент заявил, что «с момента своего основания, Харбин олицетворяет самые тесные связи и переплетения судеб народов России и Китая, взаимное обогащение культур и традиций», а также отметил «сохранение «русского следа» в исторической части города»[12].

В рассмотренных примерах диалога РПЦ и властей КНР можно выделить несколько направлений деятельности русской православной церкви. Прежде всего, речь идет о попытках восстановления самостоятельной деятельности китайской православной церкви: Московский патриархат активно участвует в восстановлении храмов и обучении будущих китайских священнослужителей. Также можно выделить деятельность по созданию культурного наследия: восстановление и реконструкция зданий бывших храмов и создание на их базе культурных центров и выставочных площадок. В целом, с учетом этих направлений деятельности и существования диалога между китайскими светскими властями и представителями РПЦ можно говорить также о дипломатических функциях церкви. Стоит отметить, что имеющиеся результаты были достигнуты не только благодаря деятельности церкви, но публичной политике китайских властей, направленной на формирование и поддержание диалога с религиозными группами [14].

Становится очевидным, что православная религия присутствует в Китае более 300 лет, и весь этот срок она брала на себя связующую роль в отношениях с Россией, и с самого своего появления,

[11] Путин посетил храм Покрова Пресвятой Богородицы в Харбине // https://www.ntv.ru/novosti/2827344/ (дата обращения: 24.10.2024).

[12] Путин считает, что Харбин олицетворяет самые тесные связи народов России и Китая // https://tass.ru/politika/20826233 (дата обращения: 24.10.2024).

представительство РПЦ выполняло дипломатические функции, а также способствовало формированию положительного образа страны: поддерживала научный и культурный обмен, занималась благотворительностью. В последние годы РПЦ активизировала подобную деятельность, а также ищет новые способы укрепить своё присутствие в стране. Это становится возможным благодаря существующему диалогу светских властей Пекина и духовных иерархов РПЦ.

Можно также предположить, что православие в КНР в перспективе будет утверждаться, поскольку действующие власти этому не препятствуют. Что касается проблемы дефицита священнослужителей и малой численности православных церквей, то этот вопрос решается в рамках существующих договоренностей (стоит отметить, что, не будь этих договоренностей, учеба китайских священников в России не позволила бы им совершать церковные обряды в Китае).

Резюмируя результаты исторического и ситуационного анализа, можно утверждать, что деятельность Русской православной церкви в Китае выходит за рамки духовного окормления мирян и поддержки единоверцев. Существенной частью деятельности является также дипломатическая функция, репрезентация России и русской культуры, формирование положительного имиджа нашей страны. Также структуры РПЦ участвуют в обучении будущих китайских священнослужителей. Все упомянутые функции заметны как в прошлом, так и настоящем, что позволяет говорить об их традиционном характере.

Таким образом, для РПЦ в Китае присущи миссионерская, дипломатическая и культурно-просветительская функции. Однако церковь не пытается оказать влияния на идентичность китайцев, действует с согласия местных властей и соблюдая действующее законодательство. Это обстоятельство является основой существующих отношений. На примере отношений РПЦ и Китая и рассмотренных примеров диалога и его последствий можно заключить, что деятельность институтов, формирующих идентичность, нехарактерную для социума, может быть полезной и благоприятной для обеих сторон. Однако в подобных отношениях важно создавать и поддерживать диалог, а также выполнять условия «принимающей стороны».

Список литературы

1. Диакон Александр Поляк-Брагинский. Христианство в Китае: с времен апостольских до XIX в. // https://sdamp.ru/news/n8233/ (дата обращения: 17.04.2025).

2. Ин Ван. Эволюция православия в Китае XX ст. // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2009. С. 31–36.

3. Петровский Д. Православие в Китае – история и современность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 2. С. 84–104.

4. Киссинджер Г. О Китае [пер. с англ. В. Н. Верченко]. М.: АСТ. 2023. 640 с.

5. Архимандрит Иннокентий. Русская православная община в Китае // Учебный журнал. 1916. № 10. С. 684–685.

6. Афонина Л. А. Китайские православные мученики 1900 г.: анализ исторических источников и церковное почитание // Общество и государство в Китае. 2017. С. 598–635.

7. 张 宗 海. 早期中俄关系史研究有新突破 // 西伯利亚研究. 2002. 页56.

8. Коростелёв В. В., Караулов А. К. «Православие в Маньчжурии» // http://orthodoxchina.ru/ (дата обращения: 21.04.2025 г.)

9. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ. 1997. 245 с.

10. Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. Москва: Проспект. 2022. 352 с.

11. Смирнова И. Ю. Православие в Западном Китае и Средней Азии: предыстория вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 47–56.

12. Шумакова Н. И., Титова Е. В. Искусственный интеллект как вспомогательный инструмент ограничения религиозной свободы в Китае // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (2), с. 540–563. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.23

13. Цзин Ч., Скотникова Г. В. Храм св. Александра Невского в Китае в городе Ухань: история и современность // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 135–145.

14. 王理万. 中国宗教公共外交的发展转型与运行机制 // 国际展望. 2020. 页 85–160.

AVIMSKAYA Marina A. – candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of CIS Countries, Russia, Moscow, email: marinaaskol@yandex.ru.

SHRAMKO Iaroslav V. – Bachelor of the RUDN University. Patrice Lumumba. Russia, Moscow, email: shramko_2003@inbox.ru.

Keywords: Orthodoxy in China, the role of Orthodoxy in international relations, cultural ties between Russia and China, cultural diplomacy.

THE ROLE OF THE ORTHODOX CHURCH IN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Annotation

In the context of the deterioration of relations between Russia and most European countries caused by the special military operation, our country is intensifying relations with a number of Eastern countries. The People's Republic of China (hereinafter PRC) is becoming one of the main partners. This situation gives rise to a special interest in the existing experience of contacts through various institutions.

The article analyzes the activities of the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the ROC) in China in terms of its possible impact on both relations with Russia and the country's identity, and concludes that the ROC plays a positive role in relations between the two countries. It is also taken into account that the Orthodox Church in China is an institution that influences the formation of a type of identity that is not typical for this country, which also allows us to talk about some principles of interaction in similar situations. The authors also point out some problems that hinder the development of Orthodoxy in China.

References

1. Deacon Alexander Polyak-Braginsky. Christianity in China: from the Time of the Apostles to the nineteenth century // https://sdamp.ru/news/n8233 / (accessed: 17.04.2025).

2. Ying Wang. The evolution of Orthodoxy in China of the twentieth Century // Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts. 2009. pp. 31-36.

3. Petrovsky D. Orthodoxy in China – history and modernity // State, religion, church in Russia and abroad. 2022. Vol. 40. No. 2. pp. 84-104.

4. Kissinger G. About China [trans. translated by V. N. Verchenko]. Moscow: AST. 2023. 640 p.

5. Archimandrite Innocent. The Russian Orthodox Community in China // Educational Journal. 1916. No. 10. pp. 684-685.

6. Afonina L. A. The Chinese Orthodox Martyrs of 1900: analysis of historical sources and Church veneration // Society and the state in China. 2017. S. 598-635.

7. 张 ： 宗. 早期中俄关系史研究有新突破 // 西伯利亚研究. 2002. 页56.

8. Korostelev V. V., Karaulov A. K. “Orthodoxy in Manchuria” // http://orthodoxchina.ru/ (date of access: 21.04.2025 g)

9. Melikhov G. V. the Russian emigration in China (1917-1924 gg.). Moscow: Iran. 1997. 245 p

10. Theory and practice of Russian-Chinese relations: a monograph / ed. by A. N. Chumakov, Li Hay. Moscow: Prospekt. 2022. 352 p.

11. Smirnova I. Y. Orthodoxy in Western China and Central Asia: the background of the issue // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: The History of Russia. 2023. Vol. 22. No. 1. pp. 47-56.

12. Shumakova N. I., Titova E. V. Artificial intelligence as an auxiliary tool for restricting religious freedom in China // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. No. 1 (2), pp. 540-563. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.23

13. Jing Ch., Skotnikova G. V. The Church of St. Alexander Nevsky in China in the city of Wuhan: history and modernity // Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. 2022. № 1 (13). pp. 135-145.

14. 中国宗教公共外交的发展转型与运行机制 // 国际展望. 2020. 页 85–160.

Максим ПАЛЕОЛОГ,

Ольга СУХОРУКОВА

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о смысловом содержании понятия «универсальная цивилизация», дается ретроспективный анализ по терминологии «локальная» и «универсальная» цивилизации на основе культурологических концепций отечественных и зарубежных исследователей. Приведены критерии универсальной цивилизации и четыре типа исторически сложившиеся в течении мировой истории: Эллинистическая цивилизация, Римская цивилизация, Византийская цивилизация и Российская цивилизация.

Универсализм через призму европейской культуры

Рассматривая историю и особенности становления российской государственности, мы используем понятие «цивилизация». Сегодня понятие «Российское государство-универсальная цивилизация» стало одним из современных дефиниций в академической и образовательной сферах. Начиная с 2023 г., в образовательный про-

ПАЛЕОЛОГ Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета, email: mpaleolog@mail.ru, SPIN-код: 4662-3380.

СУХОРУКОВА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета, email: soa61@mail.ru, SPIN-код: 1123-0156.

Ключевые слова: универсальная цивилизация, локальная цивилизация, Восток-Запад, культура, традиционное общество, современное общество, ценностная иерархия, цивилизация-мост, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, евразийцы, симфоническая личность.

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_136

цесс высшего образования России была введена дисциплина «Основы российской государственности», которая представляет Россию как государство-цивилизацию [1, с. 101]. Это определило задачу данной работы: уточнить понятие «универсальная цивилизация» в контексте современного научного знания. Для этого нам необходимо обратиться к понятию «цивилизация», рассмотреть его производные: «локальная» и «универсальная» в историко-философском дискурсе.

Современное значение термина «цивилизация» появилось в результате влияния на научный и общественный дискурс идей просветителей. Уже в XVIII в. в трудах ученых эпохи Просвещения активно начинает использоваться термин «цивилизация» и, благодаря трудам Гольбаха, этот термин был включен в «Словарь Академии» [2, с. 118].

Важно отметить, представители эпохи Просвещения, говоря «цивилизованный» имели в виду «просвещенный», соотносили понятие «цивилизация» с определенным культурным уровнем развития общества. Согласно данной трактовке термина, есть просвещенные с высокой культурой и непросвещенные, неразвитые в культурном смысле народы.

В XVIII в. формулируется понятие «культура», которое в большинстве случаев становится синонимом термина «цивилизация». Согласно общей теории культуры, культура – это продукт деятельности человеческого разума, она рассматривается как целостное поле человека в экономической, политической и духовной сферах. К этому времени страны Западной Европы, благодаря ряду факторов, в том числе высокому уровню технического развития становятся ведущими государствами в мире. Это повлияет на появление теории прогресса, идея которого – бесконечное совершенствование всего человечества в процессе его исторического развития. Согласно данной теории, существует единая универсальная культура, которая означает поступательное развитие от простой фазы к сложной. Все народы, включенные в этот процесс, развиваются неравномерно, одни идут впереди, другие отстают. Единство культуры – ее универсальность рассматривается как одинаковость, нет многообразия культурных миров, а есть общий ход развития народов.

Культура ряда стран западноевропейского региона становится образцом для подражания, а европоцентризм ведущим методом познания и интерпретации всемирного исторического процесса в сфере научного дискурса. Европейская культура принимает статус универсального стандарта, которому должны соответствовать культуры «отстающих народов». Согласно концепции догоняющего развития, универсализм рассматривается через призму одной культуры-европейской и означает ее доминирование.

Локальная цивилизация и универсальный подход по характеристике общества

Параллельное существование в академической среде обоих понятий «культура» и «цивилизация» станет особо заметно в XIX – нач. XX вв. Культура начинает рассматриваться как один из важнейших фактор развития исторического процесса. Именно в этот период процесс развития цивилизационной теории становится актуальным, а вопрос о всеобщей культурной одинаковости подвергается сомнению. Показать все культурологические теории в данном случае не представляется возможным, поэтому мы ограничимся только теми, которые получили широкую известность, именно они сфокусировали свое внимание на нашей проблеме: критика европеизации как универсума для всех незападных культур. Известный русский публицист и философ Н. Я. Данилевский (1822–1885) одним из первых указал на связь между культурой и развитием исторического процесса. В своей работе «Россия и Европа» (1869) он вводит в научный обиход понятие «культурно-исторический тип», которое, скорее всего было заимствовано Н. Данилевским у немецкого философа Г. Рюккерта» [3, с. 108]. В дальнейшем развитие цивилизационной теории продолжается в трудах Освальда Шпенглера (1880–1936), его работа «Закат Европы» (1918-1922) является своего рода продолжением развития идей Н.Я. Данилевского по проблеме соотношения универсального и локального в историческом процессе. Труды этих исследователей свидетельствуют о том, что в научном мире этого периода возникает дискуссия по определению терминологии: «универсальная цивилизация» и «локальная цивилизация». За определением этих дефиниций стояла проблема: существует ли многовариативность развития оригинальных культур, отличных друг от друга, или есть всеобщая универсальная мировая цивилизация, которая, включая в свой состав различные культуры, принципиально друг от друга не отличающиеся, приведет к единообразию этнических и национальных общностей.

При характеристике локальных цивилизаций необходимо обратить внимание на два момента. В одном случае используются критерии, согласно которым локальность цивилизации означает замкнутость на самой себе – это культурно-исторический тип Данилевского, для которого невозможно выйти за границы своей социокультурной идентичности. Каждый культурно-исторический тип представляет матрицу своей оригинальности, создавая образцы или достигая определенных успехов, наивысшего результата в той или иной сфере жизнедеятельности общества: политической, социальной, духовной, экономической. Этими достижениями отличаются культурно-исторические типы, они не только не создают условия для взаимодействия культур, а напротив делают этот процесс не-

возможным. У Данилевского понятия «культура» и «цивилизация» не отличаются друг от друга, они синонимичны. В данной концепции универсальность мировой культуры может рассматриваться только с позиции того, какие достижения каждый культурно-исторический тип вносит в общую мировую копилку, тогда как всеобщая мировая культура носит абстрактный характер, это некий умозрительный конструкт. Славянский культурно-исторический тип, о котором пишет Данилевский, сложно назвать универсальной цивилизацией. Этнический компонент, на основе которого строится цивилизационная модель Данилевского, вряд ли будет способствовать созданию славянской цивилизации, особенно если учитывать наличие конфессионального раскола славянского мира на католиков и православных, отличия, появившиеся под влиянием исторических фактов и явлений, определившие особое социокультурное наследие у разных групп славян. Интересны комментарии историка К. Н. Бестужева-Рюмина, прочитавшего и проанализировавшего «Россию и Европу» Данилевского в 1888 г.: «Цель книги Данилевского – доказать возможность и необходимость новой славянской культуры. На пути решения этой задачи стоит предрассудок, который надо победить: в Европе и у нас, уверены в том, что культура только одна, лишь непрерывно развивающаяся, причем все прежние культуры являются ступенями этого развития. Хранилище этой культуры – Европа≥» [3, с. 73]. Бестужев-Рюмин считал, что Данилевский стал одним из первых, кто попытался разрушить представление о существовании универсальной общечеловеческой цивилизации, которая тождественна европейской.

Во втором случае, у О. Шпенглера мы видим два понятия, разделенные принципиально по содержанию и означающее два уровня развития общества: «культура» и «цивилизация». Культура – это то, что делает общество оригинальным и неповторимым – это уникальное творчество народа. Цивилизация - второй период жизни социума, согласно которому культура умирает, ее место занимает упрощенный вариант существования народа, все, создаваемое им не имеет оригинальности и принципиально не отличается от всего того, что произвели другие народы. Творчество в культуре заставляет человека возвышаться над земной реальностью и стремиться к возвышенным идеалам. Эти качества уступают место утилитарному подходу, приспособлению человека к окружающей действительности, при которой человек хочет жить удобно и комфортно, особо не озадачиваясь своим самосовершенствованием. Концепция Шпенглера предлагает универсальный подход к объяснению развития любого общества, но только применительно ко второму периоду его развития. В данном случае категория универсальности выступает как характеристика, объясняющая общие тенденции по развитию любого социума.

Дихотомия «Восток–Запад» или категории «традиционного» и «современного» общества

Как отмечают современные исследователи, к XX в. «идея «множественности культур», ставшая едва ли не общим местом культурного самосознания и философии культуры» [3, с. 58], прошла длинный путь своего развития. Неслучайно, книгой повлиявшей на развитие цивилизационной теории стала работа А. Тойнби «Постижение истории» (1934–1961). Обобщив большой фактический материал по развитию культур и народов, Тойнби сформулировал свое определение цивилизации и свое понимание исторического процесса. Он не разделяет понятия культура и цивилизация, считая, что оба понятия взаимосвязаны: цивилизация означает определенный уровень развития общества, которое, в свою очередь, характеризуется культурными особенностями. Согласно Тойнби, цивилизация – это самостоятельный (самодостаточный) социокультурный мир, который может включать в свое пространство и государство, и политические союзы, и города-государства. При этом самодостаточность цивилизации не означает ее закрытости, изолированности, более того, все цивилизации принадлежат к единой общечеловеческой цивилизации.

Таким образом, анализируя вышеназванные теории, мы можем сделать вывод: в XX в. появились представления о том, что существуют локальные или самобытные культуры, а вопрос о существовании всеобщей человеческой цивилизации выглядел абстрактно и эту абстракцию нельзя было соотнести с европейской культурой. Европейская культура как некое обобщение тоже имеет свои отличия и занимает свое место в общем ряду других культур. Исключением стала работа Тойнби, согласно которой локальные культуры являются частью общечеловеческой цивилизации, они включены во всемирный исторический процесс. Следует отметить, что для характеристики каждой цивилизации, Тойнби использовал аксиологический метод, который стал ключевым при характеристике той или иной цивилизации. В XX в. на основе традиции, культурных ценностей было сформулировано представление о мировой цивилизации в виде двух социокультурных регионов – базовых цивилизаций: Востока и Запада. Принципиальные отличия между Западом и Востоком «сложились в европейской науке об обществе еще в XVIII в. ⩾ в XX в. дихотомия «Восток – Запад», переосмысленная в категориях «традиционного» и «современного», считалась уже основным различением в социальной теории» [4, с. 31]. Согласимся с автором о появлении данных категорий, но уточним: традиционное общество – это не возвращение в архаику и восстановление исторического прошлого, а проблема модернизации не всегда означает только

европеизацию и построение буржуазного общества [5]. Водораздел между ними проходит на уровне иерархии ценностей, на формирование двух отличных между собою мировоззренческих парадигм. Главной разделительной чертой Востока и Запада, «традиционного» и «современного» станет иерархия ценностей: для традиционной культуры были и остаются главными религиозные ценности, согласно которым не человек, а трансцендентные ценности могут служить главными ориентирами в обществе. В традиционной культуре личность не может быть абсолютизирована, так как она «не развивается «из самой себя что в ее высших творческих силах она связана с миром ценностей — сверхиндивидуальных, сверхэмпирических» [6, с. 14]. В отличие от традиционной, современная культура, в основе которой лежат ценности либеральной идеологии, абсолютизирует личность, делает ее автономной и независимой. Эти отличия определили различия в социальной и политической сферах: взаимоотношения между личностью с одной стороны и государством и обществом с другой стороны. «В рамках развития базовой цивилизации Востока формируется система соподчинения интересов личности интересам государства и общества. Формирование подобной матрицы приводит к развитию коллективизма характерного для культурной парадигмы Востока. … Для цивилизации Запада характерна диаметрально противоположная матрица взаимоотношений между личностью, государством и обществом, при которой интересы личности доминируют над интересами государства и общества» [2, с. 119–120]. В итоге, в течение исторического процесса цивилизации Востока и Запада или «традиционного» и «современного» обществ» приобретают свои отличные друг от друга идеологемы и институции, формируя дуалистическую систему мировой цивилизации в целом. В рамках развития цивилизаций этих систем, возможны случаи взаимопроникновения каких-либо элементов культуры, но смешивания на уровне ценностей мировоззренческих парадигм не происходит.

Критерии и типы универсальной цивилизации

Историческое деление на Восток и Запал произошло при зарождении Древнегреческой цивилизации, с нее начинает свой исторический путь цивилизация Запада. Реформы Солона, повлиявшие на коренные изменения древнегреческом обществе [7], десакрализация культуры, демифологизация и появление философии способствуют формированию ключевых особенностей, определяющих цивилизационную разницу между культурами Запада и Востока. В рамках этих культур существование локальные цивилизаций строилось

на борьбе за жизненное пространство, что также не способствовало культурному единству цивилизованного мира того времени. Первым шагом к взаимодействию цивилизаций Востока и Запада станут походы Александра Македонского, они стали политическим прецендентом по конструированию первоначальной формы универсальной цивилизации, которая при соприкосновении двух цивилизаций Востока и Запада, создает единое социокультурное пространство. Политический опыт по взаимодействию социокультурных парадигм Востока и Запада получит свое дальнейшее развитие, в истории человечества было четыре варианта универсальных цивилизаций: «Эллинистическая цивилизация (Pax Hellinistica), Римская цивилизация (Pax Romana), Византийская цивилизация (Pax Christiana) и Российская цивилизация (Pax Rossica). Характерными чертами цивилизации универсального типа является, во-первых, единое культурно-цивилизационное пространство, построенное на основе единого географического ареала и синкретической культурно-цивилизационной матрицы, объединяющей социально-политические, духовные и художественные традиции культур Востока и Запада в единое целое. Во-вторых, универсальная языковая система коммуникации, построенная на базе одного языка, ставшего политической и культурно-лингвистической доминантой на определенном историческом этапе развития цивилизации. В-третьих, универсальная система самоидентификации, построенная не на принципах этнической принадлежности, а на принципах культурно-цивилизационного синкретизма. Эти элементы стали основой «институциональной системы» любой цивилизации универсального типа» [2].

Эллинистическая цивилизация (Pax Hellinistica), будучи первой, не до конца смогла проявить характерные для универсальной цивилизации качества, это были поиски ценностного знаменателя. Впоследствии, став объектом военно-экономической экспансии Римской цивилизации, передала ей идею культурного Универсума. Именно Римская цивилизация (Pax Romana) воплотила в жизнь идею мировой империи-цивилизации. Пресловутый Pax Romana стал воплощением идеи универсальной мировой державы-цивилизации как в социально-политическом, так и в культурно-цивилизационном аспектах [8]. При этом, оставшиеся за пределами Римской империи культурно-государственные образования, фактически превращались в локальные цивилизации. Некоторые из них, Понтийское царство, Вифиния, Каппадокия даже пытались противостоять Риму в плане политическом, но в культурно-цивилизационном плане оставались в большей степени цивилизационной периферией (локальными цивилизациями). В рамках универсальной Римской цивилизации рождается представление о культурном Универсуме, построенном на новой антитезе Восток–Запад, получившей

воплощение в двух частях универсальной Римской державы-цивилизации: Восточная Римская и Западная Римская империи. На базе этих административно-территориальных единиц и формируется новая парадигма Восточной и Западной цивилизаций (язык, религия) как формах единого культурного Универсума (христианская Римская империя).

Ромейская (Византийская) империя, будучи естественным продолжением империи Римской, завершает процесс развития идеи Универсальной империи-цивилизации (Pax Christiana). Именно в рамках Pax Christiana (по сути, сформированного в период существования христианской Римской империи) формируется средневековая европейская цивилизационная парадигма. Однако только Ромейская империя (Византийская цивилизация) сумела сохранить традиции державы-цивилизации и цивилизации-моста воплотив их в концепциях Pax Christiana и т.н. «Византийского содружества наций». Византийская цивилизация в полной мере стала связующим звеном для культур Востока и Запада. При династии Палеологов универсальная цивилизационная парадигма сменилась на парадигму этнокультурную, что дало небывалый культурный всплеск (Палеологовский ренессанс), однако разрушило парадигму империи-цивилизации.

В Западной Европе, за исключением Римской церкви, не сохранилось институций, культивировавших идею империи-цивилизации. С IX века вновь возрождается имперская идея, но только как явление территориально-политическое. Все попытки Ватикана возродить идею империи-цивилизации не увенчались успехом в силу того, что Римская церковь пыталась превратить культурно-цивилизационную парадигму империи-цивилизации в парадигму теократической империи со Святым Престолом во главе. Более того, варварские государства, возникшие на руинах Западной Римской империи, не имели реальных традиций имперского строительства. В связи с чем, имперская модель, созданная в средние века, по сути, являлась варварским представлением об империи-цивилизации, а не ее реальным воссозданием. Европейские народы не смогли преодолеть моноэтнических традиций, что привело к рождению псевдоуниверсальной модели Священной Римской империи германской нации, закрепившей в сознании европейских народов принципы национализма и европоцентризма. В период Нового времени Европа окончательно разворачивается в сторону партикуляризма, национальный вопрос, образование национальных государств сводят на нет идею универсализма. Политика мультикультурализма, проводимая со второй половины XX в. в странах западной цивилизации, стала очередной попыткой решить проблему культурного Универсум по созданию культурно-цивилизационного синкретизма: свести в единую плоскость ценности либеральной идеологии и ценности религиозных и этнических общин, т.е. синтезировать две парадигмы «традиционного» и «современного» об-

ществ. Политика мультикультурализма стала практическим воплощением «Теории справедливости» (1971) Дж. Роулза, однако она не смогла решить проблему синтеза двух правовых концепций: прав личности и прав общности. «Вместо универсализации и утверждения основных ценностей европейского либерализма и постепенного вхождения мигрантов в культуру принимающей страны, произошло обратное: еще большая локализация культуры, своеобразное возвращение в эпоху Средневековья, когда идентичность человека определялась его принадлежностью к религиозной или этнической группе» [9, с. 140].

В отличие от Европы, Российская цивилизация (Pax Rossica), в силу своего развития, сумела перенять и осмыслить парадигму державы-цивилизации и адаптировать ее к условиям своего бытия на просторах Евразийского континента. В свое время, будучи частью «Византийского содружества наций», Pax Rossica использует парадигму Византийской цивилизации в своем культурно-цивилизационном развитии. Значительный вклад в оценку российской цивилизации как цивилизации универсальный внесли евразийцы. Согласно их концепции, слияние славянской оседлой культуры и так называемого «Туранского элемента» и позволило Российской цивилизации стать также и цивилизацией-мостом. России – это ни Европа и не Азия, это особый культурно-исторический тип — Евразия, а культура России является срединной, евразийской [10, с. 256]. В основе евразийской концепции лежит учение Л. П. Карсавина о симфонической личности, историческое развитие которой евразийцы объясняют при помощи «евразийского универсализма». Мировая история рассматривается как развитие одной симфонической личности, состоящей из целого ряда иерархически соподчиненных культур (в том числе европейской и евразийской). Единство через многообразие самобытных культур — вот главная составляющая мировой культурной симфонии. Многообразие евразийской культуры (российской универсальной цивилизации) заключается в сохранение национальных (этнических) особенностей, которые не противоречат общей мировоззренческой парадигме традиционной культуры. В силу географического, исторического факторов, Российская цивилизация смогла обойти принцип унификации, создав универсальную культуру в которой нет ассимиляции культур, а есть их взаимодействие и взаимовлияние, при сохранении целого ряда культурно-исторической уникальности народов, проживающих в России.

Таким образом, Российская цивилизация (Pax Rossica) стала особым явлением. С ее генезисом универсальная цивилизация получает окончательную форму развития, превращаясь в цивилизацию-мост, связующую в единое целое цивилизации Востока и Запада. По сути, цивилизацией-мостом являются все универсальные цивилизации. Однако в силу цивилизационно-исторического развития не все они могли полностью проявить эту особенность.

Список литературы

1. Гуляев А. А. Значимость новой дисциплины «основы российской государственности» в вузах // Власть. 2023. №5. С. 100–103.

2. Историческая память: реальное и мнимое: Учебно-методические материалы. М.: МГПУ; ИКД «Зерцало–М». 2024. 568 с.

3. Асоян А., Малофеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). 2 изд., испр. и доп. М.: ОГИ. 2001. 344 с.

4. Терин Д. Ф. «Запад» и «Восток» в институциональном подходе к цивилизации // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 31– 41.

5. Сухорукова О. А. Консерватизм или вопрос о национальной традиции //Вестник славянских культур. 2023. № 68. С. 68–80.

6. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Школа-Пресс. 1996. 272 с.

7. Борисов И. А, Козьмин Ф. Е. Изобретение гражданского общества в реформах Солона: полидисциплинарный анализ. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 113–122.

8. Палеолог М. В., Чистова С. М. Истоки и эволюция имперской идеологии России. Духовно-политическая идеология допетровской Руси // Обозреватель. 2014. № 8 (295). С. 5–17.

9. Сухорукова О. А. Проблемы ценностных ориентиров в современном обществе // Трансформация социально-политических и экономических ориентаций в современном столичном мегаполисе. Сборник научных статей / Сост.: Г. М. Гогиберидзе; отв. ред. Е.Н. Геворкян. Москва: ГБОУ ВПО МГПУ. 2013. С. 138–142.

10. Мир Россия–Евразия: Сб. статей. М.: Высш. шк. 1995. 399 с.

PALEOLOG Maxim V. – Candidate of History, Associate Professor, Assistant professor Moscow City University, email: mpaleolog@mail.ru.

SUKCHORUKOVA Olga A. – Candidate of History, Associate Professor, Assistant professor Moscow City University, email: soa61@mail.ru.

Keywords: universal civilization, local civilization, East-West, culture, traditional society, modern society, value hierarchy, civilization-bridge, N. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, Eurasians, symphonic personality.

UNIVERSAL CIVILIZATION: ON THE ISSUE OF TERMINOLOGY

Annotation

The article examines the issue of the semantic content of the concept of "universal civilization", provides a retrospective analysis of the terminology of "local" and "universal" civilizations based on cultural concepts of domestic and foreign researchers. The criteria of universal civilization and four types historically formed during world history are given: Hellenistic civilization, Roman civilization, Byzantine civilization and Russian civilization.

References

1. Gulyaev A. A. The significance of the new discipline "Fundamentals of Russian statehood" in higher education institutions. 2023. No. 5. pp. 100–103.

2. Historical memory: real and imaginary: Educational and methodological materials. Moscow: MGPU; IKD "Zertsalo-M". 2024. 568 p.

3. Asoyan A., Malofeev A. The discovery of the idea of culture (The experience of Russian cultural studies in the middle of the XIX – early XX centuries). 2nd ed., ispr. and add. M.: OGI. 2001. 344 p.

4. Terin D. F. "West" and "East" in the institutional approach to civilization // Sociological Journal. 2001. No. 4. pp. 31–41.

5. Sukhorukova O. A. Conservatism or the question of national tradition // Bulletin of Slavic Cultures. 2023. No. 68. pp. 68–80.

6. Zenkovsky V. V. Problems of education in the light of Christian anthropology. Moscow: School Press. 1996. 272 p.

7. Borisov I. A., Kozmin F. E. The invention of civil society in Solon's reforms: a multidisciplinary analysis. Proceedings of the Laboratory of Ancient Technologies. 2019. Vol. 15. No. 1. pp. 113–122.

8. Paleologue M. V., Chistova S. M. The origins and evolution of the imperial ideology of Russia. The spiritual and political ideology of pre-Petrine Russia // The Observer. 2014. No. 8 (295). pp. 5–17.

9. Sukhorukova O. A. Problems of value orientations in modern society // Transformation of socio-political and economic orientations in the modern metropolitan area. Collection of scientific articles / Comp.: G. M. Gogiberidze; ed. by E.N. Gevorgyan. Moscow: GBOU VPO MSPU. 2013. pp. 138–142.

10. The world of Russia–Eurasia: Collection of articles. Moscow: Higher School. 1995. 399 p.

Мария РЯБОВА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФУТБОЛА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТРАЖЕНИИ СПОРТИВНОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация

Автор статьи анализирует спортивные журналы, учредительные документы спортивных организаций начала XX века с целью выявления основных проблем, с которыми сталкивались футбольные лиги и спортклубы на этапе становления футбола в России. На примере одной из лучших команд Московской футбольной лиги – «Морозовцев» (клуб спорта «Орехово») рассмотрены условия вступления в спортивный клуб, выявлены особенности управления организационными процессами и финансовым обеспечением деятельности клуба. Автор отмечает факты недоступности «лигового футбола» начала XX века широким народным массам. При этом состязания футбольных лиг побуждали стихийно возникавшие внелиговые футбольные команды перенимать общие принципы спортивной организации.

Введение

Большой интерес для исследователей представляют периодические спортивные издания конца XIX – начала XX века, так как до сих пор они остаются малоизученными с точки зрения выявления проблем,

РЯБОВА Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, Россия, г. Орехово-Зуево, email: ryabova_mm@mail.ru, SPIN-код: 9774-9810.

Ключевые слова: футбол, история футбола, футбольная лига, внелиговый футбол, клуб спорта «Орехово», «Морозовцы».

DOI: 10.48137/23116412_2025_2_148

с которыми сталкивались командные виды спорта и, в частности, футбол в начале своего пути в России. Пресса конца XIX – начала XX века являлась не только источником информации, но и инструментом формирования общественного мнения. Анализ публикаций того времени позволяет понять, как воспринимался футбол в обществе, какие трудности сопровождали его развитие и какую роль играли промышленники и меценаты в становлении этого вида спорта.

Источниковую базу исследования также составили учредительные документы спортивных клубов исследуемого периода. В частности, устав одной из самых успешных команд Московской футбольной лиги первых десятилетий XX столетия – клуба спорта «Орехово», раскрывающий особенности социальных и административно-хозяйственных вопросов клуба.

Методологическая основа исследования представлена методом контент-анализа, предметом анализа которого стало содержание периодических спортивных изданий начала XX века, историко-генетическим методом, позволившим проследить особенности становления и развития футбола в России, а также сравнительно-историческим методом исследования, согласно которому футбольные лиги и клубы изучались в сравнении, как между собой, так и с опытом европейских сборных.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать проблемы становления и развития футбола в Российской империи через призму спортивной прессы конца XIX – начала XX века, а также выявить роль средств массовой информации в популяризации этого вида спорта и формировании спортивной культуры.

Результаты

Родиной футбола считается Англия, где уже в XVI веке играли в футбол. Здесь в сталелитейном городе Шеффилд в 1857 году любители крикета Натаниэль Кресвик и Уильям Прест создали первый в мире футбольный клуб. «Унифицированные правила игры в футбол, а также первая футбольная ассоциация впервые были утверждены 26 октября 1863 года в таверне Freemason's представителями 11 футбольных клубов Лондона, а также университетов Оксфорда и Кембриджа» [1, с. 156]. К началу XX века футбол в Англии получил широкий размах. Корреспондент газеты «Спорт и игры» за 1912 год отмечал, что английская футбольная ассоциация к этому времени насчитывала 350 000 членов, а около 300 000 футболистов образовали самостоятельные союзы [2, с. 4]. Доходы от футбольных матчей в Англии ежегодно отчислялись в национальный больничный фонд, а железные дороги получали огромные средства вследствие ско-

пления публики в местах футбольных состязаний.

В Россию же футбол пришел только в XIX веке, где первыми эту игру узнали рабочие крупных портовых городов и промышленных центров Российской империи, таких как Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Киев и др. Произошло это благодаря бурному развитию текстильной промышленности и закупке фабрикантами английского оборудования для своих предприятий. После того как в Великобритании в 1842 году был снят запрет на вывоз станков за границу английские фирмы стали поставлять в кредит под будущие доходы оборудование промышленникам из России. Первые британские подданные появлялись на текстильных предприятиях в качестве наладчиков оборудования, необходимых для обучения русских рабочих. Английские инженеры, специалисты рабочих профессий первыми способствовали распространению футбола.

Санкт-Петербург, будучи важнейшим торговым и промышленным центром Российской империи, благодаря своему удобному местоположению, стал одним из первых городов, где активно развивались спортивные общества. Это развитие происходило стремительными темпами. Исследователь А. Савин подмечал, что «именно здесь англичане заложили основы футбола в России: в 1860 году был основан спортивный клуб «Нева», а в 1879 году – «Санкт-Петербургский футбол-клаб»» [3, с. 9].

Первая футбольная команда в столице Российской империи появилась при «Санкт-Петербургском кружке любителей спорта», который своим возникновением обязан кружку молодежи, проводившему лето 1888 года близь города Павловска Петербургской губернии в деревне «Тярлево» [4]. Санкт-Петербургский кружок любителей спорта официально появился 15 июня 1896 года, а уже через год при кружке была создана футбольная команда, в состав которой входили как русские, так и английские игроки. «Первый настоящий, освещаемый прессой, полуторачасовой футбольный матч в России состоялся в Петербурге 12 (24) октября 1897 года на плацу первого Кадетского корпуса линии Васильевского острова» [3, с. 10].

Расширение железнодорожной сети сыграло важную роль в развитии футбола, позволив командам проводить товарищеские матчи за пределами Санкт-Петербурга. Как вспоминал М. Д. Ромм, известный спортивный теоретик и первый капитан сборной России, футбольные поединки часто проходили в окрестных дачных поселках. Целые группы болельщиков сопровождали свои команды, занимая для этого несколько вагонов в медленных пригородных поездах, что ярко иллюстрирует популярность футбола в то время и специфику организации выездных матчей [5, с. 5].

Игрой в этот период интересовались мелкие служащие, гимназисты и студенты. Но проблема заключалась в том, что вовлечение

рабочих слоев в развитие национального футбола ограничивалось рамками неформальных дворовых матчей. Участие в спортивных кружках и клубах для широких народных масс было недоступным по финансовым причинам. Более того, Министерство внутренних дел сознательно создавало препятствия для организации спортивных объединений трудящихся из-за опасения использования футбольных матчей в качестве прикрытия для революционных собраний. Даже после появления первых официальных лиг в России: в Санкт-Петербурге (1901), в Москве (1910), в Одессе и Киеве (1911), эта проблема не теряла свою актуальность.

Развитие Московского футбола приобрело более широкий размах благодаря учреждению Московской футбольной лиги (МФЛ). До появления единого объединения игра здесь носила случайный характер. Лига внесла определенный порядок в организацию междуклубных и междугородних игр, а также ввела дисциплину в ряды игроков-футболистов. Инициатива основания лиги в Москве принадлежала клубам «С.К.С.», «Унион» и «К.Ф.С.», к которым быстро присоединились все другие клубы… Результатом явился необыкновенный подъем этой игры в регионе. На страницах прессы сравнивали Московскую лигу с Петербургской, отмечая, что менее чем за полтора года по классу игры обе лиги сравнялись, даже несмотря на то, что столичная существовала уже около 10 лет [6, с. 9]. Две крупнейшие лиги Российской империи стали инициаторами создания Всероссийского футбольного союза, устав которого был утвержден в конце 1911 года. Следующим шагом стало создание «Всероссийского футбольного союза».

Интерес к спорту популяризировали спортивные издания того времени. Еженедельные журналы, такие как: «К спорту!», «Русский спорт», «Спорт», «Спортсмен», «Азарт» и пр. публиковали спортивную аналитику, рекомендации о пользе физического развития, положение тех или иных видов спорта за рубежом. На страницах прессы освещались как чемпионаты футбольных лиг, так и игры команд внелигового «народного футбола». Корреспондент журнала «К спорту!» в одном из номеров за 1911-й год подчеркивал массовый размах, который приобрела эта игра, в районе одной только Рогожской части в течение сезона 1911 года появилось и стихийно играло более 13 никем не регистрируемых кружков [7, с. 5].

Долгое время серьезной проблемой оставалось отсутствие унифицированных правил игры в футбол. На стадии становления этого вида спорта допускалось, как отмечала исследователь Г. В. Михеева, «предельно возможное физическое воздействие на игрока, зачастую спорные вопросы на поле решались с элементами бокса, а то и просто заканчивались настоящей потасовкой» [8, с. 100–101]. И только решением первого учредительного собрания Всероссийского

футбольного союза, которое состоялось 6 января 1912 года, было единогласно принято решение по двум вопросам:

– унификация уставов футбольных обществ. За эталон был принят устав «Петровского кружка любителей спорта»;

– унификация правил игры в футбол. Обязательными для всей России были признаны правила «Всемирного футбольного союза» (F.I.F.A.).

Тогда же был поднят вопрос о страховании игроков, для чего решено было страховать каждую лигу, чтобы о результатах своего страхового опыта каждая лига сообщала правлению отдельно. Создание Всероссийского футбольного союза являлось важнейшим шагом для развития футбола в России, так как к этой единой руководящей организации теперь могла обращаться за разъяснениями правил вся футбольная Россия [7, с. 5].

Футбольные соревнования, проводимые в рамках Лиги, вдохновили на организацию собственных турниров «дворовые команды» и различные кружки, не входящие в лигу. Со временем в каждом из таких кружков начали разрабатывать свои уставы и правила, назначать капитанов и судей, а в некоторых случаях даже привлекать тренеров. Команды стали отшивать свою спортивную форму, выезжать на матчи в загородные районы и организовывать районные соревнования. Основными участниками таких команд были мелкие служащие и учащаяся молодежь. Игроки внелигового футбола получили такую оценку в спортивной прессе: «это не московские «патриции» – игроки «лиги», приезжающие на состязания на автомобилях. Это – «демос», страшно увлекавшийся здоровым и интересным спортом, подобно тому, как раньше он увлекался борьбой. И эта демократическая среда футбола чувствуется в каждом их состязании…» [7, с. 5].

Несмотря на унификацию правил развитие футбола в России замедляла нехватка спортивной методической литературы. Стоявшим у истоков развития спорта любителям футбола в Российской империи приходилось изучать иностранный опыт. И здесь стоит отметить спортивного библиографа и журналиста, секретаря Петербургской футбольной лиги Г. А. Дюперрона, взявшегося за кропотливое изучение и перевод зарубежных спортивных изданий на русский язык. Благодаря Дюперрону были созданы такие значимые в методическом плане труды, как «Легкая атлетика и игры», «Футбол и другие игры того же типа», «Библиография спорта и физического воспитания: систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно». Последняя до сих пор является максимально полным указателем дореволюционной спортивной литературы.

Профессиональное развитие спорта осложнялось тем, что он был монополизирован состоятельной частью населения, относив-

шейся к спорту как к развлечению. Первый устав Московской футбольной лиги подразумевал участие в ней исключительно любителей – лиц, не получающих денежной выгоды от занятий спортом. «Игроки лиговых команд должны были вносить членский взнос в размере 1 руб. 10 коп. Общества, играющие на кубок для взрослых команд, должны, были уплачивать взнос в размере 10 руб., для младших – 5 руб.» [9, с. 3]. За неуплату следовало исключение из Футбольной лиги.

В девятом номере журнала «Спорт и игры!» за 1912 год корреспондент сообщал о вынесении Московской футбольной лиги постановления об исключении 23-х футболистов за неуплату взносов. Московские спортсмены-любители приветствовали такое решение. Председатель московской футбольной лиги Р. Ф. Фульда отмечал по этому поводу: «первый год неуплата взноса, второй год такой игрок потребует от клуба обмундирование, а на третий потребует за свою игру вознаграждение!» [2, с. 2–3]. При этом хороших игроков клубы поощряли, освобождая их от членских взносов и помогая с обмундированием. Опыт Англии, в которой к началу века насчитывалось около 10 тыс. профессиональных футболистов доказал необходимость и эффективность такой практики.

В начале XX века одним из сильнейших футбольных коллективов Московской футбольной лиги считалась футбольная команда клуба спорта «Орехово» (КСО) – «Морозовцы» при фабриках «Товарищества мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в местечке Никольском Покровского уезда Владимирской губернии (*современная часть города Орехово-Зуево*) [10]. Название «Морозовцы» напрямую связывало команду с известной текстильной династией Морозовых, владельцев этих фабрик, которые спонсировали и поддерживали клуб спорта. Несмотря на конфессиональный традиционализм во взглядах, старообрядцы Морозовы-Викуловичи усмотрели в игре значительную пользу, а успехи клуба спорта «Орехово» были тесно связаны с влиянием и ресурсами крупного промышленного капитала.

Еще в 1887 году в этом промышленном центре была предпринята первая неудачная попытка организовать футбольную команду, состоящую преимущественно из англичан. Следующую попытку возродить футбол в Никольском повторили Гарри Горсфилд Чарнок и британские служащие фирмы мануфактур Викулы Морозова в 1897 году [10].

Созданная при фабриках В. Морозова футбольная команда «Морозовцев» наполовину состояла из англичан. Первая игра команды в Москве состоялась 30 августа 1909 года против Сокольнического клуба спорта (СКС) и окончилась победой команды КСО со счетом 2:1. Впечатление о команде «Морозовцев», как отмечал корреспондент журнала «Русский спорт», было великолепным: «симпатичные костюмы и известная дисциплина усиливали ее» [12, с. 13].

ФУТБОЛЬНАЯ КОМАНДА КЛУБА ПРИ ФАБРИКѢ МОРОЗОВА, ИГРАВШАЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ МОСКВѢ ПРОТИВЪ С. К. С. СИДЯТЪ: БЕРТЕЛЬСЪ, КЫНИНЪ А., АКИМОВЪ, САВИНЦЕВЪ. СТОЯТЪ: КЫНИНЪ Н., ГЕЙВУДЪ, ТОММЕНСОНЪ, ЧАРНОКЪ Я., ДУНКЕРЛЕЙ, ХАВАЕВЪ, МИШИНЪ.

Рис. 1. Состав футбольной команды «Морозовцы» в матче против Сокольнического клуба спорта. 30 августа 1909 года [12, с. 13]

Попасть в футбольную команду КСО, как и во многие другие лиговые команды, простому рабочему было достаточно сложно. Корреспондент журнала «К спорту!» в одном из номеров за 1911 год выражал надежду на скорейшее создание господами необходимых условий для доступности футбола широким народным массам, подмечая, что тот состав рабочей аристократии, которая наполняет футбольные команды при фабриках, для рабочих является «господами», а между конторщиком и рабочим существовала огромная дистанция [13, с. 4].

Подтверждение этому можно найти в организационных документах спортивных клубов тех лет. К примеру, Устав клуба спорта «Орехово» был зарегистрирован 16 ноября 1909 года. По документу, «средства Клуба составлялись из единовременных и ежегодных взносов его членов, пожертвований, а также сборов от массовых мероприятий с целью полного обеспечения футболистов» [14, с. 5]. Ежегодный членский взнос для действующих членов специальной футбольной секции в 1913 году составлял 10 рублей. Документ определял действительных членов клуба. Ими могли стать исключительно служащие фабрик В. Морозова обоего пола, избранные общим собранием, и только те посторонние лица, которые вступили в клуб в первый год его существования [14, с. 5].

На первом общем собрании клуба спорта «Орехово» 26 марта 1910

года президентом был единогласно избран англичанин Гарри Горсфилд Чарнок, занимавший должность директора прядильной фабрики. Вице-президентом Клуба назначили Сергея Сергеевича Куприянова, который управлял ткацкой фабрикой. В тот же день создали руководящий орган – Совет старшин, которому были доверены такие важные функции, как управление организационными процессами, контроль за хозяйственной деятельностью и финансовое обеспечение работы клуба [15, с. 81].

Основная миссия клуба заключалась в популяризации различных видов спорта, поэтому его члены регулярно устраивали различные спортивные соревнования, а также культурно-развлекательные вечера со строгим соблюдением всех установленных норм и при обязательном согласовании с начальником местной полиции [14, с. 3].

Московская футбольная лига начала свой первый сезон в августе 1910 года. В честь этого события был учрежден кубок имени Роберта Фульда, разыгрываемый сильнейшими командами лиги. Первым чемпионом МФЛ стала команда «Морозовцы», одержавшая победу в 1910 году. Более того, «Морозовцы» продемонстрировали впечатляющую серию побед, повторив свой чемпионский титул в 1911, 1912 и 1913 годах, став четырехкратными чемпионами МФЛ на заре ее существования.

Таблица 1.

Результаты успехов «Морозовцев» (КСО) в 1910–1912 гг. [15, с. 12–13]

Клубы	1910 г.	1911 г.	1912 г.	Поле
К.С.О. - С.К.С	2:6 7:2	6:2 11:0	3:0 14:2	Москва КСО
К.С.О. – К.Ф.С.	7:1 8:1	2:0 3:3	2:0 3:1	Москва КСО
К.С.О. – «Унион»	3:2 7:2	1:2 3:1	6:2 8:1	Москва КСО
К.С.О. – З.К.С.	5:1 4:0	1:1 4:1	2:1 5:2	Москва КСО
К.С.О. – М.К.Л.	-	5:2 11:2	-	Москва КСО
К.С.О. – Б.К.С.	-	-	5:2 2:3	Москва КСО
К.С.О. – «Новогир.»	-	-	7:0 8:1	Москва КСО
К.С.О. – «Вся Москва»	1:3	5:6	2:0	Москва КСО

Год	Число игр	Выиграли	Ничья	Проиграли	Голы: Выигр.	Голы: Проигр.	
1910	8	7	0	1	43	15	
1911	10	7	2	1	49	14	%
1912	12	11	0	1	65	15	отношения 3.59
				Всего:	157	44	

Успех футбольной команды клуба спорта «Орехово» привел к популяризации футбола в регионе. В Орехово-Зуево практически каждая рабочая казарма имела свою футбольную площадку. Футбольные кружки стали создаваться в окрестных населенных пунктах: Глухове, Павловском Посаде, Дрезне, Ликино, Дулеве, Городищах. Официально Орехово-Зуевская футбольная лига была образована только в 1911 году, а через год появилась детская футбольная лига. Организатором и первым председателем этой Лиги был Джеймс (Яков Климентьевич) Чарнок (в 1910 году помощник директора прядильной фабрики В. Морозова, капитан футбольной команды «Морозовцы»). [11].

На средства главы Никольской мануфактуры В. Морозова, Ивана Викуловича Морозова 7 апреля 1914 года был открыт новый футбольный стадион, вмещавший более 10 тыс. человек. Это футбольное поле долгие годы считалось одним из лучших в России. С началом Первой мировой войны в армию было призвано 58 членов клуба спорта Орехово, а помещение Клуба на историческом стадионе было передано в распоряжение общества «Красный Крест» [11].

Несмотря на то, что членство в спортивных клубах и лигах было ограничено, к 1914 году в России немалое количество некогда внелиговых футбольных команд смогли получить официальный статус и даже начали арендовать поля у официальных клубов. Тем не менее, по сравнению с европейскими стандартами, зрительская посещаемость матчей в России оставалась на низком уровне. Наибольший интерес у зрителей вызывали только игры между сборными городов или матчи с зарубежными командами.

На этапе становления игры в России молодая национальная сборная не могла на равных соперничать с ведущими футбольными державами мира. Это стало очевидным во время Олимпийских игр в Стокгольме летом 1912 года. В состав сборной России тогда входили 17 лучших футболистов: 10 представляли Петербург, 7 – Москву. В числе игроков, выступавших за российскую олимпийскую сборную от КСО, были Андрей Акимов и Николай Кынин.

Русская команда проиграла свой первый матч за рубежом со счетом 1:2. Корреспондент журнала «К спорту!» отмечал: «Россия вела игру больше в нападении, но несыгранные и нападение, и защита дали возможность финляндцам забить второй год…» [16, с. 18]. Однако настоящей катастрофой для русских футболистов стала встреча в матче со сборной Германии, закончившаяся разгромным счетом 16:0. В прессе окрестили эту игру «Спортивной Цусимой», подметив, что «усилия следует направить на общенародное развитие спорта в стране, благо к нему проснулась охота и интерес…» [17, с. 2].

Заключение

Развитие футбола в Российской империи было обусловлено процессами урбанизации, ростом рабочего класса и влиянием зарубежных спортивных традиций. Футбол стал не только видом спорта, но и социальным явлением, отражавшим изменения в обществе.

Анализ прессы позволил выявить основные тенденции, связанные с развитием футбола: пропаганда этого вида спорта как средства физического воспитания и укрепления здоровья; акцентирование внимания на моральных качествах футболистов: товариществе, смелости, выносливости и честной игре; освещение футбольных соревнований, стимулирование конкуренции и развитие клубного движения; обсуждение проблем организации футбола, правил игры и подготовки футболистов.

Пресса сыграла ключевую роль в популяризации футбола и формировании общественного мнения. Газеты и журналы регулярно публиковали отчеты о футбольных матчах, обзоры команд, интервью с игроками и тренерами. Это позволяло широкой аудитории узнавать о футболе, его правилах, участниках и достижениях. В начале своего распространения футбол сталкивался с критикой со стороны консервативных слоев общества, которые считали его «грубой» и «непристойной» забавой. Тем не менее именно спортивная пресса играла важную роль в преодолении этих стереотипов, представляя футбол как полезное и зрелищное занятие. Также публиковались статьи о пользе этого вида спорта для физического развития, укрепления здоровья и воспитания командного духа. Подчеркивались такие качества футболистов, как ловкость, сила, выносливость, смелость и товарищество.

Таким образом, формирование и эволюция футбола в Российской империи в конце XIX–начале XX века представляли собой сложный и многоаспектный процесс. Тем не менее, в этот период футбол в России находился на начальной стадии развития. Это проявлялось в нескольких аспектах. Во-первых, инфраструктура была весьма ограниченной – большинство стадионов были временными деревянными постройками, что не способствовало созданию комфортных условий для игры и зрителей. Во-вторых, организация футбольного движения оставляла желать лучшего. В стране отсутствовала общенациональная профессиональная лига, что затрудняло систематическое развитие и популяризацию спорта. В-третьих, доступность футбольных клубов была крайне низкой. Обычные рабочие не имели возможности стать членами клубов или участвовать в соревнованиях, что ограничивало приток новых игроков и зрителей. Наконец, уровень спортивного мастерства оставлял желать лучшего. Матчи с иностранными командами, как правило, заканчивались

для российских футболистов крупными поражениями, что подчеркивало недостаток опыта и квалификации в сравнении с зарубежными соперниками. Таким образом, несмотря на появление футбола в России, его развитие было затруднено множеством факторов, которые сдерживали его рост и популяризацию среди населения.

Список литературы

1. Рахманов А. Б. Паровые машины, револьверы и индустриальный капитализм: генезис и основания спорта // ЭКО. 2018. № 7 (529).

2. Спорт и игры. Футбол в Англии. 1912. № 9. С. 2-3.

3. Савин А. В. Москва футбольная: полная история в лицах, событиях, цифрах и фактах. М.: Спорт. 2016. 789 с.

4. ЦГИА СПб. Ф. 287. Оп. 1. Д. 153. Л. 42.

5. Ромм М. Д. Я болею за «Спартак»: Спорт, путешествия, восхождения. Алма-Ата: Жазушы. 1965. 326 с.

6. К спорту! О футболе // Еженедельный спортивный журнал: официальный орган Московской футбольной лиги, Московского стрелкового общества, Русского гимнастического общества. 1911. № 1. С. 9.

7. К спорту! Всероссийский футбольный союз. Футбол «вне лиги» // Еженедельный спортивный журнал: официальный орган Московской футбольной лиги, Московского стрелкового общества, Русского гимнастического общества. 1911. № 7. С. 5.

8. Михеева Г. В. Георгий Александрович Дюперрон: спорт и Библиотека. Публичная библиотека: люди, книги, жизнь Сб. ст. / Рос. нац. б-ка Санкт-Петербург. Изд-во РНБ. 1988. С. 100-101.

9. Устав Московской футбольной лиги в Москве. М. 1909. 16 с.

10. Лизунов В. С. «Морозовцы». Страницы истории отечественного футбола. - Орехово-Зуево. 1992. 200 с.

11. Сыроежкина Л. «Клуб-Спорт» при фабриках Товарищества Мануфактур «Викула Морозова с сыновьями в м. Никольском» (по материалам МУК «ОЗГИКМ») // https://www.bogorodsk-noginsk.ru/o-z/sport-club.html (дата обращения: 01.04.2025).

12. Русский спорт. Футбол // Еженедельный спортивный журнал. 1909. № 11. С. 13.

13. К спорту! Рабочие и спорт // Еженедельный спортивный журнал: официальный орган Московской футбольной лиги, Московского стрелкового общества, Русского гимнастического общества. 1911. № 11. С. 4.

14. Устав Клуб-Спорт Орехово при фабриках Товарищества Мануфактур Викула Морозова с С-ми в м. Никольском Владимирской губ., Типо-Литография В.А. Паркова. 1913. 16 с.

15. К спорту! Матч Москва – сборная Морозовцы // Еженедельный спортивный журнал: официальный орган Московской футбольной лиги, Московского стрелкового общества, Русского гимнастического общества. 1912. № 48. С. 12-13.

16. К спорту! Орехово-Зуевская футбольная лига // Еженедельный спортивный журнал: официальный орган Московской футбольной лиги, Московского стрелкового общества, Русского гимнастического общества. 1912. № 30. С. 18.

17. К спорту! Спортивная Цусима // Еженедельный спортивный журнал: официальный орган Московской футбольной лиги, Московского стрелкового общества, Русского гимнастического общества. 1912. № 32. С. 2.

RYABOVA Maria M. – Senior Lecturer at the Department of History and Humanities of The State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuyevo, email: ryabova_mm@mail.ru.

Keywords: football, football history, football league, non-league football, Orekhovo Sports Club, Morozovtsy.

THE PROBLEMS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF FOOTBALL IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE REFLECTION OF THE SPORTS PRESS OF THE EARLY 20TH CENTURY

Annotation

The author of the article analyzes sports magazines, constituent documents of sports organizations of the early 20th century in order to identify the main problems that football leagues and sports clubs faced at the stage of football formation in Russia. Using the example of one of the best teams of the Moscow Football League - "Morozovtsev" ("Club-Sport Orekhovo"), the conditions for joining a sports club are considered, the features of managing organizational processes and financial support for the club's activities are identified. The author notes the facts of the inaccessibility of "league football" of the early 20th century to the broad masses. At the same time, football league competitions prompted spontaneously emerging non-league football teams to adopt the general principles of sports organization.

References

1. Rakhmanov A. B. Steam engines, revolvers and industrial capitalism: the genesis and foundations of sports // ECO. 2018. № 7 (529).

2. Sports and games. Football in England. 1912. No. 9. pp. 2-3.

3. Savin A.V. Moscow football: a complete history in persons, events, figures and facts. M.: Sport. 2016. 789 p.

4. TsGIA SPb. F. 287. Op. 1. D. 153. L. 42.

5. Romm M. D. I support Spartak: Sports, travel, climbing. Alma Ata: Zhazushi. 1965. 326 p.

6. To the sport! About football // Weekly sports magazine: the official organ of the Moscow Football League, the Moscow Shooting Society, the Russian Gymnastic Society. 1911. No. 1. p. 9.

7. To the sport! The All-Russian Football Union. Football "outside the league" // Weekly sports magazine: the official organ of the Moscow Football League, the Moscow Shooting Society, the Russian Gymnastic Society. 1911. No. 7. p. 5.

8. Mikheeva G. V. Georgy Alexandrovich Duperron: sports and Library. Public Library: people, books, life Collection of Art. / Russian National Library b-ka St. Petersburg. Publishing house of the Russian National Library. 1988. pp. 100-101.

9. The Charter of the Moscow Football League in Moscow. M. 1909. 16 pages .

10. Lizunov V. S. "The Morozovites". Pages of the history of Russian football. - Orekhovo-Zuyevo. 1992. 200 p.

11. Syroezhkina L. "Club-Sport" at the factories of the Vikula Morozova and Sons Manufactory Association in M. Nikolsky (based on the materials of the OZGIKM MUK) // https://www.bogorodsk-noginsk.ru/o-z/sport-club.html (date of request: 04/01/2025).

12. Russian sports. Football // Weekly sports magazine. 1909. No. 11. p. 13.

13. To the sport! Workers and Sports // Weekly sports magazine: the official organ of the Moscow Football League, the Moscow Shooting Society, the Russian Gymnastic Society. 1911. No. 11. p. 4.

14. The Charter of the Orekhovo Sports Club at the factories of the Vikula Morozov Manufacturing Association in M. Nikolsky, Vladimir Province, Typograph by V.A. Parkov. 1913. 16 p.

15. To the sport! The Moscow – Morozovtsy national team match // Weekly sports magazine: the official organ of the Moscow Football League, the Moscow Shooting Society, and the Russian Gymnastic Society. 1912. No. 48. pp. 12-13.

16. To the sport! Orekhovo-Zuyevskaya Football League // Weekly sports magazine: the official organ of the Moscow Football League, the Moscow Shooting Society, the Russian Gymnastic Society. 1912. No. 30. p. 18.

17. To the sport! Sportivnaya Tsushima // Weekly sports magazine: the official organ of the Moscow Football League, the Moscow Shooting Society, and the Russian Gymnastic Society. 1912. No. 32. p. 2.

ПРАВИЛА
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК» *

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:
- Политология
- История
- Экономика
- Особое мнение

2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.

3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.

4. Объем статей ограничен 14 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи.

5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.

6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.

7. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.

8. Гонорары за публикации не выплачиваются.

9. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.

10. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смыл высказываний автора.

---

* Полные требования к материалам и образец оформления статьи опубликованы на сайте http://pstmaterik.ru/author-center/

ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»

Статьи предоставляются в редакцию в электронном формате MS Word; шрифт – Times New Roman, кегель – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Отступы с каждой стороны страницы 2 см.

Перед основным текстом статьи должны быть представлены на русском и английском языках:

– название статьи заглавными буквами;

– сведения об авторе:

- фамилия, имя, отчество;
- ученая степень, звание, должность;
- полное название места работы автора и адрес (страна, город); При написании статьи авторским коллективом достаточно указания адреса ответственного автора.
- адрес электронной почты;
- SPIN-код;
- ORCID автора.

– аннотация (объем – 3–4 предложения, не более 200 слов);

– ключевые слова (5–8 слов по теме статьи).

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи. Англоязычное название должно быть грамотно переведено на английский язык, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Текст статьи должен содержать разделы: введение (актуальность), основное содержание работы, заключение. Основной текст может делиться на части, имеющие самостоятельные заголовки. Они выделяются полужирным шрифтом, выравниваются посередине. Точка в конце не ставится.

Таблицы и рисунки должны быть хорошего качества. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Над таблицей указывается ее порядковый номер и название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом, например, **Таблица 1. Этнический состав Ханты-Мансийского округа на 2020 г.**

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Под рисунком указывается порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом (например, **Рис. 3. Динамика внешней торговли Казахстана в 2010–2020 гг.).**

Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации, материалы конференций должны быть оформлены в виде внутритекстовых ссылок в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы через запятую с пробелом, например, [5, с. 43–49].

Ссылки на источники без авторства, статистические отчеты, архивные материалы, комментарии автора могут быть приведены в постраничной сноске. Используется шрифт Times New Roman, кегель – 10 пт.

[1] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.1. Оп.1. Д. 194. Л. 15.

[2] Укрепить консенсус по развитию и создать путь к совместному процветанию // https://posol-knr-v-rf-rossiia-i-kitaj-sozdadut-put-k-sovmestnomu-procvetaniiu.html (дата обращения: 20.10.2018).

[3] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

Список литературы является обязательной составной частью статьи. Материалы без библиографического списка к публикации не принимаются. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте. Список литературы составляется по порядку упоминания источников в статье. Если источник имеет DOI, его следует указать в конце библиографического описания. Ссылки на газеты и журналы должны включать название издания, дату выхода, автора, название цитируемого материала, страницу, номер и год выпуска. При наличии Интернет-адреса указывается дата обращения.

Например:

1. Ефремов М.Е. К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо. 2009. 260 с.

2. Содержание и технологии образования взрослых: сб. науч. тр. // Институт образования взрослых / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ. 2007.

3. Лэтчфорд Е. С Белой армией в Сибири. Российская газета. 2018. 9 сентября. С. 34–35 // http://rg.ry/2018/09/09/east-front-narod-latchford.html (дата обращения: 19.07.2020).

4. Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков: дис… канд. экон. наук. М., 2002.

Список литературы (References) должен быть грамотно переведен на английский язык. Например, Nechaeva A.M. Stages of development and features of Chinese outbound tourism // Problems of the Far East. 2008. No. 4 (July-August). Pp. 120–132.

The institute of the CIS countries

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

POST-SOVIET MAINLAND

№ 2 (46)

MOSCOW

2025

Chairman of the Board of founders – K.F. Zatulin

Publisher – Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries)

Editorial board:

V.G. Egorov – editor-in – chief, doctor of economics, doctor of history, professor.

S.Ya. Lavrenov – chief editor, doctor of political science, professor.

O.V. Savina – editor.

A.A. Lvova – proofreader.

A.A. Gorbunov – design layout.

A.V. Manoilo – doctor of political science, professor of the Department of Russian politics at Moscow state University M. V. Lomonosov.

V.V. Stoll – doctor of political science, professor of the department International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, editor-in-chief of the "Observer " magazine.

A. A. Markarov – doctor of political science, professor of Yerevan state University.

M.V. Konotopov – doctor of economics, professor,
deputy. manager Department of Economic Theory,
IE RAS honored worker of science of the Russian Federation.

O.D. Kuznetsova – doctor of economics,
professor of the Department of economic theory of the Russian University of Economics G.V. Plekhanov.

S.A. Baibakov – doctor of historical sciences,
professor at Moscow state University M.V. Lomonosov.

M.A. Olimov – doctor of historical sciences,
professor of the Department of foreign regional studies
of the Tajik national University.

G. Maitdinova – doctor of historical sciences,
professor of the Department of foreign regional studies and foreign policy of the Russian-Tajik (Slavic) University.

M.A. Rakhimov – doctor of historical sciences,
professor of the Coordination and methodological center of modern history of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

A.V. Abramov – candidate of political sciences, Associate Professor,
Department of comparative political science Lomonosov Moscow State University, editor-in-chief of the Russian Social and humanitarian journal.

CONTENT

POLITICAL SCIENCE.....4

S. YA. LAVRENOV. *MOLDOVA ON THE EVE OF A DECISIVE CHOICE: PARLIAMENTARY ELECTIONS–2025* 4

S. N. BOLSHAKOV. *RUSSIA'S FOREIGN POLICY AS ASSESSED BY PUBLIC OPINION: PERCEPTION, AMBITION AND PRAGMATISM* 18

YU. V. BARANCHIK. *THE BELARUSIAN OPPOSITION ABROAD*.....39

A. V. GROZIN. *THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 IN THE HISTORICAL POLITICS OF THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS. PART II*.....56

A. R. ERMANALIEVA. *US AND BRITISH POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE* 68

S. A. KUDRYAVTSEV. *ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF CONSOLIDATING DEMOCRACY*.....80

ECONOMY 93

N. V. VLASOVA, V. A. OLENCEVICH. *DEVELOPMENT DIRECTIONS OF THE TRANSPORT AND LOGISTICS BUSINESS OF THE RUSSIAN RAILWAYS HOLDING AND KEY INITIATIVES OF STRATEGIC DEVELOPMENT*.....93

D. R. BIKBULATOV. *DIFFERENTIATION OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION AS A THREAT TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY. PART II* 109

HISTORY 124

M. A. AVIMSKAYA, I. V. SHRAMKO. *THE ROLE OF THE ORTHODOX CHURCH IN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA* 124

M. V. PALEOLOG, O. A. SUKCHORUKOVA. *UNIVERSAL CIVILIZATION: ON THE ISSUE OF TERMINOLOGY*.....136

M. M. RYABOVA. *THE PROBLEMS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF FOOTBALL IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE REFLECTION OF THE SPORTS PRESS OF THE EARLY 20TH CENTURY*.....149

RULES FOR SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE "THE POST-SOVIET MAINLAND"..... 162

INFORMATION IN ENGLISH..... 165

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внутриполитических процессов, экономических, социальных и социокультурных проблем, сравнительного правоведения, межгосударственных отношений, вопросов безопасности и сотрудничества с учетом стратегических приоритетов РФ.

Журнал издается на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России 40622. Подписку также можно оформить на сайте: http://www.akc.ru/itm/postsovetskiy-materik

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

По вопросам получения контактных данных авторов, а также для приобретения журнала можно обращаться в редакцию.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК
Научно-аналитический журнал
№ 2 (46), 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141 выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 16+

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефон: +7(495) 951-21-50,
e-mail: pstmaterik@mail.ru,
сайт журнала: www.pstmaterik.ru

Подписано в печать 25.05.2025
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 12/Е

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект,
д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.